ЛУЧШИЕ БИОГРАФИИ

ЕКАТЕРИНА ФУРЦЕВА

ЛЮБИМЫЙ МИНИСТР

Нами Микоян
Феликс Медведев

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга имеет несколько странную предысторию. И Нами Микоян, и Феликс Медведев в разное время, по разным причинам обращались к этой теме, но по разным причинам их книги не были завершены и изданы.

Основной корпус «Неизвестной Фурцевой» составляют материалы, предоставленные прежде всего Н. Микоян. Вторая часть книги — рассказ Ф. Медведева о знакомстве с дочерью Фурцевой, интервью-воспоминания о министре культуры СССР, которые журналист вместе со Светланой взяли у М. Магомаева, В. Ланового, В. Плучека, Б. Ефимова, фрагменты бесед Ф. Медведева с деятелями культуры, касающиеся образа Е.А.Фурцевой, а также отрывки из воспоминаний и упоминаний…

В книге использованы фрагменты из воспоминаний выдающихся деятелей российской культуры, близко или не очень близко знавших нашу героиню (Г. Вишневской, М. Плисецкой, С. Михалкова, Э. Радзинского, В. Розова, Л. Зыкиной, С. Ямщикова, И. Скобцевой), но так или иначе имеющих свой взгляд на неоднозначную фигуру советской эпохи.

- Нами Микоян, Феликс Медведев
  - Две незавершенные книги слились в одну…
  - Нами Микоян. Неизвестная Фурцева
    - Последний день
    - «Фигаро» о «Фурцевской афере»
    - «Мой отец покончил с собой…»
    - Сексапильный секретарь МГК партии
    - «Меня обаял Алеша Микоян…»
    - «Подожди…» — Фурцева тут же связалась с Сусловым
    - Министр Фурцева… показывает кино
    - Зайцев сравнил ее с Жаклин Кеннеди
    - Старалась походить на Марецкую
    - Связь с Хрущевым — забавный анекдот?
    - Хрущева спасли Фурцев и Жуков
    - «Муж часто спорил с министром»
    - «Что вы хотите — климакс…»
    - Схватка за гуманитариев
    - «За одного битого сколько небитых дают?»
    - «На лесоповал их всех…»
    - Марк Шагал мог стать народным художником СССР?

- Как «такое» пропустила цензура?
- Этот «рыжий» бесчинствует вокруг культуры
- За годы работы министром не уволила ни одного человека
- Мария Каллас жила на дачке в Баковке
- Политбюро слушает Бенни Гудмена
- Вишневская о Фурцевой… резко, непримиримо, зло…
- Нынче Галина Павловна воспитывает, Майя Михайловна посвящена себе
- «Прямо из аэропорта Слава поехал на могилу Шостаковича»
- «Прикройте, Майя, голые ляжки…»
- Майя в пачке — мишень для убийцы?
- Она шагнула в бездну
- «Давайте помиримся, всякое бывает…»
- «Я хоть и Екатерина, но не Великая»
- Сервиз для Малого театра
- Мать, дочь, внучка
- Недолюбленная, недолюбившая…
- Пропуск на могилу Фурцевой
- Никаких «Бесов», никаких Высоцких…
- Она понимала, что художник важней чиновника
- Не любила мужчин, которые видели в ней только столоначальника…
- Рождение «Таганки»
- Как Фурцева убила «Живого»
- Олег Табаков: «Она прикрывала спину Ефремова»
- «Разогнать в шею и отправить в Муром…»
- «О чем думает Фурцева? «Современник» Ефремов уже развалил, теперь будет доразваливать МХАТ»
- Приподняв юбку, показала очаровательные ножки
- «В нашей стране министром культуры должна быть женщина»
- Товстоногов: «Переехал бы в Москву, поближе к Фурцевой»
- «Уберите со сцены кровать!..»
- Одинаковые платья
- «Сил больше нет…»
- Портрет Гирингелли
- Еврейский вопрос

- «Вы получаете, а мы — зарабатываем». Фурцева онемела…
- Министерский улов
- Любите ли вы Брамса?
- «Уши, как пельмени, рисуете…»
- Она всех называла на «Вы»
- «Екатерина Алексеевна, послушайте песню…»
- Закрытый человек
- Рок-музыку Фурцева не заметила…

○ Ф. Медведев. История ненаписанной книги
- История ненаписанной книги
- Вникала в дела, умела власть употребить…
- «Почему на вашем лице не видно косметики?»
- Фурцева: Pro et Contra
- Собран материал, закончена книга, поставлена точка…
- Она сделала карьеру «в мире мужчин». Астрологический портрет Екатерины Фурцевой

○ Биография, деятельность Е.А.Фурцевой

○ Использованная литература

○ Об авторах книги

Нами Микоян, Феликс Медведев Екатерина Фурцева. Любимый министр

Две незавершенные книги слились в одну…

Эта книга имеет несколько странную предысторию. И Нами Микоян, и Феликс Медведев в разное время, по разным причинам обращались к этой теме, но по разным причинам их книги не были завершены и изданы.

Нами Артемьевна Микоян задумала свою книгу десять лет назад к 90-летнему юбилею Е.А.Фурцевой. Мемуаристка, музыковед, мама знаменитого музыканта Стаса Намина, она решила написать о министре культуры СССР не случайно. Первым мужем Нами был сын видного государственного деятеля А.И.Микояна Алексей Микоян, вторым — заместитель министра культуры СССР Василий Феодосьевич Кухарский. Нами Артемьевна сама не раз встречалась с Е.А.Фурцевой, а многолетние рабочие и почти дружеские отношения ее мужа с Фурцевой давали возможность автору более полно и глубоко понять характер, натуру, узнать о событиях личной и деловой жизни одной из самых ярких и неординарных женщин нашей страны.

Ценным для книги материалом стало использование Нами Микоян дневниковых записей мужа, которые он делал в течение всего периода работы с Фурцевой, а также обнаруженные в его архиве письма и документы.

Близко зная дочь Екатерины Алексеевны, Светлану, Нами беседовала с ней о маме. Помогало Нами и то, что в кругу ее друзей — яркие личности, близко знавшие Фурцеву. Знакомясь с их воспоминаниями, Нами выбирала те, которые наиболее полно раскрывают образ выдающейся женщины.

Но издать ту книгу Нами Микоян не удалось. Собранный материал почти десять лет пролежал в письменном столе.

Обращение же Ф.Медведева к теме Фурцевой абсолютно случайно. В 1995 году он неожиданно познакомился с ее дочерью Светланой. Что вышло из этого общения, а точнее, что не вышло, он рассказывает во второй главе книги.

Теперь о главном.

С Нами Микоян журналист познакомился лет пять назад — пришел за интервью для газеты. После первой беседы встречи стали постоянными, почти дружескими. С огромным интересом он слушал рассказы о ее встречах с Арамом Хачатуряном, Арно Бабаджаняном, Родионом Щедриным, Майей Плисецкой, о чудодейственном влиянии Вольфа Мессинга на всю дальнейшую

жизнь Нами после первой с ним встречи в 60-х годах, о Йоко Оно, жене легендарного Джона Леннона, о крупном современном политике Евгении Примакове… О многом и о многих… И конечно, о Фурцевой. Как-то Нами посетовала, что у нее мертвым грузом лежит недописанная книга о Екатерине Алексеевне, а журналист признался о своей такой же неудачной попытке. Родилась идея — соединить две рабочие папки в одну. Тем более что приближался 100-летний юбилей министра культуры великой страны.

Основной корпус «Неизвестной Фурцевой» составляют материалы, предоставленные прежде всего Н. Микоян. Вторая часть книги — рассказ Ф. Медведева о знакомстве с дочерью Фурцевой, интервью-воспоминания о министре культуры СССР, которые журналист вместе со Светланой взяли у М. Магомаева, В. Ланового, В. Плучека, Б. Ефимова, фрагменты бесед Ф. Медведева с деятелями культуры, касающиеся образа Е.А.Фурцевой, а также отрывки из воспоминаний и упоминаний…

То, что книга стала наполовину книгой-интервью, — идея журналиста. Во-первых, интервью — его любимый жанр, а во-вторых, авторам показалось, что живой разговор, при котором темы возникают спонтанно, без особой хронологии, делает повествование динамичным, а образ героини объемным и более полноценным.

Авторы благодарят Марину, внучку Екатерины Алексеевны Фурцевой, и библиотеку имени Е.А.Фурцевой за предоставленные фотоиллюстрации.

В книге использованы фрагменты из воспоминаний выдающихся деятелей российской культуры, близко или не очень близко знавших нашу героиню (Г. Вишневской, М. Плисецкой, С. Михалкова, Э. Радзинского, В. Розова, Л. Зыкиной, С. Ямщикова, И. Скобцевой), но так или иначе имеющих свой взгляд на неоднозначную фигуру советской эпохи.

Надеемся, прочтя эту книгу, читатель каждый по-своему ответит на вопрос, любила ли Фурцева Брамса.

Нами Микоян, Феликс Медведев

Нами Микоян. Неизвестная Фурцева

Последний день

Утром 24 октября 1974 года в приемную министра культуры СССР позвонила Зоя Туманова, заместитель заведующего отделом культуры ЦК и, неожиданно поинтересовавшись, как здоровье Екатерины Алексеевны, попросила помощницу под каким-то предлогом зайти к Фурцевой. Та зашла. Екатерина Алексеевна сидела сама не своя с задумчиво-потерянным взглядом. Всегда исключительно ухоженная прическа была не в порядке. Помощница попросила разрешения поправить ей волосы, потом предложила выпить крепкого чаю. Фурцева согласилась. Официантка Верочка принесла чай.

В приемной ждала народная артистка СССР Вера Дулова. Помощница подумала, что Фурцева вряд ли ее примет. Но когда через некоторое время с какими-то бумагами зашла снова, увидела Дулову уже в кабинете. Рабочий день Екатерины Алексеевны был загружен, как обычно, множество посетителей…

Хозяйка министерского кабинета слегка перекусила в маленькой комнате возле кабинета, одна. Вечером ей предстояло сделать приветственный доклад в честь юбилея Малого театра. Но часов в шесть она узнала, что выступать будет Николай Подгорный.

Последнее время вокруг Фурцевой сжимались тиски. Сильнейшим ударом стало ее неизбрание в конце 1973 года депутатом Верховного Совета СССР. Для гордой и честолюбивой женщины это означало крах дальнейшей карьеры.

Неоднократно секретарь ЦК Андрей Кириленко попрекал Фурцеву строительством личной дачи. Отчитали ее и на секретариате ЦК. Не удержалась, ответила резко. По коридорам вовсю шли разговоры о том, что вот-вот секретаря ЦК Демичева снимут с должности и, оставив в Политбюро, назначат на другую работу. Скорее всего, министром культуры. Что же тогда будет с ней?

Накануне, во время гастролей в Голландии, скончался Давид Ойстрах, которого Фурцева очень любила. Она отговаривала его от поездки, зная, что у музыканта больное сердце. Вместе с Василием Феодосьевичем Кухарским, замом, написали некролог, под которым потом поставят подписи руководители партии и правительства, деятели искусств.

На приеме в Малом театре старалась держаться непринужденно, сделала несколько глотков «Боржоми», рано ушла. Заехала к дочери, посидела недолго, была грустна. Села в машину и уехала домой. Муж еще не вернулся. Около

одиннадцати позвонила дочери. Та удивилась:

— Мама, почему у тебя такой голос?

— Ничего, утром я позвоню.

Набрала номер Людмилы Зыкиной, сказала ей несколько слов. Приняла душ. Из ванной уже не вышла… Без десяти час в квартире Светланы снова раздался звонок, звонил Николай Павлович Фирюбин: «Мамы больше нет»… И положил трубку.

На панихиде в новом здании Художественного театра на Тверском бульваре (год назад Фурцева с воодушевлением выступала на его открытии) многие плакали. С прощальными словами выступали Кухарский, Царев и другие. Константин Симонов произнес проникновенные слова: «Екатерина Алексеевна всегда имела смелость сказать «да» — и делала все, чтобы поддержать, помочь… Имела смелость сказать «нет» — и ее поступки всегда соответствовали сказанному. Так поступать могла только большая, светлая личность».

Дочери Фурцевой писатель отправил телеграмму:

«Милая Светлана, даже не могу слов найти — так это горько сознавать, что больше нет на свете такого замечательного, храброго и благородного человека — каким была Ваша мама. Я любил и глубоко уважал ее и вместе с Вами горюю сегодня. Моя жена и дочери глубоко соболезнуют Вам и Вашим близким.

Крепко жму Вашу руку, уважающий Вас

Константин Симонов.

25. X.74».

«Фигаро» о «Фурцевской афере»

Из дневника Василия Кухарского:

«Перечитываю свой дневник: опять Париж, опять наш фестиваль. В отеле каждый вечер заполнял меню на завтрак следующего утра. Следовало отмечать и нужные мне газеты, чего я не делал при неидеальном знании французского, английского и прочих языков. И вот в одно прекрасное утро приносят газету «Фигаро». Понял, что от меня желают прочтения чего-то, да и официант лукаво улыбался. Это «что-то» оказалось статьей «Фурцевская афера». Статья вроде бы незлобивая, да и само понятие «афера» у французов имеет более мягкий оттенок: «история», «предприимчивость» или что-то в этом роде. Посол Червоненко рассказал мне, что это уже вторая волна по поводу Фурцевой во французской печати. Первая — в связи с ее неизбранием депутатом Верховного Совета. К теме дачи обратились потому, что французам после решительных действий нового президента Жискара д'Эстена по расширению участия женщин в государственном управлении важно было подчеркнуть, что в СССР была одна талантливая баба, да и та…

Летом 1974 года в жизни Екатерины Алексеевны случились большие неприятности. По настоянию дочери она построила под Москвой дачу. Строение было зарегистрировано как личное, хотя в распоряжении министра культуры была и дача государственная. Новостройка получилась ни шикарной, ни дорогостоящей, но газеты по наущению сверху раздули эту историю, уличив министра в стяжательстве. Дело в том, что некоторые стройматериалы приобретались не по коммерческим, а по государственным ценам, хотя многим более высокопоставленным мужам подобное сходило с рук. С Фурцевой же поступили откровенно жестоко. Дачу пришлось сдать государству».

— Я думаю, Нами, неужели Екатерина Алексеевна не знала о неписаном правиле: тот, кому полагалась государственная дача, не должен был обзаводиться собственной?

— К нарушению этого правила наверху относились достаточно серьезно. Но первым его нарушил Брежнев, семья которого потихоньку обзавелась загородным домом. Потом, то один министр, то другой последовали примеру генсека. Уступая настойчивым просьбам дочери, пошла на это и Фурцева. Но, к ее чести, она тщательно следила за тем, чтобы все купленные стройматериалы и труд рабочих оплачивались из личных средств.

Тем не менее, в нее вцепились мертвой хваткой. В итоге, как министру культуры СССР, ей предстояло держать ответ перед

самой грозной инстанцией — комиссией партийного контроля при ЦК КПСС. И тогда Екатерина Алексеевна решила позвонить Брежневу. По-видимому, она повинилась перед ним, что взяла грех на душу — завела собственную дачу. Но и вы-то, дескать, там хороши: набросились на меня, единственную среди вас женщину.

Брежневу ничего не оставалось, как отдать распоряжение прекратить расследование «дачного» дела.

Светлана с горечью рассказывала мне обо всем этом. Деньги на строительство собирали всей семьей. Муж Игорь получил гонорар за сценарий и переводы, Светлана — за книгу. Продали машину, набрали двадцать пять тысяч. Но Екатерина Алексеевна, по словам дочери, смотрела на «людское общежитие» совсем по-другому, для нее на первом месте стояло общественное мнение.

Кириленко настаивал на создании комиссии по расследованию инцидента, но у него сорвалось. Фурцевой объявили выговор, дачу постановили отобрать. Деньги же вернули. Семья положила их на сберкнижку. Мама, как говорила Светлана, сразу написала завещание. Хотела, чтобы, когда ее не станет, деньги достались дочери. В последние годы она поняла, что в случае ее смерти в квартиру на улице Алексея Толстого, где она жила со своим мужем Николаем Фирюбиным, Светлана не войдет. Так оно и случилось.

— О смерти Екатерины Алексеевны много уже говорено и написано. Тема, конечно, трагическая. Почему так неожиданно она ушла из жизни? Было это самоубийство или сердечный приступ? Даже сегодня, спустя много десятилетий, уход из жизни сильной, самобытной женщины трогает сердца людей. Время стремительно летит, многое забывается. Что же все-таки случилось в тот далекий октябрьский день?

— Мы с Василием Феодосьевичем приехали в квартиру Фурцевой и Фирюбина одни из первых. Утром, на следующий день после ее кончины. Надо заметить, что раньше в этой квартире я ни разу не была. Она показалась мне весьма неуютной, почти казенной. Помню ощущение какого-то холода. Хотя квартира хорошая, большие окна, зимний сад при входе… Мы сидели то ли в гостиной, то ли в столовой… Добротная, дорогая мебель, красивые вазы, но уюта не ощущалось. Не чувствовалось семейного тепла.

— Кто вам открыл дверь?

— Точно не помню, кажется, сам Фирюбин, а, возможно, и его дочь Рита. Помню только, что в четырехкомнатной квартире больше никого не было. Фирюбин сообщил, что тело увезли сразу же. Он подробно рассказывал, как Екатерина Алексеевна вернулась из театра, пошла в душ. Приехавшие потом врачи

объяснили, что к остановке сердца могла привести резкая смена горячей и холодной воды. Тем более что Екатерина Алексеевна пребывала в состоянии очень сильного возбуждения. Помню, Фирюбин повторял, что на сердце она не жаловалась, но последнее время пребывала в каком-то напряженном, нервическом состоянии.

Позже, когда я начала собирать материалы о Фурцевой, поняла возможную причину случившегося. Накануне Екатерина Алексеевна должна была прочесть приветственное слово на юбилее Малого театра. Но произнести речь ей не дали, сообщив за несколько часов до торжества, что выступать будет Подгорный. Человек чувствительный и по-женски ранимый, она почувствовала интригу, чиновничьи козни. И поняла, что завтра ее могут просто уволить. Все эти события могли привести к инфаркту.

— А могло и к самоубийству: ведь раньше она уже пыталась вскрыть вены… Хотя Светлана мне говорила, что смерть мамы ей показалась не только неожиданной, но и подозрительной…Что она имела в виду, сказать сегодня трудно, но у меня четко осталось в памяти: Светлана с ненавистью произносила имя Фирюбина.

— Думаю, до смертельного сердечного приступа ее довели равнодушные кремлевские чинуши.

— Вы помните реакцию Кухарского на смерть его начальницы?

— Трагедия его потрясла, Фурцеву он очень любил. Искренне. Знал ее недостатки, часто с ней спорил, но дружеские отношения от этого не портились. Хотя бывало так, что, поспорив, они расходились на несколько часов «в разные углы». А на другой день, когда я звонила ему на работу, а звонила я через секретаршу, и спрашивала, можно ли соединиться с Василием Феодосьевичем, та шутливо говорила: «Сейчас нельзя. У него Екатерина Алексеевна, они мирятся».

Муж отмечал соединение в Фурцевой сильной харизмы и женского обаяния. И еще — стремление понять, познать, разобраться, дойти до сути… Она не вела себя, как Михайлов или Демичев, предыдущий и последующий министры культуры, которые сторонились тех, кто как раз и представлял культуру страны. Фурцева же вошла в эту среду сразу, и многие музыканты, писатели, художники поверили ей.

— Вы были на похоронах?

— Знаете, я не могла… А Кухарский потом мне рассказал о том, какое сильное впечатление произвело на него надгробное слово Константина Симонова. Выступали и другие, но именно

Константин Михайлович наиболее глубоко и точно выразил сущность самобытной натуры Екатерины Алексеевны. Еще долго после похорон муж ходил, как потерянный…

— Дорогая Нами, мы начали с вами непростой разговор об удивительной женщине двадцатого века. Наверное, одной из немногих женщин-министров в мире. Я знаю, что вы почти половиной своей жизни так или иначе пересекались с жизнью и судьбой Екатерины Фурцевой.

Я хочу, чтобы читатель нашей книги узнал о вас.

«Мой отец покончил с собой…»

— Ну что ж. Я охотно расскажу о себе, также как я рассказала о себе когда-то давным-давно Екатерине Алексеевне при первой нашей встрече. Произошло это в 1950 году, когда я, перейдя на пятый курс Ереванской консерватории, поехала на летний отдых в сочинский санаторий «Приморье». Мне повезло, моей соседкой по комнате оказалась удивительно обаятельная, статная, подтянутая, очень приятной внешности молодая женщина — секретарь Московского городского комитета партии. Екатерина Алексеевна много плавала, гуляла, прекрасно играла в волейбол. Я узнала, что она родилась в Вышнем Волочке и очень любила спорт, особенно плавание. Советовала и мне заниматься спортом. Было приятно, что Екатерина Алексеевна расспрашивала об учебе, о родных, об Армении.

Я рассказывала новой знакомой о своем отце, который сразу после того, как в 1921 году в Грузии установилась советская власть, был выбран секретарем Телавского райкома партии. Отец жил будущим, и я была для него тем человеком, который увидит это самое будущее — светлое и прекрасное. Помню, что в доме находилось множество фотографий: строящихся в Телави моста, стадиона, больницы, гостиницы. Екатерина Алексеевна поинтересовалась, почему у меня такое необычное имя, и я рассказала ей, что имя мне придумал отец.

Сначала он хотел назвать меня в честь своей матери, моей телавской бабушки Гаянэ, но потом справедливо решил, что у человека нового времени и имя должно быть новым. Он учился тогда в институте НАМИ (Научный автомобильный и автомоторный институт), этой аббревиатуре я и обязана своим именем. А поскольку НАМИ напоминает грузинское слово «роса», я всем объясняю, что мое имя — роса. Нельзя же говорить, что мое имя — научный автомоторный институт…

Отца я видела редко, он был занят на работе — в Поти, в Чакве, в горах. При нем благоустраивался прекрасный город Батуми, построили новую набережную, осушили болота Колхиды. Под его руководством построили лимонарий, разбили чайные и мандариновые плантации. С гордостью я отметила Фурцевой, что отец стал прообразом главного героя книги Константина Паустовского «Колхида», а Михаил Кольцов написал о папе статью, опубликованную в приложении к журналу «Огонек». В ней говорилось о строительстве новой жизни в Аджарии и о том, сколько сделал для этого мой отец Артем Геурков.

Хотя отец был первым лицом в Аджарии, жили мы скромно в

одноэтажном особнячке из четырех комнат на улице Энгельса, таких особнячков в Батуми было много. Лето проводили в Цихисдзири у моря. Других особых привилегий я не помню.

Моя мама, Ксения Анатольевна Приклонская, из старинного дворянского рода, кстати, к этому роду принадлежал поэт Веневитинов. После окончания института в 1932 году мама работала агрономом на Зеленом мысе в Ботаническом саду, созданном академиком Вавиловым. Там я проводила целые дни.

Летом 1937 года отца назначили заместителем председателя Совнаркома Грузии, и мы переехали в Тбилиси. Но на смену дням радости пришли дни печали. Отец стал молчаливым и замкнутым.

Когда я рассказывала об этом Екатерине Алексеевне, мне показалось, что она все поняла. А это «все» заключалось в том, что отец сам ушел из жизни. Он заперся в своей комнате и что-то долго писал за столом. Потом позвал меня к себе, посадил на тахту. В углу стояли собранные вещи, бумаги, на столе лежало ружье. Я тогда, конечно же, ничего не понимала. Отец поцеловал меня и сказал, как взрослой: «Что бы ни случилось, Нами, верь в партию!»

Ночью мы с мамой проснулись от звука выстрела…

От папы остались две открытки, присланные мне, тогда восьмилетней: одна большая, с котятами — из Парижа, другая, с детьми — из Батуми. На одной из открыток он написал: «Приезжай, скучно без тебя!» И еще сохранилась шкатулка из Италии «O Sole mio» — вот и все.

Сексапильный секретарь МГК партии

…Новая знакомая с интересом слушала мои рассказы. Проведенные вместе вечера запомнились мне человеческим теплом и дружеской атмосферой.

Я уезжала раньше. На прощание, поцеловав меня, Екатерина Алексеевна сказала: «Оставайся всегда такой, какая ты есть!» Сама же она запомнилась стройной, улыбающейся, энергичной… С легкими светлыми прядками, развевающимися от южного ветерка.

— Простите, Нами, шестьдесят лет назад вы были совсем молоденькой девушкой, а ваша соседка пребывала в самом расцвете женского естества. Наверняка на нее заглядывались мужчины, тем более на курорте, под жарким южным солнцем…

— Да, это так. Если говорить сегодняшним языком, я бы назвала фигурку, стройные ноги и обаяние Фурцевой сексапильными. Даже в обычных летних светлых сарафанчиках она выглядела весьма привлекательно. Общительная, дружелюбная, но привычного для южного города курортного романа или даже невинного легкого флирта, как мне показалось, она не допускала. Я замечала, что мужчины провожали ее взглядом, но она соблюдала дистанцию в общении с представителями противоположного пола. Чтобы мужчина начал ухаживать за женщиной, он должен получить от нее некий сигнал. Екатерина Алексеевна этого сигнала не давала: дружеское общение — да, но на мужские знаки внимания она не реагировала. Ее беззаботность, навеянная солнцем и ласковым морем, сменялась легкой задумчивостью, радость — светлой грустью, а от всего облика веяло теплотой и заботой, свойственными русским женщинам.

Хочу заметить, что в том же 50-м году моя жизнь резко изменилась: я вышла замуж и переехала в Москву.

«Меня обаял Алеша Микоян…»

Мой дядя Григорий Арутюнов, шестнадцать лет возглавлявший компартию Армении, фактически удочерил меня после гибели отца. После войны он часто бывал в Москве по служебным делам. Если поездка совпадала с каникулами, мы ехали вместе с ним. Когда мы с дядей приезжали в Москву, нас обычно приглашал на дачу Анастас Иванович Микоян, тогда член Политбюро. Мы с тетей знали его еще по Еревану, он был депутатом от Армении и приезжал в связи с выборами в Верховный Совет.

Семья Микояна была большая и гостеприимная. Часто приходили гости, особенно им радовалась молодежь: все вместе смотрели зарубежные фильмы, играли на бильярде. Анастас Иванович и его жена Ашхен Лазаревна имели пятерых сыновей. Один из них — Володя — погиб во время войны в воздушном бою под Сталинградом. Старший — Степан, авиаинженер и летчик-испытатель, уже был женат. Третий — Алексей, военный летчик, служил в авиаполку в Кубинке и учился в Военно-воздушной академии в Монино. Четвертый сын — Вано учился в Академии имени Жуковского, а пятый, Серго — в Институте международных отношений.

С Алешей я общалась больше, чем с другими. Он был мне симпатичен: обаятельный, в летной форме, с военной выправкой. Я радовалась его появлениям в нашей гостевой квартире в Армянском переулке при постпредстве Армении, где дядя останавливался во время командировок в Москву. Однажды Алеша неожиданно позвонил в Ереван. Вскоре звонки стали регулярными: мы разговаривали каждый вечер, он говорил, что думает обо мне, скучает, хочет видеть. В августе 1950 года Алеша приехал в Ереван к своим родственникам, пришел к нам, признался мне в любви и попросил стать его женой. Я согласилась.

Это были очень счастливые годы в нашей жизни: у нас родился сын, потом дочь. Жили в авиационных гарнизонах, в Москве, во время отпусков мужа много путешествовали. Отдыхали в Карловых Варах в Чехословакии. Санаторий «Империал» после войны оставался в советском ведении. Однажды туда приехала Екатерина Алексеевна со своим вторым мужем Николаем Фирюбиным, послом СССР в Югославии. Они только что поженились и проводили в Карловых Варах медовый месяц. Замечательно красивая пара… Что они влюблены, было заметно даже по тому, как они смотрели друг на друга, как

держались за руки… На все это я обращала внимание, поскольку и сама была молодой, счастливой и влюбленной. Я радовалась, глядя на нее, да и ей было приятно видеть, как удачно начинается моя семейная жизнь.

«Подожди…» — Фурцева тут же связалась с Сусловым

В следующий раз мы встретились с Екатериной Алексеевной лишь в 1957 году на стадионе «Динамо» на футбольном матче. В те годы футбол был очень популярен, на него ходили все. На трибуне мы с Фурцевой сидели рядом. Она тогда уже была секретарем ЦК. Разговорились. Екатерина Алексеевна расспрашивала, как мои родные, особенно дядя Григорий Арутюнов, которого она хорошо знала. Дядю в 1954 году Хрущев снял с должности первого секретаря ЦК компартии Армении. Некоторое время он работал директором овощного совхоза, позже вынужден был переехать в Грузию, но работы там найти не мог — отказывали. Мжаванадзе, первый секретарь ЦК партии Грузии, честно признался: «Боюсь гнева Хрущева!» — рассказывала я Фурцевой.

Квартира у них была маленькой и очень неудобной, без кухни и туалета. Я отправила их в сочинский санаторий и занялась ремонтом. Материалы по госцене помог достать горсовет. Вернулись родные в квартирку, где была привычная атмосфера домашнего уюта: книги на деревянных полках, сделанных из ящиков, в которых их привезли из Еревана, на столе белая крахмальная скатерть. Но радость близких людей омрачалась тем, что работы не предвиделось. Жить им становилось все труднее, приходилось продавать вещи: бурку, теплый, подбитый овчиной казакин, в котором зимой дядя ездил в районы. Жили родные скромно, но привычно, их быт изначально сложился так, что на еду много денег не тратили. Я помогала, чем могла: мой муж к тому времени уже стал полковником, и я смогла посылать им деньги.

Вскоре дядя оказался в больнице с инфарктом. В Москве я просила свекра, Анастаса Ивановича Микояна, дать мне совет: что делать? Надеялась, что дяде, которому к тому времени исполнилось пятьдесят пять, дадут пенсию по инвалидности. Он резко отмахнулся от меня: «Неужели не понимаешь? Я не могу ничего сделать, Хрущев против Арутюнова».

На футбольном матче я честно сказала Фурцевой, что дядя серьезно болел, сейчас поправляется, но впереди тупик — работы все равно нет. Она отреагировала очень бурно: «Завтра придешь ко мне на Старую площадь. Позвони утром». Наутро я позвонила и пришла к ней в кабинет. Она связалась с Сусловым, вышла и сказала мне: «Подожди!» Вернулась через полчаса: «Арутюнов

будет работать в Госплане Грузии. Передай ему, пусть не волнуется!»

Трудно передать словами мою радость и благодарность! В работе отказывали все, кто мог помочь, — боялись Хрущева и откровенно об этом говорили. Откликнулась только Фурцева, не дожидаясь просьбы, сама предложила помощь.

Я побежала в больницу на Грановского, рассказала дяде о своей встрече с Екатериной Алексеевной. Он сразу посветлел лицом и даже стал бодрее. Вскоре они с тетей вернулись в Тбилиси, и он вышел на новую работу. Но проработал на ней только месяц — в городе началась эпидемия гриппа, дядя заболел в свой день рождения — 7 ноября. Через два дня его не стало. На похороны пришел весь Тбилиси.

Министр Фурцева… показывает кино

Как-то я встретила Екатерину Алексеевну в доме приемов на Воробьевском шоссе, где регулярно Хрущев и члены Политбюро с семьями смотрели кинофильмы. Ее тогда только что назначили министром культуры СССР, в функции которого входила обязанность организовывать показ фильмов для кремлевских руководителей. Это, по-видимому, ее немного смущало. Она стояла в стороне, и мне показалось, чувствовала себя не в своей тарелке. Я подошла. Фурцева очень обрадовалась, стала вспоминать наш совместный отдых в Сочи. Стоявшему рядом Анастасу Ивановичу объяснила: «Мы с Нами жили в одной комнате в сочинском санатории, и с тех пор я ее искренне полюбила!» Такой смущенной я ее больше никогда не видела. На официальных встречах она была всегда уверенной в себе.

Зайцев сравнил ее с Жаклин Кеннеди

— Войдя в семью крупного партийного деятеля Микояна, вы, конечно же, познакомились с бытом политической верхушки, с ее привилегиями. Наверняка бывали на светских раутах, кремлевских приемах. Как выглядел женский «бомонд» в те времена, когда западная мода с трудом продиралась сквозь железный занавес?

В 1989 году в Париже я брал интервью у русской писательницы княгини Зинаиды Шаховской. В 50-х годах она как жена французского дипломата некоторое время жила в Москве. Я спросил, приходилось ли ей общаться с нашим министром культуры и, если да, какое впечатление на нее произвела Фурцева. «Конечно, я помню Екатерину Фурцеву, статную русскую красавицу типа «есть женщины в русских селеньях», — сказала Зинаида Алексеевна. — Среди всех официальных дам ее нельзя было не заметить».

Екатерина Фурцева действительно выделялась на фоне пышнотелых жен вождей?

— Интересный штрих… Могу сказать, что перемены, произошедшие после смерти Сталина, принесли изменения в жизнь членов правительства. Хрущев, придя к власти, решил выселить из Кремля его жильцов, а потому по его указанию и, к сожалению, по его вкусу было построено двенадцать двухэтажных особнячков. Так незаметно входил новый порядок — не стесняться привилегий.

В здании ГУМа открыли так называемую двухсотую секцию. Официально для иностранных гостей, но на самом деле ею в большей степени пользовались члены семей правительства и те, кто стоял поближе к правительственным кормушкам. Моя свекровь Ашхен Лазаревна об этом не знала, и только году в 60-м кто-то из помощников Анастаса Ивановича рассказал ей об этом магазине. Она послала нас, невесток, и мы поехали в новый для нас магазин, где в небольшом зале (потом его увеличили) был самый разный выбор любых товаров.

Денег у нас особо не водилось, поэтому мы покупали только самое необходимое.

Те, кто имел коммерческую жилку и не обременял себя высокими моральными принципами, приобретали в этой секции редкие тогда дубленки, платиновые кольца, меха (стоили они в то время сравнительно недорого), обувь, непривычные для нас куртки и занимались спекуляцией, перепродавая их намного дороже. Я этого делать не могла — по совести, да и практичности

не хватало, к тому же в 60-е годы, работая в журнале «Советская музыка», я получала 100 рублей.

Еще до появления двухсотой секции ГУМа был небольшой магазинчик напротив Кремля на территории «Арсенала» — это влево от Троицких ворот, в доме, опоясывающем Александровский сад. Директором и продавцом «однокомнатного» магазинчика был некто Борисов, мужчина с военной выправкой. Иногда мы тоже туда ходили, но чаще одевались в ателье. Никакими специальными торговыми складами семья Микояна не пользовалась, думаю, так жили и другие члены правительства. В упомянутом закутке Военторга продавались валенки, мыло, трикотажное белье, чулки, носки, одеколон, иногда шерстяные кофточки — большая редкость для того времени. Однажды там я купила три отреза красивой, гладкой ткани — черный, синий и коричневый — в подарок маме и родственницам. Долго они носили платья, пошитые из преподнесенной ткани.

Семья Микояна изначально жила скромно. Питание частично оплачивалось государством, остальное добавлялось из зарплаты работающих сыновей, которые жили вместе с отцом. Никакими деликатесами за столом не пахло, хотя возможности для покупки вкусной еды имелись. Существовала специальная продуктовая база, обслуживающая членов правительства, где можно было заказать любые продукты, изготовленные на территории СССР. Однако еще при Сталине, который сам отличался чрезвычайным аскетизмом в быту, было заведено правило не злоупотреблять своими привилегиями. Его соратники старались не нарушать заведенных правил. Женская половина семьи, как правило, обходилась без дорогих украшений, иных предметов роскоши.

Поскольку готовой одежды хорошего качества тогда в СССР не продавалось, шили у частных портных. Ателье мод подразделялись на обычные и ведомственные. Самое «закрытое» и самое престижное было ателье КГБ на Кутузовском проспекте, так называемое ателье Легнера. Легнер — личный портной Сталина, шил ему знаменитые военизированные френчи. В этом же ателье одевались некоторые женщины из семей членов правительства. Обшивала их одна из лучших портних Москвы Нина Матвеевна Гупало, мать журналиста Аджубея, будущего зятя Хрущева.

Моя свекровь, Ашхен Лазаревна, была очень скромна в быту. Никаких драгоценностей — колец, серег и прочего она не имела. Новые платья Ашхен Лазаревна шила редко, но вкус у нее был хороший. Когда в Москву приезжал Ричард Никсон с женой, на приеме присутствовали жены членов советского правительства, среди дам из простонародья шестидесятилетняя Ашхен Микоян в

элегантном черном костюме от Нины Гупало, сшитом еще сразу после войны, и маленькой черной шляпке смотрелась очень выигрышно. Ее фотографию даже напечатал журнал «Лайф».

Для меня быть хорошо одетой значит не обязательно быть одетой дорого или нарочито роскошно, главное — элегантно, со вкусом. Еще в Армении я имела счастливую возможность доставать зарубежные журналы. Конечно, мне, молодой девушке, было любопытно все, что связано с модой, стилем, красотой. С огромным вниманием я вглядывалась в фотографии представителей английской королевской семьи. На снимках красовались безупречно одетые женщины: великолепно сшитые строгие костюмы, платья, пальто. Увы, не все из наших дам, приближенных к власти, умели выглядеть элегантно. Иногда приходилось наблюдать неуместную роскошь, порой плохо скрываемое отсутствие вкуса.

Надо сказать, что Фурцева прекрасно одевалась, предпочитая шить на заказ. Ее муж, будучи послом в Югославии, заказал специальный гипсовый манекен, полностью повторяющий фигуру жены, и заказывал для нее платья с учетом ее вкуса и излюбленной цветовой гаммы. Она следила за модой и хотела, чтобы все советские женщины красиво и модно одевались.

После посещения Общесоюзного дома моделей Екатерина Алексеевна собрала в горкоме партии на совещание столичных закройщиц, заведующих ателье и грамотно, профессионально говорила с ними о новых фасонах и модных тенденциях.

Она помогала молодым талантливым модельерам, например, Славе Зайцеву, услугами которого рискнула воспользоваться. Случилось это так.

Однажды, когда Фурцева собиралась идти на чествование Юрия Гагарина, она решила, что в этот торжественный день на ней должно быть маленькое черное платье — скромное и торжественное. Заказать его решили молодому, но подающему большие надежды модельеру Славе Зайцеву. Он оглядел стройную, почти девичью фигуру и спросил: «Что бы вы хотели?» Фурцева пожала плечами: «Что вы, Славочка, меня спрашиваете? Мне нужно маленькое черное платье, а какое — не суть важно. Важно, что я вам доверяю». Екатерина Алексеевна действительно обладала прекрасным чутьем на хороших специалистов. У нее отсутствовали амбиции, которые многим мешают довериться людям, понимающим в сути вопроса значительно больше. Зайцев слегка смутился: «Мне трудно, я не знаю ваших вкусов. Но понимаю, что ваш образ — это образ человека скромного, деликатного». Она чуть заметно кивнула: «Я человек из простой среды, и ярких платьев не могу себе позволить носить. Вы же

видите, я даже без украшений хожу. Единственная моя просьба к вам, Слава, я не очень люблю ходить на примерки. Поэтому, если возможно, снимите мерки, а все остальное делайте, как хотите».

Зайцев обрадовался: такое предложение развязало ему руки. В данном случае он не ограничивался рамками, как это было позже, когда он общался с семьей Шеварднадзе, супругой Косыгина или прочими представителями власти и членами их семей, которые всегда его контролировали: «Этого нельзя и этого нельзя, а здесь, пожалуйста, уберите, а тут прибавьте». С Фурцевой у модельера установилось полное взаимопонимание.

Маленькое черное платье получились довольно простым и весьма деликатным: аккуратная горловинка, «правильная» длина до колена, и все по фигуре. В его «объятиях» Екатерина Алексеевна чувствовала себя легко, держалась по обыкновению скромно и с достоинством, выглядела женственно и элегантно.

Недаром сам автор наряда Слава Зайцев сравнил заказчицу с Жаклин Кеннеди, но лишь по осанке и умению держаться. Фурцева более сильная личность. Без надлома и женской ранимости, хотя, может быть, она это лучше скрывала.

Кинорежиссер Владимир Наумов называл образ Фурцевой «готическим», сравнивая ее стиль с готической архитектурой.

Галина Волчек считала ее очаровательной, не лишенной природного вкуса. Вспоминая ее знаменитое «черное платье», Волчек говорит, что у каждой женщины должно быть такое в гардеробе, но сама увидела его впервые на Фурцевой. Министр и… образец элегантности.

Падчерица Екатерины Алексеевны, Маргарита Фирюбина, мне говорила: «Маленькое черное платье приводило в восторг не только женщин, но и мужчин. Выходит министр на прием, платье черное, узенькое, стройные ножки в аккуратных черных туфельках, и все мужчины: «А-а-ах!»

Старалась походить на Марецкую

Если посмотреть на фотографии Фурцевой тех лет, замечаешь еще одну деталь: стиль в одежде очень схож со стилем ее любимой актрисы Марецкой. Нарядные блузки с круглыми воротничками, элегантные небольшие вырезы платьев, одинаковая длина юбок, любовь к строгим английским костюмам и прилегающим силуэтам. Что это? Совпадение? Можно, конечно, предположить, что две женщины, умные и с хорошим вкусом, совершенно самостоятельно нашли свой собственный стиль — стиль строгой элегантности, но, вероятней всего, Екатерина Алексеевна воспользовалась находками Марецкой, которую старательно копировала в жизни. Конечно, копировала не слепо — это было бы слишком очевидно, а поэтому, скорей, комично — просто использовала удачные находки, переделывая, примеряя на себя.

В конце концов, Фурцева и сама стала предметом для подражания — деловые дамы копировали ее манеру одеваться, а особенно прическу: волосы, зачесанные наверх и собранные на затылке. Это называлось «Фурцева для бедных». Например, стала так же причесываться секретарь МГК партии Алла Шапошникова. Но если Фурцевой эта прическа очень шла, она как будто с ней родилась, то Шапошникова — невысокого роста, простоватая, полноватая, без шеи — с кукишем на затылке выглядела комично.

Надо сказать, что Фурцева умела себя подать. Есть знаменитая фотография, на которой она стоит, кажется, между Софи Лорен и Элизабет Тейлор. Это во время кинофестиваля в Москве. Так она выглядит не хуже мировых кинозвезд. Видно, что у них все нарисованное: глаза, брови. А она естественная, почти без косметики. Настоящая русская красавица.

Кстати, ее женская притягательность оказалась весьма действенной. Она способна была обаять и мужчин, и женщин. Запад она открыла не с высоты министерского кресла, а через совсем «не уставные», дружеские отношения, вызывавшие большое недовольство компетентных органов. Эти «отношения» к концу ее 14-летнего министерского правления принесли стране богатейшие плоды. Третьяковская галерея получила картины из коллекции художника Савелия Сорина, вдова которого, Анна, стала близким другом Фурцевой, многочисленные дары Нади Леже, 75 литографий Марка Шагала, подаренных им Пушкинскому музею…

Связь с Хрущевым — забавный анекдот?

— Как вы относитесь к довольно устойчивым слухам о том, что Фурцеву и Хрущева связывало не только служебное положение? Мне говорила Светлана, что ее маму обидно называли «Никитские ворота»…

— В начале 50-х годов Екатерина Алексеевна часто виделась с Никитой Сергеевичем. Когда на XX съезде партии она вышла к трибуне своей легкой, летящей походкой и сделала доклад, ни разу не заглянув в разложенные перед ней листочки, то сорвала бурные аплодисменты, а Хрущев удовлетворенно сказал: «Молодец, это моя школа!»

После смерти Сталина Хрущева избирают первым секретарем ЦК партии, Фурцева становится первым секретарем Московского городского комитета партии.

Искренняя приязнь к ней Хрущева не могла остаться незамеченной. И вправду ходили слухи, что их связывало больше, чем симпатия. Но те, кто знал Екатерину Алексеевну достаточно близко, были абсолютно убеждены, что никакой любовной связи между ними не было. Главный режиссер Большого театра Борис Покровский как-то сказал: «Если бы такое было на самом деле, это выглядело бы, как забавный анекдот. Думаю, что ему было просто приятно на нее смотреть!»

А секретарь Московского горкома КПСС Николай Егорычев считал, что если сравнительно нестарому мужчине не нравится симпатичная женщина, то это не человек, ведь еще Маркс говорил: «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо!» Он считал, что, возможно, Фурцева нравилась Никите Сергеевичу, но о каких-то «шурах-мурах» речь не шла.

И я уверена в том, что слухи об их романе были всего лишь слухами. Екатерина Алексеевна — красивая женщина, следила за собой, нравилась многим. Спортивная фигура, энергия, обаяние не могли не привлекать к ней людей. Юлия Хрущева, внучка Никиты Сергеевича, вспоминала, что действительно Екатерина Алексеевна ему нравилась простотой, активностью, жизнелюбием, контактностью, энергией. Она всегда была в центре обкомовско-горкомовской компании. Юля вспоминала, как однажды Фурцева за считаные минуты сколотила волейбольную команду, была заводилой, ведущей, прекрасно подавала и принимала мяч. Все ею любовались. Конечно, любовался ею и Хрущев. И для него простонародное происхождение Фурцевой имело принципиальное значение, нравилось, что она из ткачих. Он вообще считал, что дипломатами должны становится

директора заводов, председатели колхозов, что именно эти слои общества должны выдвигаться. Фурцева как никто вписывалась в этот образ.

Никита Сергеевич повсюду брал ее с собой не только потому, что ему хотелось видеть рядом красивую женщину, он просто очень доверял ей. Поэтому, возможно, и сделал ее председателем одной из комиссий по подготовке ставшего важным для нашей истории XX съезда партии.

— Вот ведь, Нами, как любопытно и экзотично: любовь и политика в одном флаконе…

— Понимаете, мы сегодня живем под знаком какой-то другой морали, извращенных принципов. К примеру, о Сталине столько понаписано, что читатель не может понять, где правда, а где ложь.

— Давно уже вышла книга воспоминаний любовницы Берии. Ходят слухи о приключениях с балеринами и самого «вождя народов».

— Высказываю свое мнение: вряд ли. Вот у Берии было много любовниц, это всем известно. Хотя, как мне кажется, и здесь перебор. У моего дяди, первого секретаря ЦК Грузии в помощницах работала женщина, которую считали его любовницей. Когда дома заговорили на эту тему, он отреагировал таким шутливым пассажем: «Ну, вы недооцениваете мой вкус, если бы я выбирал себе любовницу, то выбрал бы другую. А сплетникам только язык почесать». Так и с Хрущевым… Я не могу поверить, что между ним и Фурцевой что-то было личное. Вряд ли Хрущев ее привлекал. Она вообще в отношениях с мужчинами соблюдала дистанцию.

— А были ли у Фурцевой какие-то контакты со Сталиным?

— В 1949 году Шверник познакомил ее со Сталиным. Но, насколько мне известно, дальнейших контактов со Сталиным у Фурцевой не было.

Хрущева спасли Фурцева и Жуков

Но в целом я считаю, что Хрущев не ошибся в Фурцевой. И как в политике, и как в человеке. Известно, что она сыграла очень важную роль в его судьбе. Я имею в виду знаменитое заседание Президиума ЦК, которое состоялось в июне 57-го года. Заседание было закрытое, на него не пускали ни секретарей, ни стенографисток. Семь человек из одиннадцати выступили тогда против Хрущева, которому ставилось в вину очень многое. Особенно уничтожение сталинской системы. Молотов, Каганович, Ворошилов, Булганин, Первухин — все выступали активно «против». В защиту Хрущева Брежнев, Суслов, Микоян, Поспелов, хотя и оговаривались, что, конечно, недостатки есть, но мы их исправим…

Молотов считал, что к июню 57-го года в Президиуме ЦК сложилась такая обстановка, при которой Хрущева больше нельзя было терпеть. При этом Молотов, Каганович, Маленков не составляли «антипартийной» группы. У них и программы-то никакой не существовало. Заговорщики горели единственным желанием — снять Хрущева с поста первого секретаря партии и назначить его министром сельского хозяйства. На пост же первого секретаря планировали назначить Молотова.

Фурцева, как кандидат в члены Президиума ЦК, присутствовала на том заседании. Когда дело приняло неожиданный оборот, она, как в полудетективном сюжете, время от времени стала покидать зал заседаний. А выходила она, потом оказалось, не просто в «женскую» комнату. Из своего кабинета, что был по соседству, Фурцева звонила председателю КГБ Серову и секретарю ЦК Игнатову, призывая их прийти на помощь Хрущеву. Игнатов сумел поднять двадцать членов ЦК, которые немедленно прибыли на заседание Президиума и потребовали созвать Пленум.

Молотов со товарищи оказались в трудном положении: сбившиеся в одну команду все члены ЦК, неожиданно появившиеся в Москве, дали им решительный отпор: «Вы не назначали Хрущева! Его на должность первого секретаря избирал ЦК. Члены ЦК съехались и хотят обсудить вопрос: надо снимать Хрущева или нет!»

Министр обороны Жуков оказался в числе сторонников Хрущева и очень твердо стоял на своих позициях: «Я их всех арестую!» А после добавил, что ни одна пушка не выстрелит без его команды. Голос маршала стал решающим: если бы не Жуков, то группировка Молотова, Кагановича, Маленкова и, как тогда

говорили, «…примкнувшего к ним Шепилова» имели бы реальные шансы на победу. Хрущева однозначно тогда спасли Жуков и помогавшая ему Фурцева.

На пленуме Екатерина Алексеевна вела себя активно, бескомпромиссно. Клеймила противников очень страстно: «стремление взять реванш, повернуть историю», «пойманы с поличным», «это культ». Решался важнейший вопрос — возвращаться к прежним временам сталинизма или выбрать новый путь. Жуков поддерживал предложения Фурцевой «очиститься от тех, кто не в ногу»…

Историческая фраза Хрущева «Пленум постановил вывести из состава членов Президиума ЦК Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова. Я прошу этих товарищей покинуть заседание» провозгласила окончательную победу Никиты Сергеевича, который разгромил своих врагов. Вместе с ним победу праздновала и Фурцева.

С этого момента начинается ее восхождение на вершину власти. Член Президиума ЦК, секретарь ЦК, она становится влиятельнейшим человеком в стране. Повсюду появляются ее портреты.

«Муж часто спорил с министром»

— Нами, расскажите, пожалуйста, о своем втором муже, заместителе министра культуры СССР, ведь именно от него вы, наверное, немало узнали о Екатерине Алексеевне?

— С Василием Феодосьевичем Кухарским я познакомилась в 1957 году, когда начала работать в Комитете по Ленинским премиям референтом по музыке. Характер имел сложный, разница в возрасте у нас была значительная, и сблизились мы много позже, когда я с детьми осталась одна. Случилось это в 1969 году. Через какое-то время он переехал к нам, а поженились мы в 1977 году.

В Министерство культуры Кухарского пригласила Фурцева. Она подбирала кадры, учитывая их профессионализм и рабочие качества.

Василий Феодосьевич родился в Белой Церкви под Киевом. В юности обладал хорошим голосом, учился пению в Киеве. Перед войной поступил в Ленинградскую консерваторию. В 1941 году его, как и других студентов консерватории, взяли в ополчение, но повоевать он не успел. Немцы подходили к Ленинграду. Василий под шквальным огнем получил серьезное ранение, один из сокурсников дотащил его до санитаров. Кухарский попал в госпиталь, где ему ампутировали ногу. Всю блокаду он провел в ленинградском госпитале. Медсестры очень жалели худенького парнишку-инвалида. Как-то принесли ему жареную картошку — это был праздник, который он временами вспоминал.

В период учебы в Ленинградской консерватории Василий Кухарский часто бывал в доме известного дирижера, человека редкой образованности Ария Пазовского. С его дочерью Кухарский учился, позже она стала его женой. Эта семья вывезла его из блокадного Ленинграда в Пермь, куда эвакуировались многие музыканты, артисты, художники. Там Кухарский начал работать в Комитете по делам культуры и искусства. Общение с высоким профессионалом углубило его музыкальные знания. Народный артист СССР Пазовский, ученик композитора Лядова и скрипача Леопольда Ауэра, уже в восемнадцать лет стал дирижером, встречался с композитором Танеевым, Федором Шаляпиным.

В Перми Кухарский сблизился с эвакуированными ленинградскими деятелями культуры, в том числе с семьей художника Натана Альтмана, автора великолепного портрета Анны Ахматовой. Жена Альтмана Ирина была дочерью крупнейшего литературоведа-пушкиниста Щеголева, с ней жила и

ее младшая сестра с детьми Мария Малаховская. В их доме постоянно собирались талантливые люди, привлеченные обаянием и красотой сестер, атмосферой дома, где велись интересные беседы, читали стихи, обсуждали новые постановки, музыкальные произведения. В Перми вслед за Ленинградом была исполнена Седьмая симфония Шостаковича, дирижировал Пазовский.

Кухарский переехал в Москву, куда его наставника пригласили главным дирижером Большого театра. Василий Феодосьевич стал студентом Московской консерватории и окончил ее, получив диплом музыковеда. Годы учебы, среда, в которой он жил, расширили его кругозор, дали возможность приобрести глубокие знания в музыке.

Кухарскому выпало счастье встречаться и работать со многими выдающимися музыкантами. В доме Пазовских он познакомился с дирижером Самосудом, академиком Зелинским, композитором и музыковедом Асафьевым, корифеями оперной сцены Пироговым, Рейзенем, Михайловым, Максаковой, Козловским, Лемешевым, Голованом.

Круг общения в Москве расширился, появились новые друзья. В разное время он дружил с художником Федором Константиновым, композитором Тихоном Хренниковым, украинским дирижером Тольбой, позже — при всем разном характере их творчества — с композиторами Арамом Хачатуряном, Георгием Свиридовым (переписка с которыми у меня сохранилась), Арно Бабаджаняном, Эдвардом Мирзояном, Лазарем Сарьяном, сокурсником по консерватории, фронтовиком, сыном народного художника Мартироса Сарьяна. Какие-то годы дружба связывала его с Родионом Щедриным и Майей Плисецкой, с Александрой Пахмутовой и Николаем Добронравовым. Одно время Василий Феодосьевич регулярно общался с руководителями театра «Современник» — Олегом Ефремовым, Галиной Волчек.

С восхищением Кухарский относился к Галине Улановой, считая ее непревзойденной балериной.

До прихода в министерство Василий Феодосьевич работал ответственным секретарем в журнале «Советская музыка», в аппарате Союза композиторов СССР. В 1956 году, когда Комитет по Сталинским премиям преобразовали в Комитет по Ленинским премиям в области литературы и искусства, его назначили ученым секретарем Комитета. В это же время он был музыкальным обозревателем газеты «Правда». Затем ему предложили перейти в Министерство культуры, объяснив, что это просьба Фурцевой.

Василий Феодосьевич заметно выделялся из ряда чиновников: музыка служила ему не только профессией, она стала частью его жизни.

Часто бывая в Польше, Василий Феодосьевич сблизился с композитором Пендерецким. Слушал его новую музыку, они подолгу беседовали в Кракове, где жил известный польский музыкант, и в Москве, когда тот приезжал к нам с концертами.

Описать весь круг общения невозможно, но особо хотелось бы отметить близость с Давидом Ойстрахом, Эмилем Гилельсом, Леонидом Коганом. Я помню рассказы мужа о поездках на дачу к Свиридову для знакомства с его новыми сочинениями, о том волнении, с которым он слушал произведения великого композитора, — вокальный цикл «Отчалившая Русь», романсы на стихи Аветика Исаакяна и Александра Блока.

Сблизился Кухарский и с Дмитрием Шостаковичем, когда они в одно время лечились в Кургане у доктора Илизарова, человека редкого таланта, дружба с которым продолжалась очень долго.

Кухарский был человеком образованным, мыслящим, думающим. Другое дело, что в нем «сидел», конечно, советский менталитет и его мысли искренне совпадали с решениями партии. Он был за Сталина, да, это так.

Екатерина Алексеевна Фурцева ценила Василия Феодосьевича, доверяла ему, поручала проведение ответственных мероприятий, например, фестиваля во Франции, зная его высокую порядочность и тактичность в общении с людьми. Они часто беседовали о делах, о жизни. Хочу отметить, что Кухарский был человеком вспыльчивым и достаточно часто не соглашался с министром. Обычно после такого разговора Фурцева утром сама приходила к нему в кабинет, и они «мирились», долго и мирно разговаривали. Фурцева беспокоилась о его здоровье: предлагала поехать в Англию или в Германию, заказать там протез. В Советском Союзе их делали не очень хорошо, он жаловался на постоянную боль, но от заграничных поездок по этому поводу отказывался: это стоило довольно дорого, а делать протез за счет министерства Василий Феодосьевич не хотел. Так и мучился до конца.

Конечно, Фурцева была добрым человеком. Вернее, нет, она была умным человеком, а умный человек бывает добрым просто по необходимости. Но при этом она могла быть вздорной. Приведу пример. Однажды мы с мужем пошли в гости. Через некоторое время туда кто-то позвонил. (Я всегда оставляла детям телефон дома, куда иду.) Хозяйка сказала, что моего мужа спрашивает какая-то женщина. Я думаю: «Что же это такое? Какая-то женщина звонит моему мужу?! В гости!» Сама подошла к

телефону. «Это Екатерина Алексеевна. Что же ты делаешь? Зачем таскаешь мужа по гостям?! Он человек больной, ему нельзя перенапрягаться!» Я с возмущением: «Екатерина Алексеевна, вы пользуетесь тем, что я не могу вам ответить. Он что, обещал быть на работе? Так он сейчас приедет». Фурцева приказным тоном: «Да, пусть сейчас же приезжает!» Мы срочно нашли машину, и муж примчался в министерство. Невозмутимая Екатерина Алексеевна спокойно ему говорит: «Я не понимаю, почему Нами так разволновалась? Что случилось?» Оказалось, никаких рабочих вопросов у Фурцевой в тот вечер не было.

— А что стало с вашим мужем после смерти Фурцевой? Он остался на своей должности?

— Когда Екатерина Алексеевна умерла, он очень переживал. Через несколько дней из ЦК пришел приказ о назначении Кухарского исполняющим обязанности министра культуры СССР. В этой ипостаси он пребывал три месяца, а потом стал замом по музыкальным вопросам у Демичева, нового министра культуры СССР.

Умер Василий Феодосьевич в 1995 году.

— Эта мемуарная справка о вашем муже, человеке высокой культуры, образованности, проясняет возможности Фурцевой в выполнении своих министерских функций. Кухарский, по-видимому, был не просто ее замом, а настоящим помощником, правой рукой, который помогал Екатерине Алексеевне принимать верные решения. В отличие от своей начальницы он был «специалистом», как она сама любила говорить. Ведь ее сделали министром культуры в одночасье. Для нее это было все равно что не умеющего плавать человека столкнули с лодки в бурную реку. Но Фурцева не утонула, не сдалась. Хотя в «минуту роковую» пыталась уйти из жизни. Не видно ли в этой драматической истории вины Никиты Хрущева, который, в сущности, предал ее, отдававшую все свои силы государственному поприщу?

«Что вы хотите — климакс…»

— Вершины опасны тем, что падать с них больнее. Фурцева занимала должность секретаря ЦК КПСС. Сначала немилость Хрущева пала на Жукова. Ведь Хрущев видел силу маршала, а маршал — его слабость. Такое трудно забыть и невозможно простить. А потому «Жуков не оправдал оказанного доверия и оказался политическим деятелем, склонным к авантюризму». Так предали маршала, а вскоре он был снят с поста министра обороны.

Очевидное влияние получили люди, не желавшие видеть рядом с собой таких сильных политических соперников, как Фурцева и Жуков. Они понимали, что это люди поступка, что они могут высказать свое мнение. В результате, избавившись от тех, кто был ему предан, Хрущев остался с теми, кто в дальнейшем предал его.

Возможно, начиная демократические преобразования, Хрущев еще не был к ним готов. Когда же они стали активно развиваться, он испугался их масштабов и стал активно избавляться от тех, кто настаивал на дальнейшем проведении реформ.

Пришло время избавиться от Аристова, который вместе с Фурцевой боролся за Хрущева, когда его хотели сместить с поста первого секретаря ЦК. Потом взялись за Игнатова. Работая в соседних кабинетах, Фурцева и Игнатов часто встречались, обсуждали острые политические вопросы. Оказалось, что их разговоры прослушивали, а о результатах докладывали Хрущеву.

Потом пришло время расстаться и с Фурцевой. На XXII съезде партии ничего не предвещало начала конца: Фурцева — член Президиума ЦК, ей, как всегда, предоставляют слово. Но, продолжая поддерживать Хрущева и его политику, она не знала, что ее судьба уже решена: в новом списке Президиума ЦК ее не оказалось. Когда огласили список (уже без ее имени), она наверняка испытала шок. Шок не оттого, что было сделано, а как! Скрытое предательство поразило ее в самое сердце, она не могла сдержаться и покинула съезд. Вслед Хрущев только поморщился и бросил: «Дамские капризы! Что вы хотите — климакс!»

Последней каплей, возможно, стал следующий эпизод. Она сидела в своем кабинете вместе с деятелями кино. Во время заседания, молча, ни у кого ничего не спросив, в кабинет вошел человек в полувоенном френче, отключил внутренний телефон связи и «правительственную вертушку», взял два аппарата и вышел.

Фурцева в состоянии сильнейшего шока села в машину,

приехала на дачу и разрезала вены. Ее вовремя обнаружили, доставили в больницу и чудом спасли. Я помню, тогда Анастас Иванович, повторяя слова Хрущева, сказал: «У Екатерины Алексеевны климакс, поэтому она так себя повела…»

— Попытка покончить с собой — признак тяжелого психического состояния. Может быть, ей вообще были свойственны экзальтированные поступки?

— Я считаю так: человек, привыкший к власти, не может без нее существовать. И вдруг его убирают с пьедестала. Не все могут такое перенести. Кухарского, например, никто никогда не снимал, он сам решил уйти из министерства, потому что уже не мог работать с Демичевым… Но вскоре у Василия Феодосьевича началась активная депрессия, он тяжело заболел. Георгий Свиридов мне как-то сказал: «Что Вася так мучается? Он же не кожу снял с себя, а только пиджак». Творческому человеку, музыканту, свободному от постоянных служебных обязанностей, во-первых, и от определенных властных полномочий, во-вторых, понять такое трудно. Но муж чувствовал себя так, будто с него и впрямь содрали кожу.

Ситуация с Фурцевой намного тяжелее… Она была потрясена больше не от того, что ее сняли с работы, а от того, что ее предали люди, которых она еще вчера считала своими соратниками, даже друзьями. Полагаю, что это не был вздорный поступок слабой женщины: Екатерина Алексеевна виделась сильным человеком и, как показывает вся ее жизнь, в переломные моменты умела быть решительной и жесткой, не пасовать перед трудностями. Она дорожила человеческими отношениями и не могла пережить предательство.

После трагического происшествия в подъезде на лестничной клетке постоянно дежурили двое в штатском. В привилегированном доме жили Налбандян, Лисициан, Андровская, Епишев, Плятт, Аджубей. Вроде бы все были друг с другом в очень хороших отношениях, здоровались, справлялись о домочадцах, но… О здоровье Екатерины Алексеевны у ее близких никто не справлялся, разве что Лисицианы. Больше того, завидев ее родных, жильцы сторонились, делали вид, что не знакомы. Муж Фурцевой объяснял своей дочери Маргарите, что такой демонстративный протест мог закончиться для Фурцевой арестом. Но закончился… «ссылкой» в Министерство культуры.

Схватка за гуманитариев

Министерство культуры располагалось на улице Куйбышева. Можно предположить, что поначалу Фурцева там чувствовала себя неуютно, только этого не показывала. Я представляю, как, придя впервые на работу, она обошла кабинеты, как звук ее высоких и тонких каблучков раздавался в разных концах здания. Представляясь своим новым сотрудникам, приветливо улыбалась.

С начала 60-х годов в стране собирались проводить реформу высшего образования. Фурцева была в курсе этой проблемы, так как раньше занималась ею в секретариате ЦК. Так называемых гуманитариев планировалось перевести на заочное обучение. Идею поддерживал и президент Академии наук Несмеянов. С его подачи Хрущев отдал распоряжение о переводе Института истории искусств Академии наук в ведение Министерства культуры с названием «Институт искусствознания». Учреждение возглавлял Игорь Грабарь, в руководстве состояли видные ученые — Виктор Лазарев, Михаил Алпатов, Дмитрий Сарабьянов…

Так вот в первый же день работы Фурцевой в должности министра культуры должна была состояться коллегия на тему заочного образования гуманитариев. Мне об этом рассказывала Лидия Григорьевна Ильина, тогда заместитель начальника Управления учебных заведений. Она первой выступала на коллегии. Тема заочного обучения в творческих вузах волновала многих — Московскую консерваторию, художественный институт имени Сурикова, театральные ВУЗы. Над выступлением Ильиной работали долго и серьезно. Лидия Григорьевна начала читать доклад, но вдруг Фурцева неожиданно ее остановила: «Проблема требует серьезной доработки. Заседание окончено». Сотрудники министерства в недоумении: что произошло? То ли новый министр снимет с работы Ильину, то ли предстоят иные перемены? Никто не понимал, в чем дело. Екатерину Алексеевну в министерстве знали мало, она пришла из ЦК с тремя своими помощниками.

На другой день Фурцева вызвала Ильину и сказала, что, прослушав ее доклад и посоветовавшись с некоторыми деятелями искусств, пришла к выводу: в творческом образовании заочного метода быть не может. «Подумайте, как это сделать, чтобы на имя Косыгина пришло письмо не от министерства, а от кого-либо из уважаемых музыкальных педагогов». Остановились на кандидатуре Елены Фабиановны Гнесиной. Директор лучшего музыкального училища из династии музыкантов пользовалась всеобщим уважением. Косыгин, как было известно в среде

музыкальных чиновников, знал ее лично.

Ильина отправилась на переговоры к Елене Фабиановне. Та, выслушав, согласилась направить письмо Косыгину от своего имени, изложив собственную точку зрения. Ответ пришел с резолюцией Косыгина: «Сохранить существующую систему образования в творческих вузах».

Полагаю, Фурцева, придя на то совещание, уже была знакома с мнением по этому вопросу известных театральных деятелей, режиссеров Алексея Попова, Марии Кнебель, Юрия Завадского и других, которые прислали ей следующее письмо:

«Глубокоуважаемая Екатерина Алексеевна!

Мы, режиссеры, отдавшие театру и делу воспитания молодой смены по 30–40 лет творческого труда, чрезвычайно встревожены появившимися в последнее время проектами постановлений Министерства культуры по вопросам воспитания советской режиссуры, методики преподавания, сроков воспитания, которые в основе своей, по нашему мнению, пытаются свести на нет завоевания русской советской школы искусства режиссуры… Завоевания советского театра признаны всем миром. Обоснованы они рядом достижений крупнейших режиссеров: Ленского, Станиславского, Немировича-Данченко, Марджанова, Курбасова, Вахтангова, Синельникова и плеядой их учеников, в свою очередь воспитавших сотни советских режиссеров, возглавляющих крупнейшие театры Союза.

…Все это стало возможным благодаря тому, что гении советского театра Станиславский и Немирович-Данченко были не только режиссерами, но и создателями науки об искусстве режиссера и актера. Этим гордится СССР, и это поражает приезжающих к нам зарубежных деятелей театра. Всевозможными проектами, исходящими от чиновников министерства, ставится под удар воспитание режиссеров.

…Глубокоуважаемая Екатерина Алексеевна! Завтра появятся десятки и сотни театров, работающих вообще без режиссера. Чиновник передал власть в руки администратора-директора. Невежде-чиновнику легче командовать администратором, нежели находить способы выращивания и укрепления авторитета режиссера.

Если Вы, глубокоуважаемая Екатерина Алексеевна, пожелаете, вызовите нас, подписавших это письмо, к себе, и мы в течение часа с документами в руках убедим Вас, что поход против высшего режиссерского образования — есть дело преступное по своему невежеству».

Надо отдать должное Фурцевой: делая свои первые шаги в

роли министра культуры, она столкнулась с серьезной проблемой и приняла верное решение. Просьба крупнейших театральных деятелей была не только услышана, но и удовлетворена. Благодаря Фурцевой сохранилось качество высшего режиссерского образования, которое всегда отличало отечественный театр.

Этот ее шаг продемонстрировал интеллигенции, что теперь за культуру отвечает не равнодушный чиновник-бюрократ, а человек живой, деятельный, заинтересованный.

Впрочем, интеллигенция не спешила раскрывать Екатерине Алексеевне свои объятия: часть ее, не забыв участия Фурцевой в борьбе с Пастернаком и «вейсманистами», встретила назначение настороженно. Другие же — Константин Симонов, Виктор Розов, Олег Ефремов, Афанасий Салынский — связывали с ее именем надежды на прекращение смуты в министерстве.

«За одного битого сколько небитых дают?»

Весьма любопытно свидетельство театрального критика Бориса Поюровского, касающееся характера, натуры Фурцевой, только что назначенной министром культуры. Поюровский написал статью для газеты «Советская культура» о состоянии театральной жизни в городе Харькове. Мнение его было довольно унылым: всюду пустые кресла, ощущение безнадежности. Статья имела громовой резонанс. В редакции газет, ВТО, Союз журналистов СССР, Министерство культуры стали поступать коллективные письма. Автора обвиняли во всех смертных грехах — пьянстве, сожительстве с артистками балета и тому подобное… Иные подписи были неразборчивыми, но это как бы мелочь. В Харьков выехало несколько комиссий, одна авторитетнее другой. Пришли к выводу, что положение с театрами на Украине и в самом деле скверное.

Поюровский думал, что все обойдется, но вдруг ему звонят от главного редактора «Советской культуры» и сообщают, что надо прибыть к трем часам на совещание к министру.

Когда приглашенные вошли в кабинет, Екатерина Алексеевна заканчивала подписывать какие-то бумаги. Затем встала из-за стола, подошла к приглашенным и каждому протянула руку.

— Прошу садиться. В чем суть вопроса? — обратилась Фурцева к своему помощнику.

— Имеется жалоба по поводу необъективной позиции критика Поюровского, который систематически, тенденциозно, в неуважительном тоне пишет об известных мастерах украинской сцены. И есть поручение Никиты Сергеевича — разобраться и наказать.

Положение театрального критика казалось аховым, если дело дошло до самого Хрущева.

— Ну что же, разберемся и накажем, — строго заявила Фурцева. — Кто будет говорить первым?

И тут произошло неожиданное — потенциальные оппоненты не только не опровергли содержание статьи, но нарисовали куда более ужасающую картину: дескать, к исходу сезона театральные залы вконец опустели.

— И все-таки я хотела бы услышать: есть ли в статье какие-то неточности, передержки, искажения фактов? — спросила Фурцева.

— Есть, — сказал один оппонент. — В статье написано, что на спектакле «Всеми забытый» зрители едва заполнили четверть партера, а по кассовой рапортичке значится, что в тот день было

продано всего 12 билетов.

— Выходит, Поюровский еще и приукрасил действительность? — не без издевки спросила Фурцева. — Но, может быть, все остальные, как и он, попали в театр по контрамарке?

— Автор статьи критикует известного актера Леся Сердюка за исполнение роли Владимира Ильича Ленина. А местная газета отзывается об этой работе исключительно похвально, — вставил кто-то.

— Ну и что же? У каждого может быть свое мнение, — ответила Екатерина Алексеевна.

…Поюровскому было не по себе. Атака велась массированная, под разными углами. И что значит категорическое требование Хрущева — наказать? «Виновник» понял смысл поручения сверху — негодяя казнить! Чтобы другим было неповадно. Выслушав прения сторон, Екатерина Алексеевна небрежным жестом поправила прическу и, глядя куда-то в сторону, переспросила помощника:

— Как там сказано — разобраться и наказать? Тогда подготовьте, пожалуйста, письма в соответствующие организации с просьбой незамедлительно принять экстренные меры к виновным в создавшейся ситуации с театрами на Украине.

Поюровский не верил своим ушам, сидящий рядом его коллега сиял от радости.

— Виновник здесь? — словно опомнившись, громко спросила Фурцева.

Поюровский, как провинившийся школьник, поднялся с места.

— Сидите, сидите, — улыбаясь, сказала Екатерина Алексеевна. — Представляю, сколько вы натерпелись. Ну, ничего-ничего, за одного битого сколько небитых дают? Желаю всем успеха.

Фурцева встала из-за стола, давая понять, что разговор окончен.

«На лесоповал их всех…»

— Вы знаете, Нами, ситуация с чиновниками-бюрократами хрущевских времен напоминает положение с чиновниками эпохи Путина — Медведева. Даже бывший посол нашей страны во Франции, ныне министр культуры Авдеев, вроде бы человек при своем деле, но и он далеко не всех устраивает. Безусловно, равнодушных и непрофессиональных руководителей, хозяев высоких кабинетов, а нынче еще и машин с мигалками должно быть как можно меньше. Но как это сделать? Не так давно ушел из жизни Андрей Вознесенский. В огромном количестве статей-некрологов вспоминали тот разгон, который устроил молодому поэту Никита Хрущев на встрече с интеллигенцией в Кремле в марте 63-го года. До этого в декабре 62-го случилось «кровоизлияние в МОСХ», как говорили остряки того времени, то есть скандал, устроенный Хрущевым в Манеже на выставке, посвященной 30-летию Московского отделения Союза художников.

Свидетельствует искусствовед Нина Молева:

«…Ночь на 1 декабря 1962 года. Залито светом здание Манежа. Распахнуты двери главного входа. Огромный, гудящий толпой улей. Никаких пропусков. Никаких вопросов. Одна из уборщиц: «Новые картины? На втором этаже»…

Несколько очень пологих маршей. Вместительный предбанник перед большим центральным залом. По сторонам двери в подсобки. Студийцы в зале. В подсобке побольше расставляет скульптуры Э. Неизвестный, в маленькой — три его приятеля. Разбросанные прямо на полу — экспозиционный прием — и приставленные к стенам абстрактные графические композиции…

На поставленных посередине зала стульях для будущих зрителей член ЦК Д.А.Поликарпов. Чуть растерянный. Будто оглушенный. На лестнице встреча с Е.А.Фурцевой, несмотря на ночной час, министр решила сама посмотреть новые залы. Шумная свита. Игриво-возбужденный голос. Шутка о полуночниках. О горе и Магомете: «Почему сами никогда ко мне не приходили?» Смех…

…Третий час ночи. Во дворе Белютину, организатору и куратору выставки, пришлось пропустить черную «Волгу»: куда-то спешно уезжал помощник Хрущева по вопросам культуры, маленький незаметный человечек в очках.

…10 часов утра 2 декабря. За несколько минут последний обход помещений начальником личной охраны. Вместе с

перезвоном курантов кортеж машин. Хрущев. Серое лицо. Равнодушный взгляд. В дверях, нехотя: «Ну, где у вас тут праведники, где грешники — показывайте». Протокольно выверенный маршрут — вдоль левой стены. На расстоянии почтительное окружение: Кириленко, Косыгин, Полянский, Андропов, Демичев, Ильичев, Шелепин. Кроме них — первый секретарь МГК Егорычев, комсомольский вождь Павлов, министр культуры Фурцева, главные редакторы центральных газет. На первых ролях — Суслов и Серов. Здесь же секретари Союза художников. Первая задержка у картин, первое объяснение, и голос одного Серова вперебивку с почти неслышным шепотком Суслова…

Заранее составленный список имен, заранее намеченные картины — опытный «экскурсовод» вел назубок выученную экскурсию. Хрущев сразу же взрывается, не выбирая выражений для проявления своих эмоций:

…«Какашки в горшке моего внука» — о «Натюрморте с картошкой» Фалька. «Говно», «дерьмо» — о картинах, отступавших от фотографического принципа. «Педерасты несчастные» — о художниках, нарушивших догмы соцреализма. Брань то затихала, то вспыхивала с новой силой. Экскурсия по первому этажу затягивалась. Прошло больше трех часов с начала осмотра… Премьер направляется к лестнице. Теперь Серов растворяется среди свиты, бразды правления перешли в руки одного Суслова…

В воздухе застыло напряжение. Чему-то предстояло произойти… И произошло… Чужаки, инаковидящие, инакочувствующие и инакомыслящие. Шелепин с Павловым: «На лесоповал их всех…». И заключение премьера: «Я как Председатель Совета Министров заявляю: советскому народу не нужно такое искусство! Да, я ликвидировал культ, но в области культуры полностью разделяю позицию Сталина. Так что имеется в виду — его аппарат цел и находится наготове». Премьер направился к выходу».

— Думаю, Фурцевой было нелегко сохранять равновесие: поддерживать дружеские отношения с творческой интеллигенцией и оставаться верной той самой Системе, о которой мы с вами говорим.

Мне видится, что наша героиня в декабре 62-го года на выставке молодых московских художников получила настоящее боевое крещение. Недаром искусствоведы, культурологи считают тот разгром в Манеже началом нового этапа активного вмешательства партийного руководства в культурные процессы. С одной стороны, еще шла «оттепель», казалось, что художникам

позволено больше, чем раньше, но нет, та декабрьская ночь 62-го года разрушила иллюзии тех, кто поверил в перемены.

— Да, в воспоминаниях и газетных отчетах сохранились подробности произошедшего в Манеже. Даже сегодня, когда читаешь их, становится стыдно за наших властьпредержащих.

Я согласна с тем, что Екатерине Алексеевне «руководилось» нелегко: с одной стороны, она должна была соответствовать должности советского министра периода «развитого социализма», с усердием выполнять все задания партии в тот период, когда партия взяла направление на «зажим» интеллигенции, и особенно творческой, с другой — будучи неравнодушным человеком, она старалась понять представителей разных течений в искусстве, в том числе в искусстве начала XX века, современной живописи, вызывавшей возмущение, раздражение многих.

Сама она, конечно, предпочитала реализм — авангардные формы ее просто пугали. Так, в 1966 году Екатерина Алексеевна пыталась запретить в ЦДРИ выставку художника Александра Тышлера. Его картины с известной долей гротеска и сюрреализма (например, на картине «Фашизм» он изобразил фантастического льва, ощетинившегося множеством клинков) были далеки от традиций соцреализма. Но художник Иогансон сказал ей: «Вы напрасно так шумите, напрасно, потому что Тышлер — очень хороший художник, он совсем не формалист!» Фурцева поверила авторитету народного художника СССР и успокоилась. Выставка состоялась.

Зато когда она узнала, что знаменитая «Джоконда» покидает Лувр и отправляется на выставку в Японию, сделала все, чтобы ее смогли увидеть в Москве. Необходимо было позаботиться о безопасности картины, для этого требовались особая рама и пуленепробиваемое стекло. Фурцева дружила с космонавтами, а потому обратилась к ним за помощью. За семь дней и ночей изготовили специальное пуленепробиваемое стекло и раму. Так «Джоконда» оказалась в Москве, что стало грандиозным культурным событием.

Екатерина Алексеевна была достаточно умной женщиной, чтобы впитывать интересные идеи и предложения. А потом со страстью, горячо их «пробивала». Например, как-то однажды Ойстрах обмолвился о международных музыкальных конкурсах, которые проводятся в некоторых западных странах: «Как жаль, что у нас таких нет». И вскоре подобные конкурсы стали в Советском Союзе традицией. Именно в годы «правления» Екатерины Алексеевны стали проводиться Международный конкурс имени Чайковского (Ван Клиберн до сих пор с благодарностью вспоминает Екатерину Алексеевну, которая

вместе с Эмилем Гилельсом отстояла его победу) и Международный конкурс артистов балета, жюри которого возглавляла такая мировая величина, как Алисия Алонсо.

— Эти факты подтверждают самобытность Фурцевой, ее талант воспринимать жизнь в самых разных ее проявлениях.

— Верно. Не случайно с ней подружились яркие личности Надя Леже и Анна Сорина. Ведь если бы она была серой женщиной среднего ума, то вряд ли к ней потянулись бы европейски образованные дамы. Анна Сорина, к примеру, состояла какое-то время министром культуры при дворе князя Монако.

Марк Шагал мог стать народным художником СССР?

— Не помню точно, в каком году это было, но думаю, что в начале 70-х, я приехал на электричке в Переделкино, чтобы взять интервью у писательницы Галины Серебряковой. После интересной беседы пошел прогуляться по писательскому поселку. Со мной был фотокорреспондент. И вот когда мы проходили мимо высокого крепкого забора, мой коллега вдруг спрашивает: «А ты знаешь, что за этим забором живет французская художница Надя Леже?»

Не скажу, что к тому времени я был уж очень подкован в современном западном искусстве, но о Леже я знал. Услышав такое, удивился. Как это так? «Тлетворный Запад» в оазисе советской культуры? Чудо! Загадка! Разве мог я подумать тогда, что здесь живет вдова известного французского художника Фернана Леже, которая к тому же ближайшая подруга нашего министра культуры? Сегодня я знаю об этом, как знаю, что вы, Нами, тоже дружили с Надей.

Итак — Фурцева, Надя Леже и вы. Рассказывайте!

— Знакомство, а потом и дружба с Надей Леже, русской по происхождению художницей, оказавшейся в Париже и близко знавшей почти всю элиту французского искусства, помогли Фурцевой в установлении культурных связей между СССР и Францией. Советский министр познакомилась с Луи Арагоном, Пабло Пикассо, Морисом Торезом…

Надя представила Екатерине Алексеевне своего земляка из Витебска Марка Шагала, с которым у Фурцевой сложились теплые отношения. Екатерина Алексеевна искренне сокрушалась, что известный художник живет не на родине: «Как жалко, что вы там, а не здесь, иначе вы бы уже давно были народным художником СССР». Но все звания и титулы не заменили бы Шагалу встречи с его родным Витебском. Этот город значил для него очень много. Во время пребывания в Советском Союзе художник не смог поехать в Витебск, а, может, не захотел: ведь в прошлое, как считается, вернуться невозможно. Роберт Рождественский, вспоминая встречу с Шагалом, удивлялся тому, что художник то и дело разочарованно его спрашивал: «Так вы не из Витебска?»

— Мой приятель, художник Илья Клейнер, рассказывал мне, что еще в конце 60-х годов они с директором картинной галереи новосибирского Академгородка проводили художественные выставки Филонова, Фалька, Гриневича… Москва на подобные

подвиги не решалась. Энтузиасты дважды обращались с письмами к Фурцевой с предложением организовать в столице вернисаж Марка Шагала. Будто бы Фурцева была «за», но ее в ЦК не понимали…

— Я не уверена, что искусство Шагала, человека, «движущегося вперед с лицом, обращенным назад», было близко Фурцевой, но она умела и хотела учиться, а еще доверяла людям, которых любила. Доказательством этому служит сам факт приезда в СССР всемирно известного мастера и представление его полотен в Третьяковской галерее.

Естественно Фурцева пропагандировала в СССР и творения Нади Леже, организовывала заказы на ее работы — витражи, мозаику.

Да, я горда тем, что так же, как Екатерина Алексеевна, дружила с Надей. Когда я узнала, что Фурцева хлопочет о какой-то квартире в Москве, я спросила у Нади, зачем она ей нужна. Она мне ответила: «Там, во Франции, волки, и с ними выжить может только такая, как я. А мои дочь и внучка слабые, я хочу, чтобы они жили здесь, где не надо бороться».

Однажды я встретила Надю на международной выставке в Каннах. Она приехала ко мне в гостиницу, мы сидели на террасе, пили кофе. Надя в голубой норковой шубе: прекрасный мех, но, на мой взгляд, плохо сшитый в московском ателье. Я спросила, почему она посещает московских портных, разве они лучше французских? «Екатерина Алексеевна рекомендовала меня хорошим недорогим мастерам, — ответила Надя. — Зато когда я появляюсь в банке или в престижных домах каждый раз в новой шубе, моя «цена» растет. На Западе очень важно показать, что дела у человека идут хорошо».

А во время другой моей поездки во Францию в составе официальной делегации она хотела преподнести мне сюрприз. «У меня для тебя подарок. В одном из магазинов одежды, где меня хорошо знают, я заказала для тебя несколько платьев. Нужно только подъехать в магазин и примерить», — сказала она мне по телефону. Этот подарок был по-настоящему царским. Сейчас трудно представить, что значили в советские времена настоящие парижские туалеты. Но что делать? Я пребывала во Франции в составе официальной группы и оторваться от своих, куда-то исчезнуть не могла. В чужой стране нам разрешалось ходить только всем вместе или, в крайнем случае, парами. Я не могла поехать одна в магазин за одеждой, на это отреагировали бы отрицательно. Так что мои платья остались висеть на вешалке модного парижского магазина. Правда, Надя все же устроила советской делегации маленький праздник: заказала лимузин и

отвезла нас на экскурсию в музей Фернана Леже.

Я как-то задумалась, почему Екатерина Алексеевна подружилась с Надей Леже? А почему я с ней подружилась? Думаю, потому, что, несмотря на известность мужа и собственный успех, она так и осталась простой и душевной русской женщиной из Витебска, готовой выслушать, посочувствовать и по возможности помочь.

В те нелегкие моменты, когда жизнь с Фирюбиным дала трещину, именно подруге из Франции Фурцева рассказывала о своих семейных и личных проблемах. Уже после смерти Екатерины Алексеевны художница сделала ее прекрасный мозаичный портрет для надгробия, но Светлане он почему-то не понравился. Надя была очень расстроена. Сейчас этот портрет находится в библиотеке имени Фурцевой.

В архиве Фурцевой много писем незаурядных людей, сумевших понять ее благородство, ум, преданность советской культуре. В них виден и характер пишущих, их духовный мир, и уважительное к ней отношение. Внучка Екатерины Алексеевны Марина показывала мне эти письма, а некоторые разрешила использовать в книге.

«6/XII 1970 г. Париж

Дорогая, многоуважаемая, родная Екатерина Алексеевна!

Поздравляю Вас с большим праздником Октябрьской революции, желаю Вам, главное, здоровья и силы, чтобы Вы еще много лет вели Вашу грандиозную продуктивную работу в мире культуры и искусства, на славу нашей Советской родины и на славу партии коммунистической. Искусство СССР завоевывает первое место в мире. Ваша работа, Ваше понимание работников искусства исключительное, Вы даете силу и желание победить все препятствия. Наша работа очень сложная, мы сами себя часто не понимаем, а Вы должны всех нас понять и ободрить, и Вы умеете это делать. Творчество каждого работника искусства должно быть индивидуальное и одновременно коллективное. Культура и искусство должны помогать нам жить и строить новый мир, и мне хочется Вам в этом помочь. Поэтому в честь 100-летия Ленина я приношу в дар Министерству культуры СССР следующие портреты моей работы, выполненные в технике равеновской мозаики: 20 разных портретов В.И. Ленина, 4 портрета Крупской, 3 портрета — Торез, 1 — Маяковский, 1 — Л.Толстой, 1 — Зоя Космодемьянская, 1 — Чайковский, 1 — Гагарин, 1 — Комаров, 1 — Репин, 1 — Пикассо, 1 — Леже, 1 — Шагал, 1 — Малевич, 1 — Майя Плисецкая..

В трудные моменты надо подбадривать друг друга… Мы должны бороться против всех столетий в живописи и

одновременно изучать все художественные открытия прошлых эпох. Мы должны все изучить в области искусства, чтобы найти наш собственный, свойственный нам художественный язык, мы должны найти нашу новую школу, собственный почерк новой замечательной эпохи. Это самая главная задача современного художника-коммуниста. Дело ведь не в теме, тем у нас сколько угодно, но вот как выполнить эти наши замечательные темы? Этот вопрос должен быть самый главный у художника-коммуниста. Процесс творчества очень сложный, не все понимают художника, но тот, кто хочет действительно понять, тот может. Мы, художники, люди обыкновенные, такие, как все другие, и можно нас понять, как можно понять всякого рода искусство и науку. Любить — одно дело, а понимать другое. Процесс «искания» в искусстве свойственен каждому художнику, а чтобы увидеть результаты его «исканий» в нашу «переходную» эпоху, и художнику надо иметь много терпения, и обществу. Дать новому коммунистическому обществу новую культуру не так-то легко и просто, по «заказу» создать невозможно и нельзя требовать, чтобы вот «сегодня» были написаны картины на темы социалистического общества, я думаю, это не так-то просто. Для сотворения культуры буржуазного общества потребовались столетия, а ведь нет еще коммунистического общества, я думаю, что тело ему нельзя запрячь впереди лошади. Но я верю, что родится живопись новой коммунистической эры. Шествие коммунизма неодолимо и шествие социалистического реализма тоже неодолимо, но для этого требуется много времени, много терпения. Нам, художникам, надо верить… Дорогая Екатерина Алексеевна, надеюсь, что Вы мне верите, как я Вам верю и понимаю все Ваши затруднения.

Надя Леже».

— Сегодня это письмо своим идеологическим наполнением, коммунистическим пафосом кажется странным. Рассуждения о коммунистическом искусстве во многом устарели, молодым поколениям воспринимать их трудно. Но, с другой стороны, всегда важно во что-то верить, что-то ценить, чем-то восторгаться. И тут я понимаю ярую коммунистку Надю Леже.

Анна Сорина, вдова талантливого русского художника Савелия Сорина, умершего в Париже (с ней Фурцеву познакомила Надя Леже), писала:

«Дорогая Екатерина Алексеевна!

Простите, что я Вам все пишу письма, я никогда не бываю с Вами наедине, а мне так хочется Вам сказать, что я Вас полюбила. Но не за то, что Вы занимаете высокое положение. Я ведь одна на свете, хотя у меня и есть сестра, но у нее другие интересы и своя

семья, а Вы стали близки моей душе. Мне от Вас ничего не нужно. Все, что хотел мой муж, и все, что я хотела сделать, благодаря Вам уже почти выполнено. Если сбудется выставка и будет успех, Вы не пожалеете о том, что приняли наш дар родине. Это все, о чем я думаю и мечтаю. Все остальное, как бы мне ни было трудно, я перенесу. А дальше мне все равно.

Только об одном я Вас прошу, знайте, что я Вам дала свое сердце, что я безудержно честная и верная, и что Вы всегда можете на меня рассчитывать. Я счастлива, что встретила Вас, хотя и в конце моей жизни.

Спасибо Вам за Ваше дружеское отношение ко мне.

Целую Вас.

Аня».

Фурцева тепло отнеслась к Анне Степановне Сориной и к творчеству ее мужа. Благодаря Екатерине Алексеевне в Москве была организована выставка признанного на Западе, но не очень известного у нас художника, а также выполнена его последняя воля — работы русского живописца переданы на родину.

Как «такое» пропустила цензура?

Из воспоминаний Ирины Скобцевой:

«Впервые я встретилась с Фурцевой накануне 1961 года. Никита Сергеевич Хрущев устраивал в Кремле встречу Нового года, куда была приглашена интеллигенция, представители руководства союзных республик, столичная элита. Мы появились вместе с Сергеем Бондарчуком, который начинал в то время работу над «Войной и миром».

Екатерина Алексеевна стояла в центре зала, подошла, поздоровалась и начала знакомить с присутствующими. Меня удивило то, что, представляя гостей, она прекрасно помнила не только имена и отчества окружающих, но и кто чем занимается, хотя гостей было не меньше 50 человек. И это была не просто холодная чиновничья память, чувствовалось подлинно доброжелательное отношение к людям…

Для Сергея Федоровича это было особое время: фильм «Судьба человека» получил главный приз Московского международного кинофестиваля в 1959 году и Ленинскую премию в 1960 году. Фильм шел по всему миру с ошеломляющим успехом, например, в Париже нас выводили через черный ход, чтобы мы могли тихо уехать в свою гостиницу.

К работе над «Войной и миром» Сергей Федорович приступил в августе 1962 года. История появления киноэпопеи непроста, и в первую очередь следует отдать должное… военным. В то время состоялась мировая премьера «Войны и мира» американского режиссера Кинга Уоллеса Видора, где блеснули прекрасная Одри Хепберн, Генри Форда, Витторио Гасман. Фильм поражал своим размахом.

Военные посмотрели фильм и заявили: «Американцы сняли нашу классику — 1812 год, причем достаточно уважительно это сделали. А почему бы и нам не сделать то же самое? Если что-то надо, мы всегда поможем». Они написали письмо в Министерство культуры с просьбой рассмотреть заявку. И тут же режиссером предложили Сергея Федоровича. Это было для него, как гром среди ясного неба.

Фурцева вызвала его к себе.

В чем заключалась мудрость этой женщины? Объявив о съемках «Войны и мира», она открыла двери режиссерам, которые сами уже думали об экранизации. Среди них — Ромм и Пырьев. Министр заявила, что у них равные возможности. Пырьев проявил недовольство возможной конкуренцией, и Бондарчуку в коридоре «Мосфильма» пришлось выслушать от него немало нелестных

слов.

Работа началась. Около Донского монастыря Бондарчук снял пробный эпизод расстрела французами поджигателей Москвы. Снимал сам — от начала до конца. Именно в этой сцене Пьер бросает мальчишке, вцепившемуся в него: «Не трогай меня! Я предназначен для великого! Я должен спастись!» Эти слова говорит главный герой! Как Бондарчук не побоялся снять такое! Как цензура могла пропустить такое в те непростые 60-е годы. Уму непостижимо…

Сергей Федорович показал эпизод Фурцевой, и на коллегии министерства она его утвердила…

Работе над фильмом Фурцева помогала всерьез, всем, чем могла: запросто звонила министру обороны Гречко и просила его о чем-то, связывалась, например, с городским начальством Дорогобужа и уговаривала: «Ну, вы уж снимите в поле электрические столбы, чтобы картине не мешали…»

Бывало, что горячо спорили. Екатерина Алексеевна искренне верила в скорое пришествие коммунизма и потому считала, что будущее за самодеятельностью масс. Бондарчук старался деликатно донести до министра простую мысль, что искусство — это профессия. И актерство — тоже профессия.

…Хочу заметить, что творческие, талантливые люди много значат в нашей жизни. Но в те времена творческие успехи во многом зависели от высоких чиновников от культуры, от Фурцевой в очень большой степени. И она выполняла свои функции с искренним желанием помочь отечественной культуре в целом и талантливым людям в отдельности. Таких неравнодушных людей, как она, там наверху было мало».

Этот «рыжий» бесчинствует вокруг культуры

Из дневника Василия Кухарского:

«Нужно отдать должное Брежневу: когда его еще не одолели «застойные явления» внутри самого себя, Екатерина Алексеевна могла, как правило, опереться на его поддержку. Как-то я зашел к ней и сообщил, что Большому театру урезали дотацию на два миллиона рублей. Я не успел еще подробно об этом доложить, как она стала набирать номер правительственного телефона: «Здравствуйте, дорогой Леонид Ильич! Анекдоты происходят. Как только госбюджет дает трещину, этот рыжий (имелся в виду министр финансов В.Ф.Гарбузов. — Н.М.) начинает бесчинствовать вокруг культуры. Дотация и так мизерная, а он взял и снял два миллиона Большому театру. А чем это грозит, ты и сам знаешь».

На том конце провода продолжительное кряхтение, а затем ответ: «Ты же в курсе порядка, Екатерина Алексеевна. Почему сразу ко мне, обратись сначала…» Фурцева прерывает: «Без тебя ничего не выйдет». И началась канитель.

Через полчаса звонит «рыжий»: «Опять жаловалась главному?» — «Ты меня знаешь, Василий Федорович, жаловалась и буду жаловаться!» — «Знать-то я знаю. Позвонила бы прямо мне, договорились бы. Главному можешь не писать, разговаривал со мной лично. Вопрос решен». Таких пыток словом, где проявлялась смелость на грани риска, Брежнев от Фурцевой претерпел немало.

Постоянное внимание Фурцева уделяла общению с интеллигенцией. Имела редкое качество распознавать выдающийся талант, причем чужим мнениям не доверяла, убеждалась только сама, увидев или услышав. А уж потом оказывала помощь, никогда не носившую характер благодеяния.

Внимательно следила за творчеством музыкальной молодежи, постоянно расспрашивала меня о судьбах Натальи Гутман, Виктора Третьякова, Бориса Гутникова, Элисо Вирсаладзе и других выдающихся музыкантов. Просила устранять любые помехи на их пути.

Действовала подчеркнуто, как министр культуры всего Советского Союза. Это ощутили на себе, например, Георг Отс, талантливый оперный и концертный певец, композитор Отар Тактакишвили, перед которым открылось широкое всесоюзное поприще. Всего не перечислишь.

Ценила в выдающихся мастерах интеллигентность, мягкость, скромность. Потому так трогательно и доверительно относилась к Ойстраху, бывала на многих его концертах. После одного из них посетовала: «Не бережете себя, Давид Федорович, — огромное количество концертов даете, да еще и дирижированием увлеклись. Приказываю, как министр и друг, — заключила с улыбкой, — считать себя всенародным достоянием и сделать надлежащие выводы».

Вскоре после назначения министром культуры Екатерина Алексеевна приняла горячее участие в судьбе Рихтера. Гениальный пианист, редкой чистоты и честности человек, Святослав Теофилович глубоко переживал двойственность своего положения. Ранняя слава музыканта мировой величины, самые высокие звания и награды — и несогласие инстанций на гастролирование в странах Запада по причине сложности биографии родителей. Его мать, немка, во время войны ушла с отступающими из Одессы немцами и жила в Западном Берлине. Постепенно такое положение приобрело трагический оборот. Рихтер испытывал нервные стрессы, порой переходящие в острую депрессию, избегал встреч с коллегами, боясь услышать недоуменные вопросы и сочувствие.

Фурцева употребила всю свою энергию, чтобы сломать тягостную ситуацию. Подолгу говорила с женой Рихтера Ниной Дорлиак, просила внушить ему, что все образуется.

Но внушала министр не только чете Рихтеров, бомбардировала письмами ЦК партии, компетентные органы, в личных встречах с руководством уговаривала, требовала, доказывала, какой урон во мнении мировой общественности несем мы бездушным отношением к великому музыканту.

В конце 1963 года «блокада» была прорвана. Рихтер выехал на длительные гастроли по Западной Европе и США. Его ждали переполненные залы, невиданный триумф. Фурцева способствовала встрече в Америке Святослава Теофиловича с матерью.

Святослав Рихтер писал:

«4. X1.72.

Дорогая Екатерина Алексеевна! Сердечно поздравляю Вас с Праздником. От всего сердца желаю Вам здоровья, большого счастья, свершения Ваших интересных планов.

Был очень тронут Вашим звонком в Варшаву.

Нина просит Вам передать свои искренние, сердечные пожелания к Празднику.

Всегда Ваш Святослав Рихтер».

— Мы с мужем не раз бывали в гостях у Святослава Теофиловича и Нины. Я знаю, что Фурцева помогла им решить еще одну проблему. В Тарусе у семьи был деревянный домишко с одним окном. Великий пианист часто недомогал, ездить так далеко ему было все тяжелее. Дом стоял пустой. Тогда Фурцева выхлопотала ему дачу на Николиной Горе, недалеко от столицы. Помогала ему и в добывании редких лекарств. Примеров такого дружеского участия Фурцевой в судьбах деятелей культуры можно привести много. Да, в этом смысле она была открыта для людей, и люди это чувствовали.

— А вы, Нами, слышали про такой анекдотический диалог Екатерины Алексеевны и небожителя Рихтера?.. Однажды Фурцева с открытой партийной прямотой обратилась за помощью к Рихтеру по довольно деликатному вопросу: «Святослав Теофилович, не могли бы вы уговорить Мстислава Леопольдовича, чтобы Солженицын съехал с его дачи?» Гений понял ее слова по-своему. «Да, — задумчиво ответил он. — Слава, наверное, и в самом деле устал. Надо бы мне Солженицына к себе пригласить! Пусть у меня поживет…»

— Не знаю, был ли этот разговор на самом деле, но Рихтер вполне мог так сказать.

За годы работы министром не уволила ни одного человека

— Рассказывая мне о маме, Светлана Фурцева постоянно вздыхала, что видела ее, как правило, поздно вечером: переговоры, спектакли, кремлевские концерты, визиты заграничных звезд, просмотры новых кинолент в Большом Гнездниковском переулке. Даже на спектаклях, которые посещала по долгу службы, она не могла расслабиться — просмотр был продолжением рабочего дня.

Министра понять можно — она отвечала за все, что происходило на столичных сценах.

Скажите, Нами, Василий Феодосьевич жаловался на «тяжелую» службу в министерстве?

— Конечно, его рабочий день был насыщенным. Екатерина Алексеевна приходила к девяти часам. Собранной, подтянутой, с готовыми планами на день. Четко организовывала часы приемов. Поздним вечером опять заезжала в министерство, где ее ждали помощницы Любовь Пантелеймоновна и Татьяна Николаевна, и намечала задачи на завтра.

Я бывала в служебном кабинете министра культуры СССР. Он выглядел бы строгим и излишне казенным, если бы не ваза с цветами, которая всегда стояла на столе. Думаю, такие дамские пристрастия располагали посетителей, поднимали настроение. Рядом с кабинетом находилась узкая комната отдыха, где стоял шкаф с одеждой, необходимой для выхода в театр, на торжественные приемы.

Иногда она обедала в этой комнатке, но чаще всего в министерской столовой вместе со своими замами — Владимиром Ивановичем Поповым, заместителем по зарубежным связям, и Василием Феодосьевичем Кухарским, заместителем по музыке, с которым она была особенно близка. Профессионалы, каждый в своей области, ее заместители уважали и ценили Фурцеву.

Такая деталь: за годы работы в министерстве Фурцева не уволила ни одного человека. А ведь всякое бывало, она могла бы лишний раз и показать свою власть.

Помню, я как сотрудник журнала «Советская музыка» присутствовала на министерском заседании по эстраде. Собрались артисты, журналисты, музыканты. Особенно запомнился Леонид Осипович Утесов. Вошла Фурцева. В этот день она была как-то особенно хороша собой: высокая прическа, строгое серое платье, облегающее фигуру и позволяющее видеть

ее стройные ноги в элегантных туфельках на высоких каблуках. Зал мгновенно затих. Екатерина Алексеевна поправила рукой прическу (это был ее привычный жест) и, слегка улыбнувшись, сказала: «Что могу сказать вам, мастерам искусств, я — простая женщина? Думаю, лучше, чтобы говорили вы!» Все вскочили с мест, зааплодировали. Мэтры оценили ее облик, манеру держаться и, главное, суть и смысл сказанного.

Муж рассказывал, как проводила она заседания коллегии: выстраивала для себя внутреннюю драматургию дискуссий, как правило, никого не прерывала. Разве что морщилась, когда оратор предлагал какую-нибудь «завиральную» идею. Умела лаконично завершить обсуждения, иногда так лихо находила рациональное зерно, так четко обнажала истину, что присутствующие ахали да разводили руками. А ведь коллегии, как правило, собирали цвет художественной интеллигенции.

Следила за формой своих выступлений, вносила в них забавную либо острую театральность. Я знала, что министр много лет брала уроки дикции у несравненной актрисы Веры Петровны Марецкой, дружила с ней. Это не случайно: многое роднило двух талантливых, обаятельных русских женщин.

Думаю, министру культуры не мог не нравиться художественный фильм «Член правительства». История бывшей батрачки Александры Соколовой, сумевшей исключительно за счет личных качеств стать сначала председателем колхоза, а в дальнейшем и депутатом, была очень близка Фурцевой.

Работалось с Екатериной Алексеевной нелегко, муж нередко говорил об этом. Когда он переходил в Министерство культуры, его предупредили: «Не спорь с Фурцевой на людях. Все конфликты решайте один на один».

Кухарский старался придерживаться этого принципа, хотя удавалось не всегда. Особо острые конфликты разыгрывались после его возвращения из зарубежных командировок.

Василий Феодосьевич как-то рассказал об одном из таких эпизодов. Суть такова. В 1969 году проходил фестиваль русской советской музыки в Париже. Триумф необыкновенный. Не только левая, но и правая печать единодушно подчеркивала, «какие необычайные открытия сделал Запад после того, как русская музыка стала советской музыкой». Министром культуры Франции в ту пору был Андре Мальро, писатель, мыслитель, соратник Шарля де Голля в борьбе за освобождение Франции от фашизма, идеолог голлизма. Василий Феодосьевич познакомился с ним в Москве, куда Андре Мальро приехал после долгого перерыва. В 1934 году как французский писатель-коммунист он был почетным гостем Первого Всесоюзного съезда советских писателей. Потом

началось отлучение Мальро от коммунизма и в целом от «прогрессивного человечества». К сожалению, по советской инициативе.

В первые же дни фестиваля Андре Мальро пригласил Кухарского в министерство. Муж приехал в сопровождении советника по культуре нашего посольства Казанского. По дороге им сообщили, что встреча предполагается «протокольная», то есть не более получаса. Не тут-то было! Поздравив с успехом фестиваля, Мальро сразу, как говорится, взял быка за рога. Он говорил о предстоящем через год 100-летии Ленина: «Эта дата будет отмечаться во всем мире, как величайшая в XX столетии, особенно широко ее отметят во Франции». Стал рассказывать о своих планах, о грандиозной выставке в престижном зале Парижа «Гранд Пале». Мальро просил прислать побольше подлинников ленинских рукописей, особенно тех, что связаны с его деятельностью во Франции. Лицо уже больного, усталого, пожилого Мальро, человека сложной судьбы, то и дело озарялось молодой улыбкой.

Воодушевленный его предложением, муж тут же отправил депешу в Москву. И вдруг на следующий день получил строгий приказ министра немедленно вылететь на родину. И это в разгар успеха фестиваля! Что случилось? Посол только горестно развел руками. Чуть позже Кухарский понял причину: возможно, Екатерина Алексеевна ревниво отнеслась к его почти дружескому сближению с французским министром.

Мария Каллас жила на дачке в Баковке

В годы пребывания Фурцевой на посту министра культуры возрос интерес к советскому искусству, увеличилось количество контактов с зарубежными странами. Культурная жизнь страны преобразилась. Екатерина Алексеевна очень любила кино и, познакомившись в Париже с французским искусством, влюбилась и в город, и в его обитателей. В Москве начались недели французского и итальянского кино. Изголодавшаяся по премьерам публика ломилась в кинотеатры. Хорошим тоном стало разбираться в западном кинематографе. Многие зарубежные фильмы Госкино закупило не без вмешательства Фурцевой. В Москве проходили выставки картин из Дрезденской галереи, Нью-Йоркского музея «Метрополитен», французских импрессионистов.

Многие контакты Екатерина Алексеевна налаживала благодаря своему обаянию. Так, бельгийская королева Елизавета подарила ей свой портрет с говорящей надписью: «Екатерине от Елизаветы». Датская королева Маргрете заявила, что «мечтает сделать для своей страны столько, сколько Фурцева сделала для своей».

Однажды Екатерина Алексеевна поехала в столицу Франции вместе с оперной труппой Большого театра. Весь Париж, как свидетельствовали французы, ринулся к зданию Гранд-опера. Фурцева присутствовала на спектаклях, и это тоже «работало» на положительный образ Советов, который постепенно вытеснял прежний «образ врага». Для многих открытием стала не только русская культура, но и русский министр культуры — обаятельная, эмоциональная, изящная, хрупкая и в то же время очень решительная женщина.

Фурцева, говоря современным языком, выступала в роли продюсера от лица государства. Руководствуясь личными вкусами и привязанностями, прислушиваясь к мнениям людей, которым доверяла, она сделала очень много для культурной жизни того времени.

Зарубежные артисты стали гастролировать в Москве. Симфонический оркестр и балет из Венгрии, артисты из Польши, Румынии и Югославии. Дни культуры Советского Союза в Польше, ГДР, Румынии, Чехословакии, «Русские сезоны» в Париже, балет Большого в Лондоне… Налаживалось и творческое сотрудничество — в Большом театре, например, в опере «Кармен» пела Ирина Архипова, а партию Хозе исполнял знаменитый итальянский тенор Марио Дель Монако.

В Москву приезжали Ив Монтан и Симона Синьоре. Концерты Монтана стали неожиданными для советской публики: его активное движение по сцене, выразительное пение, разговор, открытость, шарм — все вызывало бурную реакцию. Красивую, яркую пару у нас очень полюбили.

Помню знаменитого французского мима Марселя Марсо — его блестящие выступления поражали неожиданными решениями.

Не забыть спектакль «Наш городок», с которым приехал американский драматический театр.

Яркое впечатление оставил концерт Марлен Дитрих в 1963 году. Переполненный Театр эстрады, в первом ряду — министр культуры Фурцева.

Впервые в Россию приехала знаменитая греческая певица Мария Каллас. В 70-е годы во Франции крупной фирмой грамзаписи «Шан дю Монд» руководил писатель-коммунист, яркая личность Жан Руар. Его фирма была компаньоном фирмы «Мелодия». Жена Руара, известная пианистка гречанка Вассо Девецци, выступала в Москве с концертами. Руан часто бывал в Москве, официальные органы к нему относились с доверием. Деловые контакты директора студии с Фурцевой и Кухарским переросли в дружеские. Однажды в Париже во время ужина Вассо рассказала Екатерине Алексеевне о своей подруге Марии Каллас, которая была в то время совершенно разбита из-за охлаждения к ней ее давнего друга и возлюбленного Онассиса. Екатерина Алексеевна с искренним сочувствием выслушала горькую историю мировой знаменитости и через Вассо Девецци пригласила мировую звезду в Москву для участия в жюри Конкурса имени Чайковского.

Визит был коротким, он продлился всего три дня. Мировая знаменитость с большим вниманием отнеслась к выступлению молодых советских вокалистов. Зураб Соткилава вспоминал, как после окончания выступления Каллас решила выйти из зала. Публика узнала ее и устроила овацию. Оперная дива была в замешательстве, она не могла протиснуться к выходу. Ситуацию спас Соткилава, который помог певице выйти из затруднительного положения и проводил до машины.

Жила Каллас на государственной даче Фурцевой в Баковке. Приехала она с переводчицей и компаньонкой, бывшей русской эмигранткой, — вот и вся свита. Гости обедали вместе с Фурцевой в маленькой комнатке рядом с ее рабочим кабинетом. О чем говорили — остается только гадать. Фурцевой, по-видимому, хотелось поддержать певицу, хотелось, чтобы та почувствовала себя нужной, поэтому она и обратилась к ней с деловой просьбой — помочь организовать стажировку советских

певцов в театре Ла Скала.

Каллас посодействовала, и вскоре в Италию с ее легкой руки стали ездить наши молодые исполнители.

Фурцева гордилась победами наших музыкантов на международных музыкальных конкурсах. Кухарский вспоминал, с каким воодушевлением она рассказывала о конкурсе в Брюсселе, где советская музыкальная школа вновь одержала триумфальную победу. Тогда все четыре наших участника получили премии. Катя Новицкая — ученица профессора Льва Оборина — первую, Камышев — вторую, Кручин — четвертую, Леонская — девятую. Когда жюри удалилось на совещание, чтобы вынести окончательное решение и назвать имена победителей, никто не ушел из зала, все ждали решения жюри, а ждать пришлось до четырех часов утра! Овацией приветствовали победу советских исполнителей!

Василий Феодосьевич шутил, что Фурцева говорила о победе в музыкальном конкурсе, как о победе коммунизма!

Так же гордилась она успехами советского балета, премиями, которые привозили учащиеся Московского хореографического училища из Лондона и Парижа. В период застоя советский балет находился в самом расцвете. В стране работали 39 театров оперы и балета, а потому «в области балета» нас никто не мог догнать и тем более перегнать.

…Гастроли советских артистов за рубежом приносили большие доходы в государственный бюджет. Министерство культуры сообщало, что только за гастрольную поездку, например, Святослава Рихтера в Италию и во Францию в 1963 году государство получило 50 тысяч долларов прибыли. Тем не менее, несмотря на явные успехи, ЦК партии и Комитет государственной безопасности с крайней подозрительностью относились к выездам наших артистов на гастроли в капиталистические страны. Знаю, что Фурцевой порой приходилось биться с ними по этому поводу. В те годы при рассмотрении просьб министерства о зарубежных гастролях того или иного деятеля культуры руководствовались количеством выездов его за границу в текущем году. Например, в сентябре 1956 года Давиду Ойстраху не разрешили выезд в США, так как в январе знаменитый скрипач там уже побывал.

Политбюро слушает Бенни Гудмена

«Вчера во Дворце спорта ЦДСА состоялся первый концерт джаз-оркестра под управлением Бенни Гудмена (США). Это один из лучших американских джазов, в составе которого выступают двадцать музыкантов-профессионалов.

Американские артисты познакомили москвичей с интересной программой, подготовленной к гастролям по нашей стране. Она открывается оркестровой пьесой композитора Пауэлла «Визит в Москву». Затем были исполнены произведения популярных авторов, пишущих для джаза, — Эллингтона, Бейси, Хэнди, Портера и других.

Солистами в оркестре выступили руководитель оркестра кларнетист Бенни Гудмен, пианист Тедди Уилсон и певица Джойя Шеррилл, спевшая несколько песен американского композитора Гершвина.

На концерте присутствовали товарищи Ф.Р.Козлов, А.Н.Косыгин, А.И.Микоян, Н.С.Хрущев. В ложе находились также министр культуры СССР Е.А. Фурцева и посол США в СССР г-н Л.Е.Томпсон».

(«Правда», 31 мая 1962 года)

— Нами, вы можете прокомментировать сухие газетные строчки, которые мало что говорят молодому поколению любителей музыки? А ведь это была настоящая сенсация, прорыв «железного занавеса», настоящий подарок нашим подпольным любителям джаза, который во время «холодной войны» был запрещен в СССР и ассоциировался с понятием буржуазной пропаганды. Наконец-то они могли воочию услышать и увидеть своего кумира!

— В 1962 году оркестр Бенни Гудмена стал первым американским джазовым коллективом, посетившим СССР. Гости выступали не только в Москве, но и в Ленинграде, Киеве, Ташкенте, Тбилиси и Сочи…

Гастроли всемирно известного оркестра состоялись благодаря Фурцевой и… Шостаковичу. В порядке обмена делегация композиторов должна была отправиться в США. Перед вылетом Екатерина Алексеевна встретилась с Дмитрием Дмитриевичем и попросила его совета: какой американский музыкальный коллектив можно пригласить в СССР, чтобы он «был понятен советскому народу». Нынче это звучит смешно, как, впрочем, и другая фраза министра культуры, которую она скажет позже, после просмотра фильма «Мужчина и женщина»: «Эту картину обязательно должны посмотреть советские люди». И

благодаря ей советские зрители увидели потрясающую ленту Клода Лелюша…

Так вот, Шостакович тогда выбрал Бенни Гудмена. Фурцева, поверив вкусу выдающегося музыканта, согласилась. Гастроли легендарного оркестра произвели в СССР настоящий фурор. Мало того, уже после отъезда заокеанского гостя вышла пластинка «Бенни Гудмен в Москве». Она мгновенно стала раритетной, а сегодня, я думаю, сохранилась лишь у коллекционеров.

Фурцева же продолжала одаривать советских меломанов: в 1971 году в Москве, Ленинграде и Киеве состоялись концерты знаменитейшего Дюка Эллингтона.

— В своем архиве я обнаружил опубликованную в 60-е годы в США статью известного американского публициста, корреспондента «Нью-Йорк таймс» Говарда Таубмена, фрагмент которой так и просится на страницы нашей книги. Сегодня читать это немного смешно, но, мне кажется, слова американского журналиста подтвердят ваш рассказ о тех изменениях, которые произошли в советской культуре и искусстве в годы правления Фурцевой.

«…В советской стране существует искренняя преданность идеалам искусства, повсюду любовь к прекрасному. Творческая профессия пользуется уважением. Культура считается в СССР одним из высших достоинств. В глубоком смысле это означает знание и умение ценить достижения поэтов, драматургов, композиторов и писателей прежних и нынешних времен… Искусство — это прекрасный путь к умам и сердцам людей. Правительство поддерживает культуру, искусство с небывалой щедростью… Соединенные Штаты хорошо поступили бы, если бы считали эти заявления правдивыми… Одним словом, достижения советского искусства должны заставить нас призадуматься…»

Вишневская о Фурцевой… резко, непримиримо, зло…

«…За высокой металлической оградой обитали миллионеры, банкиры, знаменитости. Ворота в дом, где на втором этаже находилась их квартира, были распахнуты настежь. Ни замков, ни звонков, ни псов на цепи. Консьержки я тоже не обнаружил. «Смелые, однако, люди здесь живут», — подумал я.

— Это Левицкий, Екатерина Вторая. Это Елизавета, очень известный портрет, может быть, рисовал Антропов. Но под вопросом. Это Петр Первый Мора, царь позировал художнику. Представляете? Ведь монархов чаще всего рисовали по памяти. Это портрет государя Николая Второго работы Серова. Жаль, что руки как бы не дорисованы, но в этой незавершенности своя прелесть. А этот фарфор императорского завода очень редкий, в особенности статуэтки. Мебель собиралась по разным странам: Аргентина, США, Англия, Франция. В основном на аукционах.

— Какие замечательные шторы!

— Из Зимнего дворца! Редчайшие! Раз в три года своими руками стираю, никому не доверяю такую прелесть».

(Из книги Ф.Медведева «После России»)

— Вспоминаю свой давний визит к Галине Вишневской. Это было в Париже четвертого декабря 1989 года. К тому времени знаменитая чета уже много лет жила за пределами родины, лишенная советского гражданства. Я побывал у них в квартире на улице Жоржа Манделя в одном из престижных районов столицы Франции.

…Два часа я расспрашивал Галину Павловну о ее жизни во Франции, о гастролях по всему миру, о том, как чувствует себя дорогой Мстислав Ростропович (он был в те дни простужен, и я слышал его кашель за стеной), как поживают дети. И очень хотелось поговорить о Екатерине Алексеевне Фурцевой. Естественно неспроста. В России шла перестройка, менялась идеология, пресса становилась все более свободной. Вишневская увезла с собой множество тайн из жизни советской культурной элиты, актеров, музыкантов, художников, писателей. А на фигуре Фурцевой, бывшем министре культуры, замыкалось многое из того, что происходило в мире искусства.

Как только я упомянул о Фурцевой, Галина Павловна напряглась и в свойственной ей, как я уже понял из двухчасового общения, наступательной манере отрезала:

— Вы, наверное, не знаете, что я выпустила здесь свои

мемуары под названием «Галина». В них рассказано о многом из той прошлой жизни. В том числе я пишу о своих отношениях с министром культуры. Дарю вам эту книгу и разрешаю, если позволит вам ваша нынешняя гласность, использовать любые фрагменты…

Интервью с Галиной Павловной я опубликовал сначала в газете, потом в книге «После России», вышедшей стотысячным тиражом в одном из ведущих издательств страны. Ее воспоминания я, конечно же, прочитал сразу, они произвели на меня огромное впечатление своей откровенностью, резкими суждениями, драматическими коллизиями жизни великих музыкантов. Но разрешением уважаемой Галины Павловны напечатать фрагменты из этой книги я тогда не воспользовался. Закрутили другие темы, другие судьбы, было как-то не до Фурцевой. И только сейчас (с огромным опозданием, ведь о министре культуры СССР столько уже понаписано!) я заново перелистал этот документальный роман о временах четвертьвековой давности.

Тупой министр по кличке Каргузый

«…В те годы министром культуры был Михайлов, до того много лет занимавший пост первого секретаря ЦК ВЛКСМ, а еще раньше, в буйной молодости, — бандит и гроза московских окраин по кличке Каргузый. Внешность у него была под стать его тупости, и часто встречаясь с ним на приемах, в толпе я его просто не узнавала. Бывало, Слава толкает меня в бок, шепчет: «Ты почему не здороваешься?» — «А кто это?» — «Ты что, с ума сошла, это Михайлов!» — «А-а… Здравствуйте».

Думаю, что Михайлов был одним из самых выдающихся болванов на этом посту. Именно ему принадлежит блестящая идея ввести в репертуар Большого театра оперы всех национальных республик Советского Союза…

Но он не успел провести в жизнь свой гениальный план — Екатерину Фурцеву вывели из Политбюро, и она осталась не у дел, так что ее срочно надо было куда-нибудь приткнуть. В таких случаях вспоминают об артистах. Михайлова сняли — Фурцеву назначили министром культуры. Но она не стала разрабатывать золотую жилу своего предшественника, у нее было свое хобби: она считала, что профессиональное искусство вообще не нужно… С истинно женской легкостью Фурцева переключилась на другое хобби: бриллианты, золото, на добычу которых перебросила тех

же артистов, ибо дилетанты тут не добытчики.

…Были у нее свои артисты-«старатели», в те годы часто выезжавшие за рубеж и с ее смертью исчезнувшие с мировых подмостков. После окончания гастролей такой «старатель», чаще женщина, обходил всех актеров с «шапкой», собирая по 100 долларов «на Катю», — а не дашь, в следующий раз не поедешь. Мне это рассказывали артисты оркестра народных инструментов на гастролях в Англии. Собирала у них дань подруга Фурцевой, певица нашего театра по прозвищу «Катькина мочалка» (та ходила с ней вместе в баню). Она часто ездила именно с этим коллективом. От хозяйки у нее были специальные инструкции, так что она знала, что покупать, набивала барахлом несколько чемоданов и волокла в Москву. Охоча Катя была и до водки…

И все же было в этой простой русской бабе большое обаяние. Начала она свою карьеру ткачихой на фабрике и дошла до члена Политбюро. Пройдя огонь, воду и медные трубы, была Катя хваткой, цепкой и очень неглупой. Обладала большим даром убеждения и, имея свои профессиональные приемы, хорошо знала, как дурачить людей. Умела выслушать собеседника, обещала, успокаивала как мать родная, и человек уходил от нее, очарованный ее теплотой, мягкостью — благодарил… Правда, вскоре выяснялось, что сделала она все наоборот. Но, даже хорошо зная ее повадки, нельзя было не поддаться ее обаянию. У меня был свой способ разговаривать с ней. Если она в присущей ей манере начинала уводить разговор в сторону, заговаривая мне зубы, то я, внимательно на нее глядя, просто ее не слушала. Главное было — не упустить, не забыть собственной мысли и, как только Катя умолкнет, успеть эту мысль протолкнуть. Она мне про Фому, я ей про Ерему.

Продержалась она на своем посту долго, как никто, — 14 лет. В последней «дачной» истории, когда по ее распоряжению сняли ковры во Дворце съездов и застелили ими полы на даче дочери, ее буквально поймали за руку, но она, как кошка, выброшенная из окна, моментально перевернулась и встала на ноги. Уж Катя-то хорошо знала всю подноготную закулисной жизни правительственной элиты и действовала их же методами, прекрасно ею усвоенными.

Это вам не 37-й год!

…Последний раз меня выпустили на концерты в США в 1969 году, и сопровождался отъезд огромным скандалом в

Министерстве культуры и ЦК.

…За неделю до отъезда меня вызвал секретарь парторганизации театра Дятлов, и впервые за все годы работы в театре мне был задан вопрос: почему я не посещаю политзанятий?

Надо признаться, что я была единственной из всего трехтысячного коллектива театра, действительно ни разу не почтившей своим присутствием эти идиотские сборища утром по вторникам.

— А, собственно, зачем?

— Ну чтобы быть в курсе мировых событий.

— Меня интересуют другие события: у меня домработница ушла, а мне спектакль завтра петь. И кто в таком случае будет стоять в очереди и варить обед?

— Но вы подаете плохой пример молодежи. Видя, что вы отсутствуете, они тоже не приходят на занятия.

— Вот и воспитывайте их, а меня оставьте в покое. Не ходила и не буду ходить.

На другой день мне позвонили из Министерства культуры и сказали, что Большой театр отказался подписать мою характеристику на поездку в Америку, что мои гастроли аннулируются… Разрешить проблему могла только лично Фурцева: по-видимому, она пожелала на виду всего коллектива меня воспитывать, чтобы другим неповадно было. Ведь самое большое наказание — не пустить за границу.

Мне стало противно до омерзения от этой наглости: обирают до нитки да еще выставляют эти поездки как особое к тебе расположение… Да пошли они все к чертовой матери, поезжайте сами и пойте.

Позвонила Славе в Нью-Йорк и рассказала, что меня не выпускают, потому что театр не дает характеристики. Я на политзанятия не хожу.

— Да что они, с ума сошли? Пойди к Фурцевой.

— Никуда не пойду. Я не девчонка — обивать пороги кабинетов.

— Но здесь же объявлены твои концерты, как они могут не пустить тебя?

— Они все могут.

…Слава связался с посольством в Вашингтоне и объявил, что, если я не приеду на гастроли, он аннулирует все свои концерты и уезжает в Москву. Но перед этим даст интервью «Нью-Йорк таймс»… Видя, что запахло хорошим скандалом, в дело включился советский посол Добрынин. И пошел у него перезвон с Москвой, а когда звонит из Америки советский посол, это дело

нешуточное. И Фурцева получила нагоняй.

Прошел день-другой, и Катя вызвала меня к себе:

— Галина Павловна, что произошло?

— Наверное, вам все уже рассказали. Я могу только добавить, что я совершенно не нуждаюсь в подачках в виде гастролей за границу. Я езжу прославлять русское искусство, а вместе с ним и советское государство… То же самое делает мой муж — играет каждый день до крови на пальцах.

— Кто же посмел издеваться над вами, народной артисткой Советского Союза? — заорала Катя и вперила свой взгляд в парторга. Тот от столь неожиданного поворота стал заикаться:

— Кат-т-т-терина Алексеевна, дело в том, что Галина Павловна не по-по-сещает по-литзанятий.

— Какие такие политзанятия?! Как вы смеете?! — и хвать кулаком по столу. — Это вам не 37-й год!

От такого мозгового завихрения Кати мы все вылупили на нее глаза, а она зашлась, орала на них, недавних партнеров по игре, как на мальчишек. И они, красные от стыда, молча слушали бабий разнос.

Она была очень мила и свои претензии попросила изложить письменно …Уже год как Мелик-Пашаев был отстранен от поста главного дирижера. Он и Покровский считали, что в театре не должно быть командных постов: главных — дирижера, режиссера, художника, что эта система устарела. Короче говоря, все должны работать, а не командовать. Тот и другой хорошо знали себе цену и понимали, что заменить их невозможно, и со своими предложениями пришли к Фурцевой. Она была очень мила, попросила изложить свои пожелания письменно, обещая доложить правительству… И через несколько дней в канцелярии театра висел приказ, гласящий, что Мелик-Пашаев и Покровский по собственному желанию освобождены от занимаемых должностей, и на их места главными назначены дирижер Светланов и режиссер Туманов. Для театра это было полной катастрофой. Знаменитый Мелик оказался в унизительном подчинении у начинающего дирижера, человека грубого и психически неуравновешенного. А Покровский — под началом самого бездарного из всех режиссеров, встретившихся на моем пути, но очень опытного и льстивого царедворца.

Что за похороны… без музыки?!

…А вскоре Мелик-Пашаев умер. Было ему только 59 лет. Для

меня его смерть явилась не несчастьем, не горем, все это не те слова. Умер друг, любимый дирижер, и вместе с ними умер Большой театр. Гроб с телом выставили в фойе. Но принятой в таких случаях гражданской панихиды не было. Вдова Александра Шамильевича не разрешила речей и музыки. По этому поводу Фурцева вызывала директора театра, скандалила, требуя, чтобы были «нормальные» похороны.

— Как это так, без музыки? Что за показуху вы собираетесь там устраивать?!

Этой дуре-бабе не приходило в голову, что пышный концерт и «свадебные» генералы на похоронах и есть показуха. Вдова покойного сказала, что не желает слушать над гробом речи людей, убивших ее мужа.

— А если так, то я запрещаю выставлять гроб в Большом театре, — сказала Фурцева.

— Но это же скандал, Екатерина Алексеевна. Бывший главный дирижер, народный артист СССР — что подумает народ?

Но Катя не гнушалась ничем. Угрожала, что пенсии вдова не получит, что и на Новодевичьем Мелик-Пашаева не похоронят. Вдова стояла на своем:

— Не позволю глумиться над моим покойным мужем.

Наконец через три дня великодержавный театр распахнул настежь двери, чтобы навсегда отторгнуть от себя одного из самых верных своих служителей, последнего из могикан… Фурцева на похоронах не появилась — прислала своего заместителя… Ирина Архипова, бледная, запыхавшаяся, вцепившись в мою руку, как безумная, шептала на ухо:

— Не плачь, не плачь. Я отомстила. Я только что вернулась из ЦК. Я им сказала все.

Письмо Бриттена из мусорной корзины храню как реликвию

…С Бенджамином Бриттеном я впервые встретилась летом 1961 года на фестивале в Олдборо… Я думаю, что все, кто имел счастье знать этого обаятельного человека, чувствовали его простоту и естественность в общении. Одно из моих исполнений намечалось на 30 мая 1962 года в Ковентрийском соборе. И это было бы для меня замечательно…

И вдруг мне позвонил взволнованный Бен, что ему отказывают в моем участии. Я не могла понять почему и кинулась в Министерство культуры к Фурцевой. Пока я дожидалась в приемной, моя знакомая, работавшая в иностранном отделе,

потихоньку принесла и отдала мне — на память — выброшенное в мусорную корзину письмо Бриттена, адресованное зав. иностранным отделом Степанову, которое я храню как драгоценную реликвию.

Через несколько минут я сидела у Фурцевой и, слушая ее, пыталась понять, что же происходит.

— Немцы разрушили Ковентрийский собор во время войны, и теперь его восстановили…

— Так это же замечательно, что восстановили.

— Но люди могут потерять бдительность, забыть, что Западный Берлин…

Она несла какую-то чушь, а я мучилась нестерпимой болью, что меня лишают права петь замечательное сочинение. Что она там болтает?

— Екатерина Алексеевна, сочинение призывает к миру, против войны. У нас же каждый день во всех газетах пишут, что мы боремся за мир, и вот тут получается просто изумительно — русские, англичане и немцы все вместе объединяются за мир во всем мире.

— Но как же вы, советская женщина, будете стоять рядом с немцем и англичанином в политическом сочинении? А может, в данном вопросе наше правительство не во всем с ними согласно?

— Да в чем не согласно-то? Сочинение не политическое, а призыв к людям за мир во всем мире…

— Но Ковентрийский собор восстановили немцы…

Так и не поняв — за войну мы или за мир, увидев, что невозможно выйти из этого заколдованного круга, я распрощалась с Фурцевой и ушла.

А «этот-то» так и живет у вас на даче?

Когда Солженицын закончил свой «Август четырнадцатого», Слава посоветовал ему не отдавать его сразу на Запад.

— Ты должен известить сначала все советские издательства, что закончил роман.

— Да ведь не будут печатать — рукопись только истреплют.

— А ты не давай рукопись, разошли письма во все редакции с извещением, что закончил роман, — напиши, на какую тему, пусть они официально тебе откажут, тогда ты сможешь считать себя вправе отдать рукопись за границу.

Солженицын послушал его совета — написал в семь издательств, ни одно не ответило ни единым словом.

Тогда Слава попросил у Александра Исаевича один экземпляр и решил сам пробивать дорогу…

Сначала он позвонил в ЦК, секретарю по идеологии Демичеву. Тот был рад звонку, спросил о здоровье, приглашал зайти.

— С удовольствием зайду, Петр Нилыч. Мне нужно вам кое-что передать. Вы, конечно, знаете, что на нашей даче живет Солженицын. Он сейчас закончил исторический роман «Август четырнадцатого»…

— Да? В первый раз слышу.

И голос уже совсем другой, холодно-официальный. Слава же с энтузиазмом продолжает:

— Я прочитал роман, Петр Нилыч. Это грандиозно! Уверен, что, если вы прочтете, вам понравится.

Наступившая затем пауза несколько привела его в чувство.

— Вы меня слышите, Петр Нилыч?

— Да, я вас слушаю…

— Так я через полчаса привезу вам книгу.

— Нет, не привозите, у меня сейчас нет времени ее читать.

— Так, может, кто-нибудь из ваших секретарей прочтет?

— Нет, и у них не будет времени.

Ростропович понял, что разговор окончен.

Не беда! И Слава позвонил Фурцевой. Наученный предыдущим телефонным разговором с Демичевым, к Катерине решил явиться собственной персоной, о чем и сообщил ее секретарше. Встретила его Екатерина Алексеевна, как мать родная:

— Славочка, как я рада вас видеть! Как поживаете? Что Галя, дети?

— Спасибо, Екатерина Алексеевна, все хорошо, все здоровы.

— А «этот-то» все так и живет у вас на даче?

В разговоре она никогда не называла Солженицына по имени, а только всегда — «этот».

— Конечно, куда же ему деваться? Квартиры нет, не в лесу же ему жить. Вы бы похлопотали за него, чтобы квартиру ему в Москве дали… Самое главное, что он здоров, много работает и только что закончил новую книгу, — с радостью сообщил Ростропович, надеясь на лице собеседницы увидеть счастливое выражение от услышанной новости.

— Что-о-о? Новую книгу? О чем еще? — в ужасе закричала она.

— Не волнуйтесь, Екатерина Алексеевна, книга историческая про войну 14-го года, которая еще до революции была, — спешил сообщить ей Слава, думая, что от страха она перепутает все

исторические даты. — Я принес ее с собой, она в этом пакете. Вы обязательно должны ее прочитать. Уверен, что вам очень понравится.

И он хотел положить рукопись на стол.

Тут уж Катя, забыв свою министерскую стать и свою вальяжность, просто по-бабьи завизжала:

— Не-е-е-т! Не кладите ее на стол!!! Немедленно заберите! Имейте в виду, что я ее не видела!

…Так закончилась вторая Славина попытка с книгой Солженицына. Долго он еще ходил с ней, как коробейник, по разным инстанциям.

После этого Слава вернул рукопись Солженицыну:

— Конец. Ничего не вышло, Саня. Отправляй ее на Запад.

Отпустите нас по-хорошему

…У меня плыли красные круги перед глазами. Я не заметила, как комната опустилась вниз. Чуть не падая от пережитого, я стояла в кулисе. Кто-то коснулся моего плеча:

— Галя, что с тобой? Успокойся! Ведь счастье, что вас уже давно в тюрьму не посадили…

…Едва пришла домой — звонит Фурцева:

— Галина Павловна, почему вы подали заявление, не поговорив со мной?

— Катерина Алексеевна, я устала… Я не хочу больше объяснять вам то, что вы хорошо знаете. Одно скажу вам: отпустите нас по-хорошему, не создавайте скандала и не шумите на весь мир — ни я, ни мой муж в рекламе не нуждаемся. Через две недели будьте любезны дать ответ, дольше мы ждать не намерены и будем предпринимать следующие шаги. Раз мы пришли к решению уехать, мы этого добьемся. Вы меня достаточно хорошо знаете, я пойду на все.

— Мы могли бы спокойно объясниться, я пойду в ЦК, и все утрясется. Какие ваши желания?

— Екатерина Алексеевна, ничего теперь не нужно. Ни мне, ни Славе. Я хочу только одного — спокойно и без скандала отсюда уехать.

…В эти напряженнейшие дни, когда решалась судьба всей нашей семьи, нам позвонили из американского посольства.

— Господин Ростропович? С вами говорит секретарь сенатора Кеннеди.

— Я вас слушаю.

— Господин сенатор просил вам передать, что он был сегодня у господина Брежнева. Среди прочих вопросов говорил о вас и вашей семье, что в Америке очень взволнованы вашей ситуацией. И господин сенатор выразил надежду, что господин Брежнев посодействует вашему отъезду.

— О, спасибо-спасибо. Передайте господину Кеннеди благодарность всей нашей семьи…

Впервые повеяло прорвавшимся к нам издалека свежим ветром, и впервые за долгое время у Ростроповича заблестели глаза…

…Через несколько дней истекло две недели с подачи нашего заявления, и нас вызвала Фурцева.

— Ну что ж, могу вам сообщить, что вам дано разрешение выехать за границу на два года, вместе с детьми… Кланяйтесь в ножки Леониду Ильичу, ведь он лично принял это решение».

Нынче Галина Павловна воспитывает, Майя Михайловна посвящена себе

— Вы говорите, Нами, что Фурцева помогала Ростроповичу и Вишневской и даже дружила с ними. А в своей книге «Галина» Вишневская бросает камешки в огород своей «благодетельницы». Хотя, быть может, переиздавая книгу в Москве по приезде в Россию, автор убрала эти пассажи, я не проверял.

— Я читала эту книжку, видела последнее издание. Нет, она не убрала ничего. Так же как Плисецкая в своей книге отпускает некоторые пакости в адрес уважаемых деятелей культуры.

— Ну и злющие же «девушки»… Тем не менее, ваше мнение.

— Мне бы не хотелось осуждать имена великих деятелей нашей культуры. Скажу только, что Екатерина Алексеевна, став министром, очень хотела сблизиться с актерами, музыкантами, писателями. Как женщину любознательную, по-своему талантливую, культура ее захватила. Перед творческими людьми она благоговела.

Я, например, знаю, что на деловые разговоры к некоторым нашим уважаемым знаменитостям она сама приезжала, а не вызывала их официально в свой кабинет. К примеру, Василий Феодосьевич боготворил Георгия Свиридова. Его отношение, думаю, передалось и Екатерине Алексеевне. Орден она поехала вручать к нему домой, не стала вызывать гениального композитора в официальный кабинет.

Дмитрий Дмитриевич Шостакович был одним из тех деятелей культуры, с кем Фурцева общалась не только в рабочей обстановке, но и в домашней, на квартире композитора. Интуиция подсказывала ей, что именно Шостаковича в министерство «вызывать» не следует, и она, договорившись с ним по телефону, обычно навещала его дома даже по деловым вопросам. Екатерина Алексеевна вела себя очень тактично, общаясь с теми, кто был всенародно любим, кого уважала вся страна…

Что касается Галины Вишневской, то я не была с ней так близка, как со Славой Ростроповичем, но знала, что с Екатериной Алексеевной она пребывала в добрых отношениях. Так же, как, впрочем, Вишневская старалась дружить и со Щелоковыми. Я часто видела ее на спектаклях и концертах в ложе рядом с этой высокопоставленной четой.

Ростроповича Фурцева боготворила. Когда в 64-м году после серьезной ссоры с женой Слава пытался покончить с собой и

оказался в больнице, Фурцева примчалась к нему, помогала с лекарствами, всячески его поддерживала. А потом, насколько я знаю, помирила с Вишневской. Кстати, об этом эпизоде Галина Павловна вскользь тоже пишет в своей книге.

— Книга, о которой мы говорим, была написана за рубежом, после выдворения знаменитой пары из России, поэтому резкие пассажи Галины Павловны в адрес тех или иных партийных и культурных деятелей вполне объяснимы.

— Наверное, это так. Но сейчас Галина Павловна совсем другая. И изменилась она, я бы сказала, — в добрую, лучшую сторону. Когда по телевизору показывают Вишневскую вместе с учениками ее центра оперного пения, я вижу и чувствую результаты деятельности яркого педагога и музыканта. Ее работа с молодыми талантами, организация фестивалей — это выдающаяся деятельность. Она вкладывает в нее всю себя. Галина Павловна очень сильный человек, просто раньше тратила себя на другое — на конфликты с чиновниками, на страстное желание выделиться, быть первой. Жизнь, повороты судьбы, да и судьбы страны сделали ее мудрым, добрым человеком, отдающим себя людям. Майя Плисецкая же больше посвящена себе.

— В некоторых воспоминаниях, в том числе и в упомянутой выше книге, говорится, что Фурцева регулярно употребляла спиртное. Вы можете прокомментировать суждения на эту тему?

— Скажу так, лично я ни разу не видела ее нетрезвой. А ведь в 50-м году летом мы целый месяц провели вместе. Я уже рассказывала: она ходила на рыбалку, занималась спортом, при мне не выпила ни рюмочки. Позже мы не раз встречались, общались. Два года подряд, когда муж работал уже в министерстве, отдыхали в Пицунде. Я не замечала какой-то ее слабости к спиртному. Да и муж ни разу не говорил со мной на эту скользкую тему. Обобщая слухи и сплетни, могу сделать вывод: страсти к алкоголю у нее не было. Наверняка выпивала бокал-другой хорошего вина в дни рождений, на приемах… Но когда у нее начались неприятности и испортились отношения с мужем, Екатерина Алексеевна, полагаю, могла снимать стресс алкоголем.

— Мне бы не хотелось, Нами, чтобы по страницам нашей книги гуляли сплетни. Мы живем в эпоху развенчивания авторитетов, распахнутых настежь кухонь, в которых готовится варево для бульварной прессы. Но, с другой стороны, не удивителен интерес публики к знаменитостям, к талантливым людям, оставившим след в российской культуре, политике. Хочу вновь вернуться к книге «Галина», в которой автор утверждает, что самолично вручила министру за какую-то услугу 400

долларов. И та якобы эти деньги спокойно взяла. Не верить Галине Павловне, серьезному человеку? Один мой знакомый, культуролог, которому я рассказал о работе над книгой о Фурцевой, ернически спросил меня: «А знаете ли вы, Феликс, что Екатерина Алексеевна регулярно получала от своих подчиненных — актеров, режиссеров, тех, кто выезжал в заграничные командировки, по сто долларов, как говорится, «за услугу». И что якобы и для одной, и для другой стороны это было привычным делом.

— В эти сплетни категорически не верю. И не потому, что обеляю Фурцеву, хочу ее защитить, я рассуждаю здесь от противного. От какого противного? Если бы Фурцева брала мелкими борзыми щенками, то мой муж, Кухарский, ее первый заместитель, приносил бы если не по сто, то по пятьдесят долларов… Скажу жестче, конкретнее: оглянитесь вокруг — видите ли вы дорогую люстру на потолке, шикарные вазы, дорогие картины или хотя бы золотые часы на моем запястье? У меня этого ничего нет и не было. А ведь если логично рассуждать, то, что называется, каков начальник, таков и подчиненный.

Я вчера специально позвонила Алле Михайловой (она при Фурцевой работала в отделе культуры ЦК) и сказала ей, что в интервью журналисту, с которым мы делаем книгу о Екатерине Алексеевне, уверенно опровергаю слухи о том, что Екатерина Алексеевна брала взятки. «Как ты считаешь — могла или не могла? Ведь ты ее знала прекрасно…» Михайлова ответила: «Я уверена, не могла».

На эту тему расскажу одну историю. Однажды у нас дома, это было много лет назад, раздался телефонный звонок. Сообщают, что в Большом театре проводится опись имущества и что нашу квартиру в связи с этим должен посетить следователь. В ужасе звоню директору Большого театра Славе Лушину. Он спокойно отвечает: «Да, действительно, такая-то дама у нас проводит следствие». Что делать? Какие чужие вещи можно найти в нашей квартире? В смятении готовлюсь к встрече. Приходит дама с огромным тортом. Я в недоумении — при чем здесь дефицитнейший в те времена торт? «Гостья» извещает, что в театре пропали какие-то люстры и цель ее визита — посмотреть, не висит ли исчезнувшая люстра в квартире заместителя министра культуры, курирующего Большой театр. Какая-то гоголевская сцена: к нам нагрянул ревизор! Естественно, ничего не обнаружив в нашем доме из реквизита и имущества Большого, следователь покинула квартиру. Как я ни отказывалась, торт остался у нас. Но своих домашних я на всякий случай предупредила: «К этому «дару данайки» не прикасаться» и

выбросила торт на помойку. Вы, Феликс, улыбаетесь, а нам тогда было не до смеха, я испугалась: вдруг нас хотят отравить…

И в квартире Фурцевой я не видела особо дорогих вещей, бросавшихся в глаза, какой-то роскоши. В ее доме меня ничего не поразило. Наоборот, для советского министра жилье выглядело бедновато. Да, одевалась красиво, элегантно, это я подтверждаю, но дорогих украшений Фурцева никогда не носила.

В те времена преподнести подарок чиновнику, начальнику было не просто. А принять — считалось почти позором. Подарков, которых можно было бы назвать взяткой, все очень боялись. Я знаю очень хорошо, что Василий Феодосьевич никогда не принимал подарков от людей, которые от него могли зависеть…

— Разговор на эту тему очень актуален сегодня, в эпоху сплошной коррупции, которую ни Медведев, ни Путин не могут победить.

— Я уже рассказывала про нашу семью, про дядю, про отца, руководителей республик, первых лиц. Не помню никаких роскошных вещей в квартире. А семья Микояна, в которой я жила? Вы не поверите, у них в доме тоже ничего особенного не было. Мебель, вещи, кровати, посуда — все казенное. Сегодня и про эту семью гуляют легенды. Например, получают ли наследники главного советского комиссара по продовольствию отчисления за «микояновскую» колбасу? Точнее, за бренд, как теперь говорят. Насколько мне известно, во всяком случае, до 90-х годов, никто не мог и подумать, чтобы получать какие-нибудь дивиденды от использования имени, чего там говорить, выдающегося хозяйственника страны. Буквально недавно одна армянская русскоязычная газета сообщила, что корреспондент, побывавший в квартире невестки Анастаса Ивановича Микояна (к тому же еще и мамы знаменитого музыканта Стаса Намина), был удивлен, что она живет в небольшой квартирке. А в советские времена у абсолютного большинства людей, занимавших государственные посты, внутри сидело чувство страха: ни в коем случае не взять казенное, не воспользоваться государственным, не переступить дозволенное…

— Вроде бы убедительно, Нами. Но вы же знаете, как трудно избавиться от прилипшего ярлыка, от замшелой сплетни, навета.

— Любая биография выдающегося человека и при жизни, и тем более после смерти обрастает всякого рода небылицами. О пустом же, ничтожном человеке ничего не скажешь…

Екатерина Алексеевна была весьма щепетильна. Я уверена, если бы ей понадобилась какая-то сумма, она могла бы обратиться к кому угодно из тех людей, с кем дружила. К Наде Леже, например. Знаю, что она одалживала у Людмилы Зыкиной,

когда нужны были деньги на строительство дачи, но позже долг вернула…

Да, подарки Фурцевой преподносили, но только в качестве знака расположения к ней. Например, Родион Щедрин подарил какую-то брошь, оговорившись, что этот подарок не ей, а дочери Светлане. Но это не те подарки, которые можно назвать взятками.

«Прямо из аэропорта Слава поехал на могилу Шостаковича»

— Я уже говорила, что Фурцева старалась общаться с выдающимися музыкантами в неформальной обстановке. Я помню ее вдохновенное выступление на юбилейном банкете Арама Хачатуряна в 1973 году. Запомнилось его семидесятилетие, которое отмечалось в зале гостиницы «Советская». Столики были накрыты на четверых, так получилось, что рядом со мной оказались не очень знакомые люди. Заметив мой грустный взгляд, подошел Ростропович. Разговорились. Почему-то речь зашла о смерти: «Ты боишься смерти? Что ты, там столько своих, это совсем не страшно!» До сих пор помню его интонацию.

Так получилось, что я встречалась с ним в разных жизненных ситуациях. У нас были общие друзья. Слава в детстве учился с моим первым мужем Алешей, позднее имел деловые контакты со вторым мужем, мы регулярно встречались на концертах. Он заходил к нам домой, рассказывал о гениальном хирурге из Кургана Гаврииле Илизарове, которого тогда затирали московские коллеги, не давая ходу его методам лечения. Слава уговорил поехать лечиться в Курган Шостаковича, у которого тогда болели ноги. Дмитрия Дмитриевича смотрели врачи из разных стран, но помочь великому музыканту так и не смогли. В Кургане он поправился и уже без посторонней помощи поднимался по лестницам. По просьбе Ростроповича Илизаров разрешил поставить в палату знатного пациента пианино.

Когда Ростропович уехал за границу, я не верила, что мы еще когда-нибудь встретимся. Первый его приезд на родину после долгих лет эмиграции был огромной радостью. В Шереметьево Славу встречал на машине мой сын Стас. Они позвонили мне и сказали, что Слава едет сразу на Новодевичье кладбище, чтобы посетить могилу Шостаковича. Это недалеко от нашего дома, так что со Славой после долгих лет разлуки мы встретились у входа на кладбище…

…Хотя серьезную трещину во взаимоотношениях властей с Ростроповичем и Вишневской вызвало проживание у них на даче Солженицына, насколько я знаю, Екатерина Алексеевна по-прежнему продолжала относиться к ним по-дружески.

В начале 1974 года создалась пренеприятная ситуация с записью «Тоски» на студии грамзаписи «Мелодия». Вишневская и Ростропович попросили Екатерину Алексеевну дать им

возможность записать оперу наравне с другой группой солистов Большего театра, уже начавших запись. Фурцева, посчитав это целесообразным и заручившись согласием Демичева, дала указание фирме «Мелодия». Вдруг звонит Вишневская: запись велено прекратить. Кем? Когда? Тут же истеричный звонок Демичева: у него находятся Ростропович и Вишневская, он при них просит Фурцеву уладить конфликт. Уладила. Прошло три дня, раздался новый звонок цековского куратора — с металлом в голосе он требовал запись «Тоски» прекратить — в этот раз у него находилась группа других исполнителей. Екатерина Алексеевна гневно возражала, но собеседник был непреклонен. Так невнятный, бесхарактерный человек переполнил «чашу терпения» четы Ростроповичей. С этой проблемой они пришли к Кухарскому. Разговор был нелегким, Вишневская заявила, что, если в Советском Союзе даже секретарь ЦК партии не верен своему слову, им, всемирно известным музыкантам, в этой стране делать нечего.

Насколько я помню, именно от Кухарского они узнали о согласии соответствующих инстанций на их длительные гастроли за границей.

«Прикройте, Майя, голые ляжки…»

— Нами, вы упомянули имя великой балерины Майи Плисецкой. И она в своей книге довольно резко отзывается о Фурцевой, хотя признает, что Екатерину Алексеевну нельзя писать только одной краской, потому что она сама была жертвой системы, сначала вознесшей ее на Олимп, а потом сбросившей с него. Известны слова Майи Михайловны на панихиде в октябре 1974 года: «У нас будут другие министры, но такого — никогда!..»

— Родион Щедрин и Майя Плисецкая были теми артистами, с которыми Фурцева не только дружила, пожалуй, они единственные, кто бывал у нее дома… Светлана помнит, что мама называла Плисецкую «Майечкой». Она же мне говорила, что когда Майя была еще молода и только что вышла замуж за Щедрина, будто бы она пришла к Екатерине Алексеевне за советом: рожать ей или нет.

Родиона Щедрина я знаю с 1957 года, когда мы с первым мужем Алешей поехали в туристическое путешествие по Египту. Мы находились в одной туристической группе. Как-то в холле гостиницы, в Асуане, я села к роялю и заиграла Рахманинова. Потом Щедрин исполнил что-то из своих ранних пьес. К нам подбежал немец-бармен. Взволнованный, он начал говорить, что «мадам» прекрасно играла, ее очень хорошо учили, но то, что исполнил «господин», — это проявление удивительной души, и если бы он знал русскую душу такой, то никогда бы не бежал из своего дома в Восточной Германии.

Поскольку моя работа была связана с музыкой, Щедрина я встречала и позже, когда беззаботность юношеской дружбы отошла. Помню премьеру его оперы «Мертвые души» в Большом театре — это была неожиданная музыка, очень глубокая, саркастичная. У меня сохранилась программка с теплой надписью и ответы на вопросы по опере, написанные Робиком, Родионом Константиновичем.

Запомнились самые разные эпизоды — встречи на маленькой даче Плисецкой и Щедрина под Москвой в Снегирях, в деревянном домике с погребом под лестницей, полным вкусных напитков. Готовила еду бывшая няня Робика, перешедшая от матери вслед за ним в новую семью. Робика я считала своим другом, знала, что он любил один уезжать из Москвы, часто ездил к храму Покрова на Нерли, где, говорил, ощущает высокий покой, отдыхает душой.

С Майей Плисецкой, уникальной балериной, мы знакомы с 1952 года.

Как жалко, что судьба Плисецкой на родине сложилась не так благополучно, как того заслуживал ее редкий талант. Мятущаяся в молодости, она такой оставалась многие годы. Помню ее восторженные рассказы о Лиле Брик, о поклонении перед любимой женщиной Маяковского. Режиссер Сергей Параджанов говорил, что дух Лили Брик продолжает жить в Майе. Помню работу над первым фильмом о Плисецкой Василия Катаняна (кинорежиссера, сына исследователя Маяковского, мужа Лили Брик). Она сама вкладывала в работу над фильмом много сил, ей хотелось, чтобы он понравился зрителям.

Актерская жизнь непроста. А к Майе легко было придраться: отец — враг народа, влюбчива (тогда это считалось негативом), с трудным характером.

Не забуду такой эпизод. Однажды Майя позвонила и сказала, что я должна срочно приехать к ней с детьми, чтобы они посмотрели на двух маленьких собачек редкой породы, которых ей прислали в подарок из Англии. Дело в том, что она не может оставить их у себя и уже договорилась с кем-то, чтобы собачек срочно забрали, пусть дети приедут посмотреть на это чудо. К чему этот штрих? Плисецкая не могла позволить себе заботиться о собачках, целью ее жизни была только работа. Она хотела признания своего таланта и за это боролась.

К сожалению, Министерство культуры и отдел ЦК не согласовывали с ней, какие балеты отправлять на зарубежные гастроли, а, наоборот, принимали решения вопреки ее просьбам, так сказать, «задвигали». Наверное, по этой причине Майя Михайловна затаила обиду на власть в целом и на ее представителей в отдельности. Я имею в виду Екатерину Алексеевну.

Но я все-таки надеюсь, что, несмотря на обиды, и Галина Павловна, и Майя Михайловна давно уже поняли, что Фурцева была уникальной личностью.

Вспоминает Майя Плисецкая:

«Из тех, кто безоговорочно принял спектакль на премьере балета «Кармен-сюита», назову великого Шостаковича, ругателя Якобсона, Лилю Брик с В.А.Катаняном, музыковеда Ирину Страженкову. И все…

Перед началом в директорской ложе мелькнуло беспечное, веселое лицо Фурцевой… На единственной репетиции из-за сумасшедшего цейтнота из чиновников почти никто не побывал…

Но когда на поклоны я вышла за занавес, то, бросив короткий взгляд в директорскую ложу, вместо министра Фурцевой узрела пустое красно-золотое кресло. Веселого, беспечного лица Екатерины Алексеевны там не было.

Второй спектакль по афише был намечен через день — 22 апреля. На 22-е мы определили банкет для участников постановки, арендовав для этой цели ресторан Дома композиторов. Был внесен аванс.

Однако завертелась история. Утром 21 апреля 1967 года в телефонной трубке забаритонил голос директора Чулаки:

— Майя Михайловна, Родион Константинович, я не должен бы вам звонить. Но завтрашний спектакль «Кармен» отменяется. Вместо тройчатки (так назывался вечер одноактных балетов, последним из которых шла «Кармен-сюита») пойдет «Щелкунчик». Распоряжение дал Вартанян. Попытайтесь поговорить с Фурцевой. Вдруг уломаете. Удачи…

Вартаняном назывался маленький сутулый армянский человек, ведавший всеми музыкальными учреждениями советской страны. Выше него в министерстве культуры были лишь замы министра да сама Фурцева.

…Стремглав бросаемся в Министерство культуры. Любовь Пантелеймоновна опрометчиво выдает государственную тайну — министр в Кремлевском дворце съездов на прогоне «ленинского концерта»…

Ослепшие с яркого дневного света, ощупью входим в притемненный зрительный зал. Министр со свитой заняты важным государственным делом — добрый час рассуждают, куда выгоднее определить хор старых большевиков с революционной песней: в начало или конец концерта. Мы тихо присаживаемся за склоненными к мудрому министру спинами. Диспут закончен. Петь старым большевикам в конце, перед ликующим апофеозом. Улучив момент, вступаем с Фурцевой в разговор. Все доводы идут в ход. Но министр непреклонен:

— Это большая неудача, товарищи. Спектакль сырой. Сплошная эротика. Музыка оперы изуродована. Надо пересмотреть концепцию. У меня большие сомнения, можно ли балет доработать. Это чуждый нам путь…

Оставляю в стороне тягостный диалог. Мы говорили на разных языках.

Фурцева заторопилась к выходу. Клевреты в ожидании. Уже на ходу Щедрин обреченно приводит последние доводы:

— У нас, Екатерина Алексеевна, завтра банкет в Доме композиторов оплачен. Все участники приглашены, целиком оркестр. Наверняка теперь «Голос Америки» на весь мир советскую власть оконфузит…

— Я сокращу любовное адажио. Все шокировавшие вас поддержки мы опустим. Вырубку света дадим. Музыка адажио доиграет, — молю я министра подле самой двери.

— А банкет отменить нельзя? — застопоривает шаг Фурцева.

— Все оповещены, Екатерина Алексеевна. Будет спектакль, не будет — соберется народ. Пойдет молва. Этого вы хотите?

Никогда не знаешь, что может поколебать мнение высоких чинов. Поди предположи…

— Банкет — это правда нехорошо. Но поддержки уберете? Обещаете мне? Вартанян придет к вам утром на репетицию. Потом мне доложит. Костюм поменяйте. Юбку наденьте. Прикройте, Майя, голые ляжки. Это сцена Большого театра, товарищи…

… «Щелкунчика» отменили, вернули «Кармен». Второй спектакль так-таки состоялся!

…А любовное адажио и впрямь пришлось сократить. Куда деваться? На взлете струнных, на самой высокой поддержке, когда я замираю в позе алясекон, умыкая от зрителя эротический арабеск, обвивание моей ногой бедер Хосе, шпагат, поцелуй, — язык занавеса с головой грозного мессереровского быка внезапно прерывал сценическое действие, падая перед Кармен и Хосе. Нечего вам глазеть дальше!.. Только музыка доводила наше адажио до конца: Вартанян, который до начала своей политической карьеры играл в духовом оркестре на третьем кларнете и посему слыл великим знатоком музыкального театра, старательно выполнил приказ своего министра. Секс на советской сцене не пройдет…

И… счастливый эпилог.

На один из спектаклей 1968 года пришел Косыгин. После конца он вежливо похлопал из правительственной ложи и… удалился. Как он принял «Кармен» — неведомо.

Через день Родион волею судеб сталкивается на приеме с Фурцевой.

— Я слышала, что «Кармен» посетил Алексей Николаевич Косыгин. Верно? Как он отреагировал?.. — не без боязни любопытствует Фурцева.

Щедрин спонтанно блефует:

— Замечательно реагировал. Алексей Николаевич позвонил нам после балета домой и очень похвалил всех. Ему понравилось…

Лицо Фурцевой озаряет блаженная улыбка.

— Вот видите, вот видите. Не зря мы настаивали на доработке. Мне докладывали — многое поменялось к лучшему. Надо трудиться дальше.

…Хочу защитить Фурцеву. Не дивитесь. Она говорила то, что обязан был говорить каждый советский босс в стенах кабинета министра культуры СССР. Скажи он, она другое — вылетят пулей.

Идеология! Система взаимозависимости!»

Майя в пачке — мишень для убийцы?

— Как вы думаете, Фурцева верила в Бога?

— Думаю, что нет… Иначе кто-нибудь из ее подруг рассказал бы об этом. Людмила Зыкина не верила, коммунистка Надя Леже тоже.

Хотя, конечно, Екатерина Алексеевна была крещеная, но верила она, наверное, только в мудрость партии. Была искренне предана коммунистической идеологии. Известны и очень неприглядные страницы в ее партийной биографии. Будучи секретарем Фрунзенского райкома, она руководила борьбой с космополитизмом, когда каждого ученого призывали каяться в «низкопоклонстве» перед западной наукой. В одном из выступлений на пленуме Екатерина Алексеевна привела такой «факт»: в работе какого-то советского ученого, оказывается, 175 раз упоминаются фамилии иностранных авторов и только два раза — наших! А в диссертации-то шла речь о борьбе с малярией в Южной Америке! Смешно? Думаю, что автору диссертации было совсем не смешно.

Участвовала она и в «облысении», как шутили противники Лысенко, биологической науки. Разоблачения доходили до абсурда. Про одного преподавателя, над головой которого сгустились тучи, Фурцева говорила: «Он не может работать в школе. Он, наверное, вейсманист, так как не посещает ни одного политического кружка».

Работая в идеологической комиссии ЦК, Фурцева и Суслов явились главными исполнителями в кампании против присуждения Борису Пастернаку Нобелевской премии. Я читала документы этой комиссии, выступления на ее заседаниях хулителей писателя. Сегодня они кажутся непристойными, но — документы упрямая вещь.

— Кстати история вмешательства секретаря МГК партии Фурцевой в дело Пастернака одна из самых конфузных в ее партийно-вельможной биографии. Специалисты-литературоведы считают, что драма с изданием «Доктора Живаго» — последняя литературная тайна XX века, вокруг которой существует заговор молчания. Книгу запретили на родине, и главные идеологические силы ЦК партии, Комитета государственной безопасности, Союза писателей СССР были брошены на предотвращение выпуска романа на русском языке. Именно русский текст вызывал ярость чиновников типа и ранга Екатерины Алексеевны, ибо он являл дух XX съезда партии, то есть оттепели в идеологии. Но кремлевский (читай, и Фурцевой) запрет на выход книги «у

врагов» сводил на нет советскую пропаганду нового курса КПСС.

Так вот, поскольку Пастернак стал лауреатом Нобелевской премии, его звезда на литературном небосклоне так ярко засияла, что любое противоборство с Пастернаком и его книгой воспринималось в мире позорным явлением. Тут, конечно, «железная дама» проиграла безусловно. Единственным «оправданием» в этой коллизии служит до сих пор нераскрытая тайна, получила ли Е.А.Ф. письмо Пастернака с просьбой разобраться в его деле.

По рассказу сына писателя, Евгения Борисовича, Федин пригрозил Пастернаку серьезными последствиями, на что тот ответил, что ничто не заставит его отказаться от оказанной ему чести в глазах Нобелевского фонда…

Тогда Пастернак об угрозах Федина рассказал Корнею Ивановичу Чуковскому, который посоветовал ему тотчас же поехать к Фурцевой с объяснениями. Пастернак отказался поехать, но тут же написал ей письмо: «Я думал, что радость моя по поводу присуждения мне Нобелевской премии не останется одинокой, что она коснется общества, часть которого я составляю. Мне кажется, что честь оказана не только мне, а литературе, которой я принадлежу… Кое-что для нее, положа руку на сердце, я сделал. Как ни велики мои размолвки с временем, я не предполагал, что в такую минуту их будут решать топором. Что же, если вам кажется это справедливым, я готов все перенести и принять… Но мне не хотелось, чтобы эту готовность представляли себе вызовом и дерзостью. Наоборот, это долг смирения. Я верю в присутствие высших сил на земле и в жизни, и быть заносчивым и самонадеянным запрещает мне небо».

Но Чуковский решил, что такое письмо только ухудшит положение Пастернака. Отправил ли его Борис Леонидович Фурцевой, точно не известно…

Можно вспомнить и историю с Александром Твардовским. В свое время в ходе обмена партийных билетов он попросил изменить в учетной карточке запись о социальном происхождении. Там значилось: сын кулака. Во-первых, в то время это была черная метка, а во-вторых, это якобы не соответствовало действительности. Фурцева вроде бы обещала посодействовать, однако слово не сдержала и, не вдаваясь в объяснения, отрезала: «Московский городской комитет партии считает, что вопрос решен правильно». И все. Твардовский будто бы в знак протеста отказался получать партбилет, и Фурцева этого ему не простила. Гонения, устроенные затем на главного редактора журнала «Новый мир», разворачивались при ее непосредственном участии.

— Да, были в ее биографии и неприглядные страницы…

Но все-таки хочется отметить ее искренность, ее желание познавать непривычное, что называется, набираться уму-разуму. И еще: она оставалась очень непосредственной, даже наивной. Например, вскоре после убийства Кеннеди в Америку на гастроли собиралась ехать Майя Плисецкая, и Екатерина Алексеевна на одном из совещаний ляпнула: «Вы понимаете, какая на нас лежит ответственность, ведь Майя на сцене в белой пачке — это же прекрасная цель для выстрела».

Безумно смешно, правда? Кто собирался Майю в пачке убивать? Но Екатерина Алексеевна так искренне волновалась за жизнь любимой балерины!

Зураб Соткилава рассказывал, как Фурцева отправляла их с Еленой Образцовой в 1970 году на конкурс вокалистов в Барселону. В то время в Испании у власти был генерал Франко, и Екатерина Алексеевна очень переживала, что они едут в страну, где правит фашистский режим. «Там не будет советских членов жюри, даже не будет членов жюри из социалистических стран», — беспокоилась она. Елена Образцова будто бы на это ответила: «Ну и хорошо, что не будет!» Фурцева была недовольна ее ответом. Но все закончилось хорошо. В Испании их ждал радушный прием и большой успех. Они получили Гран-при.

Рассуждая о Фурцевой, можно и возмущаться, и смеяться…

Она шагнула в бездну

Из дневника Татьяны Дорониной

23. 03.85

По «ящику» говорили опять гнусности о Фурцевой. Валят свою несостоятельность на мертвых. Мерзко!

«Катя! Красавица! Вот кто действительно… красавица! И женственна! Ах, как подлинно женственна!» — сказал наш руководитель курса, подлинный красавец и мужчина — Павел Владимирович Массальский…

Так я первый раз услышала мнение мужчин-актеров о Фурцевой Екатерине Алексеевне…

Увидела я первый раз «самую женственную из красавиц» через несколько лет.

Успешные гастроли товстоноговского БДТ завершались приемом у министра культуры Екатерины Алексеевны Фурцевой, данным ею в нашу честь в большом зале гостиницы «Москва». Она сумела создать на этом официальном приеме атмосферу совсем не «по протоколу», а теплую, доверительную и свободную. И вот с этой доверительностью и открытостью, которая так пленила меня и так «обманула», Екатерина Алексеевна взяла меня под руку и сказала: «Значит, со следующего сезона ты во МХАТе?!» То ли вопрос, то ли указ, в очень «женственной» форме поданный. Да, я получила зимой приглашение из МХАТа, подписанное Марком Прудкиным и завтруппой Михаилом Зиминым. Приглашали играть Анну Каренину. Но я ответила отказом на это приглашение и никому об этом приглашении не говорила. Значит, послано это заманчивое приглашение с ведома Фурцевой, а об отказе ей не сообщили? Или сообщили, только делает вид, что не знает об отказе? Она не приняла этот отказ и решила вот так «женственно» и мягко задать мне этот вопрос-приказ при Георгии Александровиче, предполагая его реакцию?

Я сказала: «Я отказалась от приглашения!» — «Не знала, не знала!» — сказала Екатерина Алексеевна и заговорила совсем о другом, сменила тему, словно не заметила моего смятения и моего красного лица.

Через несколько лет, когда я уже работала во МХАТе и ступала по предсказанным Товстоноговым «гвоздям», я пришла к Фурцевой. Мне было неуютно, тяжело и неинтересно работать. Я шла к ней на прием, чтобы сказать об этом.

…В кабинет Екатерины Алексеевны я вошла совсем не «с тем», «не так», «совсем другая». Кабинет министра-женщины — цветы, много света, красивые шторы. Фурцева позвонила, вошла

секретарша. «Чаю нам, пожалуйста». На министре хорошо сшитый, хорошо сидящий и идущий темно-синий костюм, очень изящные туфли на красивых ножках, маникюр, лак не яркий, руки маленькие, но «рабочие». Не ленивицы руки. Хорошие. Настоящие.

«Что ты хочешь?» — спросила она. Взгляд теплый. Не делает вид, что по-доброму смотрит, а действительно по-доброму относится… Я сказала, как тоскую о Ленинграде, как жалею, что оказалась во МХАТе, как «не радуюсь» на сцене, когда играю. «У меня пропала радость», — сказала я и удивилась, что она это поняла верно.

«Не плачь! Никогда не плачь! Я вот… не плачу». А мне, глядя на ее красивое, измученное лицо, хотелось плакать из-за нее, а не из-за себя. Она была действительно красавицей и самой женственной красавицей, но она была несчастна. И фраза ее: «Я вот… не плачу» — открывала ее боль и одиночество. Но, будучи несчастной, одинокой и открытой, она еще была стоящим министром… культуры!

Художественный совет «не принимал» спектакль «О женщине» шесть раз! Автор переписывал текст, заменили финал, он стал нейтрален и не столь драматичен. Силы, потраченные на уничтожение спектакля, можно было потратить на что-то более разумное, чем издевательство над его создателями. Но победила Катя! Екатерина Алексеевна Фурцева. Она не хотела приказывать, хотя и могла поступить так. Она часами убеждала этот странный художественный совет.

У нее кроме МХАТа была огромная страна, которую она любила и культуру коей почитала. И не хотела, чтобы то, что называлось великой культурой великой страны, исчезало, терялось. Она множила библиотеки, картинные галереи, оркестры, хоры и… театры. Она понимала значимость, необходимость этого духовного богатства. Она понимала, что запрещенный талантливый спектакль — это преступление.

Шесть раз смотреть один спектакль и шесть раз его отстаивать, и отстоять! Это… поступок!

Финал пьесы «О женщине», который отменили, — самоубийство героини. Катя согласилась с художественным советом, что самоубийство надо «отменить». В спектакле, на сцене — отменить.

В жизни не «отменила». Она шагнула в эту бездну, свершила то, что отозвалось болью и вечной памятью, светлой памятью о ней — в сердцах людей порядочных и чистых. Что стало для нелюдей непорядочных и нечистых — вечным проклятием. Грех самоубийства — на них, вечно проклятых».

«Давайте помиримся, всякое бывает…»

Много добрых слов говорил мне о Фурцевой Арам Хачатурян. Он был одним из тех ярчайших творческих личностей, с кем пришлось работать и близко общаться министру культуры.

Сын Хачатуряна Карен подчеркивал, что его родители всегда тепло и сердечно относились к Фурцевой. Екатерина Алексеевна приходила к ним домой. Однажды пришла вместе с мужем Николаем Фирюбиным. Когда Арам Ильич болел, навещала его в больнице.

Хачатурян, как многие талантливые люди, был легко ранимым и обидчивым человеком. Как-то на конкурсе балета в 1969 году, где он состоял членом жюри, произошел такой случай: третий тур длился до ночи, после голосования, не дождавшись подсчета голосов, Арам Ильич решил уйти. У выхода встретил Фурцеву, которая очень резко бросила: «Останьтесь, еще не все завершилось». Хачатурян объяснил, что плохо себя чувствует, и все-таки ушел. Потом он очень переживал, что покинул конкурс, ведь они с министром культуры почти поссорились. Но на приеме в Кремле в честь окончания конкурса Фурцева сама разрешила конфликт: подошла с рюмкой к Хачатуряну и, ласково его приобняв, сказала: «Давайте помиримся, всякое бывает…»

— Совсем юным газетчиком мне удалось взять интервью у выдающейся русской женщины — министра здравоохранения СССР Марии Ковригиной. Окунувшись сейчас в судьбу Фурцевой, я вижу схожесть человеческих и, я бы сказал, чиновничьих судеб этих двух ярких женщин. Мне трудно сказать, кому из них было тяжелее там, «наверху»… Ковригина чуть ли не поперек воли Сталина дала возможность женщинам самим решать свою судьбу (разрешила аборты). Фурцева своим чутьем, волей и полномочиями всячески поддерживала всплески художественных и идеологических «ноу-хау», например театр «Современник». И первая, сталинский министр, и вторая, министр хрущевско-брежневский, рисковали своими карьерами.

— Конечно, Фурцева жила, работала, командовала культурой и искусством в сложное время. Народный художник России Михаил Курилко как-то заметил, что красивая, обаятельная женщина среди мощного коллектива вождей — само по себе достаточно необычно. «Мы все помним торжественную галерею руководителей страны, портреты которых строем стояли вдоль Гостиного Двора на Невском проспекте перед очередным революционным праздником, — размышлял он. — Гигантские портреты вождей в черном одеянии с плечами таких же

гигантских размеров. Среди них — одинокая женщина с такими же плечами». Ему, как художнику, вся эта очень разная по характеру и человеческой ценности компания уже тогда внушала тревожные чувства. Он говорил, что объединенные ремесленным неумением портретиста, мужские фигуры словно давили единственную среди них женщину, защищенную только нарисованными мощными плечами.

И вправду, драматические события в жизни Екатерины Алексеевны, жестокая несправедливость по отношению к ней коллег ощущались многими во всей своей неприглядности.

Особенно эту диспропорцию ощущали деятели культуры, понимая всю сложность положения Фурцевой в кремлевском окружении. Ведь мало кто из этого окружения посещал театры, а по уровню культуры в стране судили только по гала-концертам в Большом театре и Кремлевском дворце, куда были вынуждены ходить по праздничным и юбилейным датам. Тот, кто с пониманием относился к ее функциям и разбирался в хитросплетениях лабиринтов власти, сочувствовал и с уважением относился к деятельности Екатерины Алексеевны.

«Я хоть и Екатерина, но не Великая»

Из воспоминаний художника-реставратора Саввы Ямщикова:

— Первая встреча с Екатериной Алексеевной была случайной, но запомнившейся. Я учился на первом курсе исторического факультета МГУ, тогда он был на Моховой. Как-то выходил из метро у Театральной площади, шел к университету мимо здания Совета министров, напротив гостиницы «Москва». Вижу, у входа в Совмин стоят черные правительственные машины, кажется ЗИСы, тогда не было такой охраны, как сейчас. На тротуаре группа мужчин, присмотрелся — Косыгин, Громыко и другие, рядом с ними стояла женщина, я сразу обратил на нее внимание — редкой красоты ноги, элегантное пальто, красивая прическа, не мог понять, кто это, решил — иностранка. Потом рассказал своим друзьям и был удивлен, когда от них узнал, что это была Фурцева.

Следующий эпизод тоже запомнился. Мы с другом были в консерватории, сидели в первом ряду, с приветственным словом выступала Фурцева. Опять обратил внимание на ноги, настолько они были изящны, что это осталось в памяти, так же как ее облик и манера говорить.

Уже позже мне довелось иметь с Екатериной Алексеевной разговор по работе, когда я понял, что она может решать дела без проволочек.

Хрущев собирался ехать на пароходе по трем скандинавским странам. К этому событию приурочили выставки в Стокгольмском Национальном музее. Привезли экспонаты — подарки шведских королей царской династии Романовых — седьмой век, серебро. В постоянной же экспозиции музея красовалось серебро шведское. Оно блестело, сверкало, и рядом с ним привезенные из СССР раритеты казались тусклыми, неухоженными. Местный реставратор, российский эмигрант первой волны Борис Титов, увидев наше серебро, предложил мне почистить его специальной пастой. Я растерялся, не зная, как быть: ведь в Москве меня могли обвинить в самовольном снятии патины. Посоветовался с советским послом Гусевым, он предложил позвонить Фурцевой и все ей объяснить. Набрал номер московского телефона и дал мне трубку. Я, конечно, волновался, но, взяв себя в руки, объяснил министру суть проблемы. Екатерина Алексеевна дала команду: «Чистите, мойте, если это надо». И вдогонку послала в посольство телеграмму с разрешением «обновить» серебро. Я как в воду глядел — потом в Москве мне влетело, но я показал телеграмму Фурцевой, и все обошлось.

С ее решимостью я сталкивался не раз. Мои друзья Василий Ливанов и Сергей Алимов нашли чердак за зданием Большого театра, со стороны служебного входа. Нам нужно было помещение для художественных мастерских. Решить на уровне райкома мы ничего не могли — место считалось «запретным». Вася Ливанов попросил о помощи заместителя министра культуры Попова. Вопрос мурыжили несколько месяцев. Тогда Ливанов и Алимов пошли на смелый ход. Дверь в министерство была открыта, с внутренней стороны сидел пожилой швейцар, широкая лестница вела на второй этаж к кабинету Фурцевой. Ребята разбежались через улицу Куйбышева и чуть ли не взлетели на второй этаж, где увидели Фурцеву. Застыли перед «светлыми очами». Она будто не удивилась нашему появлению: «А что у вас?» Мы обо всем рассказали. Екатерина Алексеевна внимательно выслушала, дала свое согласие и поставила подпись на нашем заявлении, разрешив постройку мастерских…

Банкет у Зураба Церетели. Как всегда повсюду нужные люди… Здесь же Фурцева. Играет оркестр. Многие танцуют. Екатерина Алексеевна шепчет мне: «Хорошо бы сыграли «Черемшину». Эти слова услышал Церетели. Принесли ноты, и минут через двадцать зазвучала мелодия «Черемшины». Я посмотрел на Екатерину Алексеевну — в ее глазах блестели слезы.

В те годы Союз художников проводил выставки икон. Официально это было как бы запрещено, но Фурцева не протестовала. А с ней была солидарна ее подруга, скульптор Екатерина Белашова…

Когда снимали «Войну и мир», Бондарчук очень хотел, чтоб Волконского сыграл Олег Стриженов. Тот не соглашался. Фурцева собрала всех причастных к созданию фильма и, еще раз спросив Стриженова о его решении, поставила точку: «Я хоть и Екатерина, но не Великая и не могу приказать актеру сниматься в роли, в которой он сниматься не хочет». И добавила: «Хотя мне жаль, я Стриженова очень люблю».

Сервиз для Малого театра

Во время работы над книгой о Екатерине Алексеевне я встречалась с людьми, которые близко ее знали, вместе с ней работали, решали общие проблемы. Таким человеком была Алла Александровна Михайлова, заведующая сектором театра отдела культуры ЦК КПСС.

Алла Михайлова вспоминала, что, придя на работу в ЦК, Фурцеву там уже не застала, к тому времени ее назначили на должность министра. Многие тепло вспоминали Екатерину Алексеевну. Но были в аппарате ЦК и такие, у кого она вызывала зависть — и обликом, и, главное, ярким человеческим талантом. Это редкое и уникальное качество было не свойственно большинству сотрудников аппарата.

Впервые Михайлова встретилась с Екатериной Алексеевной на сборе труппы Малого театра в начале 60-х: она присутствовала там от отдела ЦК, а Фурцева как министр культуры.

После обсуждения театральных проблем и репертуара главный режиссер Михаил Царев пригласил всю свиту в свой кабинет на чай. Когда принесли угощение, Екатерина Алексеевна обратила внимание на плохие старые чашки и оловянные ложки, которыми был сервирован чайный столик. Она возмутилась: «Как вам не стыдно?! Малый театр и такая ужасная посуда! Ведь вам дают деньги на оборудование, можно же купить приличный сервиз!» В следующий раз чай подали в стаканах с серебряными подстаканниками и приличными ложками.

О чем говорит этот эпизод? Мне кажется, о том, что министр культуры волновалась не только о том, что ставят на ведущей сцене столицы, она, как заботливая хозяйка, старалась, чтобы все, вплоть до мелочей, в ее ведомстве было на достойном уровне.

У Аллы Михайловой и Екатерины Алексеевны оказались общие интересы — обе любили рыбалку. Как-то накануне отпуска Фурцева сказала: «Хочу поехать на Ахтубу, половить рыбу, надо хорошо отдохнуть. Впереди столько интересного, такие события — юбилей Малого театра, через некоторое время юбилей Большого». Каждый новый театральный сезон она ждала с нетерпением.

Еще один эпизод из воспоминаний Аллы Михайловой. Пианист Владимир Ашкенази собирался ехать на гастроли и просил разрешения взять семью — жену и ребенка. Конечно, обещал вернуться. В то время обязательным условием выезда человека за границу была гарантия его возвращения на родину. Выездная комиссия по каким-то причинам сомневалась, не давала

ему разрешения. Тогда он попросил Фурцеву о помощи, и она дала согласие на выезд всей семьи под свою ответственность. Выезд был обеспечен.

Но Ашкенази не вернулся. Алле Михайловой как работнику ЦК пришлось по указу свыше долго копаться в секретном архиве министерства, искать все документы, связанные с выездом пианиста за границу: приглашения и прочее и прочее. В связи с этим инцидентом, не сомневаюсь, у Фурцевой были серьезные неприятности.

…«Современник» репетировал «Большевиков» Шатрова, — рассказывала Михайлова. — Против постановки был председатель Главлита Павел Романов. Фурцева прочла пьесу и разрешила ставить спектакль вопреки мнению цензуры.

На генеральной репетиции полный зал возбужденной публики. К концу все актеры на сцене и зрители в зале, взволнованные, пели «Интернационал». Успех оглушительный. Многие зрители плакали. Фурцева, бледная, берет меня за руки, спрашивает: «Что делать?» Я, не подумав, ответила: «Снимать цензора». На следующий просмотр пришел заведующий отделом ЦК Шауро. Он тоже поддержал спектакль. Фурцева умела побеждать и умела быть последовательной.

Потом устроили прием в «Пекине», все были счастливы, Фурцева говорила хорошие слова, но вскоре устала и ушла, провожала ее до дома Галина Волчек.

Когда «Современнику» дали Госпремию за спектакль «Обыкновенная история» — инсценировка Виктора Розова по Гончарову, то дали премию и Розову. Вначале я не поняла, почему Розову присудили премию не за его собственные пьесы, а за инсценировку, но потом поняла — Екатерина Алексеевна считала — главное, чтоб он ее получил. Она понимала, что премии драматург заслуживает».

Михайлова с горечью вспоминала, как за несколько дней до кончины Екатерины Алексеевны ей и Щербакову дали поручение от Николая Подгорного, в то время Председателя Президиума Верховного Совета, переделать доклад для юбилейного вечера Малого театра. Алла удивилась: ведь у Фурцевой доклад был уже готов, и поздравлять Малый театр с юбилеем должна была она, министр культуры. Но выяснилось, что выступление будет читать Подгорный, и написать его надо простым, доступным языком.

…На вечере выступал Подгорный. Для Екатерины Алексеевны это была полная неожиданность. Она поняла, что ее убирают…

Мать, дочь, внучка

— Нами, я знаю, вы встречались не только с Екатериной Алексеевной, но и близко общались с ее дочерью Светланой. Что вы можете рассказать о ней?

— Да, я знала дочь Екатерины Алексеевны достаточно близко. Мать и дочь были разными, только вот умерли в одном возрасте, в шестьдесят три года.

О своем отце Светлана вспоминала немного: родители решили расстаться фактически до ее рождения, но всю жизнь сохраняли хорошие отношения. Отец, несмотря на то, что у него к тому времени уже была другая семья, навещал Светлану, а когда у нее родилась дочь, приехал познакомиться с внучкой. Как-то признался, что любил «только Катю». Запоздалое признание, ведь Екатерины Алексеевны уже не было в живых. Пережил он ее совсем ненадолго, вскоре умер от инсульта.

Светлана утверждала, что отсутствие отца остро не ощущала: рядом две любящие женщины — мама и бабушка, а поскольку жили они вместе с семьей маминого брата, то мужчина в семье все-таки был — «папа Сережа».

Приезжала, хоть и не часто, другая бабушка — папина мама, донская казачка.

С «главной» бабушкой — Матреной Николаевной — проводила больше времени, мама «осуществляла общее руководство», но с возрастом они становились все ближе, дружней. Светлана называла себя «бабушкиной внучкой», да и сама Матрена Николаевна любила говорить, что внучку «разве что грудью не кормила».

Матрена Николаевна обладала врожденной мудростью и интуицией, понимала, что внучке нужно заниматься музыкой и языками. Распускаться не давала, за неуспехи в музыкальной и обычной школе наказывала: лишала прогулок во дворе, мороженого, пару раз получила Светлана от нее бельевой веревкой. Как-то в качестве наказания отправили в Артек: «Я была домашним ребенком, — вспоминала Светлана, — а там муштра, дисциплина, и потому отдых на море мне не понравился!»

Только когда у Светланы появилась дочка Марина, Матрена Николаевна посчитала, что Светлана, наконец, повзрослела.

Свою строгость Матрена Николаевна проявляла исключительно по отношению к Светлане, с дочерью отношения сложились совсем другие — близкие, доверительные. Много в них было общего — решительность, проницательный ум и при этом женственность.

Когда Екатерина Алексеевна стала членом Политбюро, Светлане исполнилось четырнадцать. В те времена они не имели дорогих машин, украшений, мехов… Но не это главное. Главное — появилась возможность смотреть самые недоступные прежде зарубежные фильмы, ходить в театры на самые кассовые спектакли, отдыхать летом на море и покупать в специальном магазине книги или одежду.

Впрочем, Екатерину Алексеевну эти возможности интересовали мало: она, трудоголик, быт отодвигала на второй план. Когда Фирюбина назначили послом в Югославии, он начал привозить Фурцевой красивые вещи, посещала она и специальные ателье в Москве.

С восторгом вспоминала Светлана свои первые каникулы в Чехословакии, где тогда работал отчим. Екатерина Алексеевна была уверена, что дочери-подростку нужны новые впечатления, а потому стала брать ее с собой в зарубежные поездки. К двадцати годам Светлана посмотрела многие страны Европы и Азии.

Екатерина Алексеевна, по словам Светланы, хотела, чтобы та пошла по ее стопам и поступила в тот же институт — тонкой химической технологии. Но Светлана выбрала МГИМО, поскольку с химией еще со школы не ладила. Поступить в самый элитный вуз страны было непросто, и хотя, естественно, Фурцевой достаточно было телефонного звонка, чтобы к Светлане отнеслись более снисходительно, она полностью исключила такую возможность: «Конечно, ей бы не отказали, — говорила Светлана, — но у нас даже разговора на эту тему не возникало. Я могла попросить маму что-то купить, например, но помочь в поступлении…»

В Индии Светлана познакомилась со своей будущей свекровью. Супруге члена ЦК партии Фрола Романовича Козлова она понравилась, после возвращения в Москву девушку начали приглашать в дом Козловых, но у Светланы к тому времени сложилась своя компания, заводить новых знакомых она не спешила. Тогда будущая свекровь, заядлая театралка, достала билеты в Театр Сатиры. Отказаться от подобного предложения Светлана не сумела, в результате ее спутником стал студент Института стали и сплавов Олег, высокий, зеленоглазый, с пышной шевелюрой. Он был старше Светланы на четыре года. Олег много и интересно рассказывал о Ленинграде, который очень любил. Вместо театра они пошли в ресторан «Пекин», а через месяц подали заявление в загс. Подали с трудом, потому что невесте не исполнилось восемнадцати.

Светлана сказала маме о свадьбе только за две недели до назначенного дня. Екатерина Алексеевна пыталась отговорить

дочь: той так нравилась учеба в институте — и тут вдруг неожиданное замужество. Говорила, что они с Олегом еще мало знакомы, но Светлана, увлеченная молодым человеком, не сдавалась.

Свадьбу сыграли у Козловых на даче. Приехали Хрущев, Брежнев с женами и детьми. Пили в основном за Хрущева, иногда за новобрачных, и ничего примечательного там не было. Но все выглядело очень красиво. Столы накрыли в саду под белыми цветущими вишнями. На невесте прелестное белое платье… Медовый месяц провели в Магнитогорске, куда Олега направили на практику. Потом жили в особняке Козловых на Ленгорах — небольшом двухэтажном доме с довольно скромной обстановкой. Все вещи, мебель с инвентарными номерами…

Когда Светлана поняла, что забеременела, сразу побежала к маме. Мать и дочь долго говорили, Светлана уже не верила в прочность своего брака. Говорила, что с Олегом их многое разделяет…

Фурцева категорически противилась аборту, вместе решили, что нужно рожать. Рожала Светлана трудно: хрупкая девушка весила сорок шесть килограммов, а дочка родилась почти пять.

Потом долго не могла поправиться, запустила зимнюю сессию в институте, но все же нашла в себе силы — сдала экзамены и перевелась на журфак МГУ.

После журфака Светлана устроилась в АПН в редакцию теленовостей, которая работала с иностранными компаниями. Светлана не скрывает, что попросила маму о помощи в трудоустройстве, и ее взяли редактором. В АПН проработала три года, причем половину из них провела в командировках. Однажды с телегруппой из ФРГ собиралась на съемки в Якутск, где температура понизилась до пятидесяти градусов. Фурцева испугалась, уговаривала дочку остаться и взять больничный. Но Светлана не послушалась маму и все-таки полетела.

Частые командировки не способствовали укреплению семейной жизни — отношения с мужем совсем разладились.

В этот нелегкий для нее период она встретила свою самую большую любовь — Игоря. Он был женат, растил дочь и работал в такой организации, где развод означал конец карьеры. Светлана поступила в аспирантуру МГУ, после защиты диссертации должна была поехать на стажировку в Америку, но не захотела расставаться с Игорем и осталась в Москве. Они часто встречались, хотя жил он тогда со своей семьей.

Фурцева очень тяжело переживала развод дочери, как-то даже сказала про Игоря: «Или он, или я!» Светлана считала, что виной всему не Игорь, а их неудачная семейная жизнь с Олегом. После

долгих выяснений отношений он ушел. Светлана осталась в квартире на Кутузовском, куда переселилась после рождения дочери, — с Маришкой и ее няней.

Светлана говорила, что никогда не видела маминых слез. Екатерина Алексеевна старалась отгораживать дочь от трудностей, поэтому до определенного времени Светлана видела только парадную сторону жизни. Однажды, сидя со Светланой в саду на даче и глядя на копошащуюся в песочнице внучку, Фурцева вдруг произнесла: «И как ты будешь жить без меня!..»

Екатерина Алексеевна категорически противилась разводу. После расставания с первым мужем десять лет была одна и не хотела, чтобы дочь испытала то же самое. Но Светлана поступила по-своему.

Пережить сложный период в ее жизни помогла Надя Леже. После развода Светланы она приехала и сразу объявила: «Все! Прекращаем слезы, переживания. Покупаем туфли вот на таких каблуках и едем ко мне заниматься живописью!» Надя умела поддержать человека в трудную минуту, помогла она тогда и Светлане.

Через три года Игорь все-таки решился на развод и переехал в квартиру на Кутузовском. Они поженились, он удочерил Маришку, много занимался с ней, воспитывал. Маришка полюбила приемного отца. Как-то он лежал в больнице, Светлана с дочкой его навещали. В одно из посещений Маришка придумала и нарисовала целую историю, которую назвала «Трясогустав» или сокращенно Трясик. Так Игорь стал Трясиком, такое вот детское прозвище…

Ушел из жизни Игорь Васильевич внезапно: возвращался из леса и, не дойдя до дома, умер. Светлана говорила, что после его смерти ощутила внезапную усталость и пустоту. Спасала работа: после защиты диссертации Светлана четырнадцать лет трудилась в Институте истории искусств. А после смерти мужа перешла на должность заместителя директора во ВНИИ повышения квалификации работников культуры, занималась административной работой.

Марина, внучка Фурцевой, поступила в пять лет в балетное училище. Екатерина Алексеевна очень этому радовалась, считая, что у Маришки есть все данные — музыкальность, пластика. Вот только здоровье подвело: после десяти лет голодовок и диет у девочки открылась язва желудка. Пришлось поменять профессию. Поступила в ГИТИС на факультет театроведения и после его окончания устроилась в литчасть Большого театра. Работу полюбила, к тому же в театре встретила ребят, с которыми училась и была хорошо знакома. Вышла замуж за юриста, сына

друзей семьи, но через год молодая семья распалась: Марине в то время было всего восемнадцать, мужу — двадцать восемь. Ее вторым мужем стал стоматолог Игорь Владковский, в двадцать пять лет она родила дочку Катю и навсегда распрощалась с работой в литчасти. Когда дочке было четыре года, Марина рассталась с Игорем. В 95-м году Марина снова вышла замуж и уехала в Германию, где прожила около года, затем переехала в Испанию и там осела. В школе, где училась Катя, преподавала балет, думала об открытии собственной балетной школы. Светлана навещала там дочь и внучку.

После смерти Игоря Светлана замуж больше не вышла. Марина говорит: «У меня есть обязательства перед семьей. Я очень люблю Катерину, моя любовь к ней совершенно невероятная. В этом мы с мамой одинаковые. Она мне часто повторяла: «Если бы не было тебя с Маришкой, мне не для чего было бы жить»». Светлана считала, что Катерина во многом похожа на прабабушку: стоит увидеть человека, и она его уже любит. Такой же была и Екатерина Алексеевна. Возвращаясь из зарубежных поездок, всегда привозила подарки своим знакомым и близким, никогда не забывала детей Фирюбина — Риту и Николая.

«Ты заметила, как Катя похожа на Екатерину Алексеевну?» — сказала она мне в сентябре две тысячи пятого года, когда я позвонила ей на Кутузовский. 3 октября я улетела в Париж, вернулась 9-го и от знакомых узнала, что Светланы не стало. Позвонила Марине, она подтвердила. Трудно было поверить в такую внезапную смерть. В том же возрасте, что и мать. И лежат они теперь рядом.

— Понимаю, Нами, вы близко знали дочь Фурцевой и стараетесь, тем более что Светланы уже нет в живых, говорить о ней только хорошее. Но у меня все-таки складывается впечатление, что в какой-то мере она виновна в трагедии Екатерины Алексеевны…

— Скажу только одну вещь. Когда я заходила в министерство к мужу, часто встречала там Светлану, прибегавшую к матери по своим делам. Так после ее ухода на лице Татьяны Николаевны, верной помощницы Фурцевой, всегда очень доброжелательной и милой, я видела суровое, даже неприязненное выражение. Понимаете, Светлана уже ушла, а та все не может справиться со своими эмоциями. А как-то раз произнесла в сердцах: «И так получила от матери все, что только можно, а ей все мало…»

Недолюбленная, недолюбившая…

— Размышляя о судьбе Фурцевой, о ее жизни и трагической кончине, вспоминаю ставшие поговоркой слова из песни Булата Окуджавы «Не везет мне в смерти, повезет в любви»… Я думаю о том, что Екатерине Алексеевне не повезло ни в смерти (многие считают, что она покончила с собой), ни в любви…

Из дневника Василия Кухарского:

«Николай Фирюбин был человеком мелким и завистливым. Его глодало лидерство жены в семье, ощущение комплекса своей вторичности. Сидя с Екатериной Алексеевной в театре или на концерте, он постоянно зло бубнил нечто непотребное… Фурцева, к сожалению, с ним соглашалась, а доставалось нам».

— Да, личная жизнь Фурцевой складывалась не так успешно, как карьера. После одиннадцати лет жизни с первым мужем (по словам дочери Светланы, они не были расписаны официально, возможно, считая это формальностью) — болезненный разрыв накануне рождения дочери. Десять лет одиночества. Трудно поверить, что такая красивая женщина не обращала на себя внимания мужчин, но, как считала Светлана, мама всегда выглядела чуточку недоступной — она находилась выше обычного мужского представления о женщине, жене…

Потом появился Николай Павлович Фирюбин. Он работал в Моссовете «заместителем мэра» и вполне осознавал свою значимость. Светлана говорила, что Фирюбин был достаточно интересным мужчиной, и она может понять маму, которая им так увлеклась.

Все, кто его знал, отмечали, что человек он был неглупый, образованный, очень хорошо говорил по-французски, поскольку рабочим, еще до войны по обмену попал во Францию и с тех пор очень любил Париж. При этом блестящий мастер испортить окружающим настроение. Галина Волчек всегда расстраивалась, когда он приходил в театр вместе с Екатериной Алексеевной.

Однажды мы оказались рядом в театральной ложе. Он по обыкновению был не в духе, ворчал, что всегда голоден, потому что жена не занимается его бытом, и ему приходится самому себе варить суп из бульонных кубиков. Это было безусловным враньем: Фирюбин получал паек, как и все крупные партийные работники тех лет, пользовался закрытой столовой, где готовили очень вкусно, да и цены были вполне приемлемые. Светлана же, наоборот, рассказывала, что у мамы на кухне всегда была чистота, домашний обед. Она даже клюкву для мужа сама протирала, считая, что эта ягода понижает высокое давление…

По словам дочери, Матрена Николаевна невзлюбила зятя сразу, да и Светлану предупреждала, что родной она для него все равно не станет — у него свои дети. А может, понимала своим острым умом, чувствовала материнским сердцем, что дочь не будет с ним счастлива.

О сложном характере Николая Павловича слухи ходили всегда. «Он был человеком увлекающимся, но ничем не умел дорожить», — говорили о нем.

Начинался их роман красиво и бурно. Фирюбин был женат, но Фурцева ничего не требовала, приезжала к нему сначала в Чехословакию, потом в Югославию, куда его перевели послом. Для нее эти свидания становились маленькими праздниками. Об их отношениях, конечно, знали «наверху», но Фурцеву не занимали сплетни и пересуды. Через какое-то время Фирюбин оставил семью, и они поженились. В 1957 году его назначили заместителем министра иностранных дел.

После красивого начала наступили будни, становившиеся все более серыми. Светлана с грустью вспоминала: «Их последние годы были сложными. Вероятно, тогда что-то произошло, и это мешало взаимопониманию. Прежде всего, потому, что Фирюбин очень плохо старился. Разницы в возрасте у них практически не было, но Николай Павлович, в отличие от мамы, чувствовал свои годы. Постоянно старался подчеркнуть свою значимость и не совсем деликатно любил повторять: «Плохо быть дедушкой, но еще хуже быть мужем бабушки». Признаться, мне трудно быть к нему объективной. Я утверждаю, что женского счастья он маме не дал. Другое дело, что мама всегда довольствовалась тем, что имела. Оптимисткой была! Всему отдавалась без остатка. И очень любила жизнь». После замужества мамы Светлана захотела жить с бабушкой. Несмотря на огромную рабочую нагрузку, постоянную занятость, Екатерина Алексеевна заботилась о матери и дочери, старалась выкроить время для общения с ними.

А отношения Екатерины Алексеевны с мужем довольно быстро разладились, он ревновал: служебное положение жены было выше, с ней считались в правительстве.

Светлана говорила, что на похоронах он рыдал над гробом, все порывался встать на колени, много и долго говорил, какая мама была прекрасная жена, как хорошо они жили. Но после смерти мамы вскоре женился, подождал лишь несколько недель…

Пропуск на могилу Фурцевой

Екатерина Алексеевна пришла в министерство со своими секретарями и помощницами. Одну из них, Татьяну Николаевну Саватееву, я хорошо знала, так как после смерти Фурцевой она стала секретарем Кухарского. Мягкая и очень деловая, четкая в работе, она часто вспоминала Екатерину Алексеевну. Рассказывала о случаях, когда та перед уходом с работы, вспылив, могла наговорить резкостей и уезжала, но с дороги возвращалась с каким-нибудь милым сувениром и со словами извинения. Из каждой зарубежной поездки привозила всем подарки, Татьяне Николаевне в основном шелковые косынки и шарфики, которые та бережно хранила.

Редко, особенно в наше время, помощники и секретарши с восторгом отзываются о своих начальниках. Чаще наоборот: после смерти шефа торопятся выдать массам правду с кривдой вперемешку. Татьяна Николаевна много мне рассказывала о Екатерине Алексеевне, но ни одного плохого слова я от нее не услышала. Она даже дочку назвала в честь Фурцевой Катей. Это о многом говорит!

Дочь Саватеевой рассказывала, что, когда на телевидении снимали программу «Старая квартира», Людмила Зыкина, выступавшая с воспоминаниями о Фурцевой, заметив в зале Татьяну Николаевну, сказала: «Здесь сидит женщина, исключительно преданная Екатерине Алексеевне, которая делала для нее чуть ли не больше, чем вся семья». Подошла к ней и обняла.

Верность Татьяны Николаевны ценил и Фирюбин: после похорон жены он передал Татьяне Николаевне особый пропуск на могилу Фурцевой.

Верная помощница женской интуицией чувствовала любое состояние Фурцевой, умела предупреждать ее огорчения, заботилась о здоровье, в конце рабочего дня — о цветах в кабинете и прочих деталях, причем делала это незаметно, ненавязчиво. Вместе с начальницей она составляла план на следующий день, никогда не преступая границ своего положения. Министр культуры всегда могла на нее положиться, зная, что рабочее расписание будет четким и ничего не забудется.

Никаких «Бесов», никаких Высоцких…

— Демичев, сменивший Фурцеву, был совсем другим человеком… и министром. Что говорил по этому поводу Василий Феодосьевич, ведь после смерти Екатерины Алексеевны он продолжал работать на своей должности?

— После смерти Екатерины Алексеевны Фурцевой в министерстве многое изменилось. Ни эмоций, ни новых идей. Правда, остались конкурсы имени Чайковского, фестивали искусств «Русская зима», «Московские звезды», «Белые ночи» — то, что получило свое начало еще при Екатерине Алексеевне. Но сам стиль работы стал иным. Даже атмосфера министерства изменилась — кипучая жизнь, которая была при Фурцевой, замерла.

Если у Екатерины Алексеевны около рабочего кабинета была маленькая комната, где висели ее платья на случай выхода «в свет», то Демичев занял целый этаж. В одном помещении ему делали массаж, в другом он обедал. И, конечно же, пользовался особой кухней. Короче говоря, в Министерство культуры пришел совсем другой человек — неконтактный, пустой, равнодушный как к проблемам культуры, так и к отдельным творческим личностям. Он больше думал о том, что бы урвать для себя.

На новую должность Демичев пришел со своими помощниками из ЦК. Мне доводилось несколько раз видеть нового министра во время работы, наблюдать за его окружением. Он мог сказать «да», согласиться с твоей просьбой, при тебе позвонить своему заместителю и отдать распоряжение ее выполнить, но на другой день узнаешь, что тебе отказано.

Вспоминается такой случай. Как-то мы сидели вместе в ложе Большого театра и смотрели балет на музыку Бетховена, поставленный знаменитым французским балетмейстером Морисом Бежаром. Великолепно! Забыть не могу до сих пор!.. Лицо Демичева ничего не выражало, никаких эмоций, хотя при этом он обладал вполне интеллигентными чертами. Кажется, он по образованию химик. Рядом сидел его первый зам, отвечающий за международные связи. Слышу, в перерыве Демичев ему говорит: «Сегодня ко мне приходил Бежар, мы вели переговоры: он очень хочет что-то поставить в Большом театре. Я согласился, подписали договор». Зам прямо взвился: «Что вы наделали? Бежар испортит нам весь русский балет!» Демичев съежился, склонил голову. На другой день я узнала, что Бежару отказали. Вот так: договор, подписанный министром, ничего не значил! Удивительно равнодушный, безликий и бездеятельный человек,

лишь бы ни во что не вникать. Категорически запретил Любимову ставить «Бесов» Достоевского. Как вспоминал Юрий Петрович, орал: «Никаких Высоцких и Булгаковых».

Фурцева же, наоборот, стремилась все понять, постичь, во все вникнуть. Ирина Антонова, директор Музея изобразительных искусств имени Пушкина, говорила, что она умела рисковать и не боялась совершить ошибку.

Мне рассказывала Лидия Григорьевна Ильина, член коллегии Министерства культуры (1963–1983), что по утрам у входа в министерство Екатерину Алексеевну часто ждали люди, чтобы обратиться к ней с просьбами, не относящимися к культуре. У кого-то проблемы с жильем, у кого-то тяжело болен ребенок. Многие знали, что Фурцева постарается помочь. Она не умела быть равнодушной.

Искренняя в чувствах и эмоциях, она, если не любила — так не любила, а любила — так любила. А Демичев все время врал, увиливал. Старался ни во что не вмешиваться… Зато дочь его успела попеть в Большом театре. Пела, пока он не ушел…

Кстати, он недавно скончался. Я сказала об этом сыну, а он в ответ: «Неужели его кто-то помнит?»

Она понимала, что художник важней чиновника

Нередко случается так: умирает какой-то яркий человек, и «середнячки» начинают причислять себя к его самым близким друзьям. Известный знаток театра Борис Поюровский, вспоминая о Фурцевой, говорил, что ни другом, ни даже приятелем Екатерины Алексеевны он не был. Но когда ее не стало, счел нужным вместе со всей культурной общественностью того времени проводить ее в последний путь. Среди тех, кто пришел проститься, было много благодарных ей за помощь и поддержку людей: артисты «Современника», Ленинградского Большого драматического, молодые художники, драматурги, композиторы. Будучи от природы человеком умным и по-своему талантливым, Екатерина Алексеевна понимала, что в искусстве художник важней чиновника. И по возможности помогала талантам, стараясь, впрочем, не потерять и министерское кресло.

Приведу такой пример. Народный художник СССР Мартирос Сарьян жил в Ереване, в доме-мастерской, но с давних пор у него была еще комната в коммунальной квартире в Москве. Там находились его старые работы, и там он останавливался, когда время от времени приезжал в столицу в Академию художеств, действительным членом которой он являлся. Вдруг из Моссовета приходит бумага о выселении Сарьяна из этой комнаты. Крупнейший армянский художник, скромный человек, начал собирать вещи. Но его друзья — Эдвард Мирзоян, Александр Арутюнян, Арно Бабаджанян, Адам Худоян решили поехать в Москву к министру культуры Фурцевой. К ним присоединился художник Сергей Герасимов. Они объяснили Екатерине Алексеевне, что у большинства крупных художников из республик есть приют в Москве, что им это необходимо для работы. Фурцева внимательно выслушала «ходоков», потом решительно взяла трубку и набрала номер секретаря райкома того района, где проживал Сарьян. Объяснив партийному чиновнику, что речь идет о художнике с мировым именем, которому необходимо бывать в Москве, она вдруг использовала совершенно неожиданный для того времени аргумент: «Почему из других республик народные художники СССР, лауреаты госпремий, имеют возможность жить в Москве, а Сарьян вам помешал? Потому что он армянин?»

Комнату Сарьяну оставили. Правда, через некоторое время, будучи человеком очень щепетильным, Мартирос Сергеевич эту

комнату освободил…

Композитор Эдвард Мирзоян считал Екатерину Алексеевну необыкновенной личностью. Однажды она помогла разрешить, казалось, неразрешимую ситуацию. Это касалось армянского композитора и дирижера Огана Дуряна, который после долгих уговоров нашего правительства в 1957 году приехал на родину предков из Парижа уже известным в мире музыкантом. Но, столкнувшись с нашими сложностями, во время одной из гастрольных поездок за рубеж он решил не возвращаться. Одиннадцать лет жил за границей, затем с условием, что ему разрешат свободно выезжать на гастроли за рубеж, вернулся в Армению.

В январе 1970 года в Париже намечался его концерт. Мирзоян должен был ехать с ним. Обычно вначале принималось решение ЦК партии республики, затем Москвы — отдела культуры и выездной комиссии ЦК КПСС. Приехали в Москву. В Москве решения из Армении нет. Звонят в Ереван, после долгих разговоров с разными лицами в ЦК добиваются принятия решения. Но выездная комиссия в Москве отказывает в поездке.

«Бросаюсь к Фурцевой, — рассказывал Эдуард Михайлович, — она возмущена, что так долго не давали ответ, ведь остался один день. Екатерина Алексеевна звонит в ЦК Демичеву — тогда секретарю ЦК. Его нет ни на работе, ни дома, ни на даче. Время не терпит: конец рабочего дня. Набирает телефон выездной комиссии: «Прошу не расходиться». Поиски Демичева продолжаются — он должен дать указание. Наконец в восемь часов вечера Екатерина Алексеевна находит его на даче. Объясняет проблему. Ждем решения Демичева, проходят тягостные минуты. Ее заместитель Попов советует позвонить Суслову. Екатерина Алексеевна снимает трубку, потом кладет ее обратно: «Нет, он не сделает». Я говорю, что, вероятно, в комиссии Демичеву объясняют причины одиннадцатилетнего отсутствия Дуряна. Фурцева мечется по комнате. Наконец раздается звонок — Демичев. Сообщает, что комиссия приняла решение, я могу ехать, а Дурян — нет. Екатерина Алексеевна решительно требует: «Вылететь должны обязательно оба…»

Вечером следующего дня получаем паспорта. Наутро вылетаем в Париж.

В Париже бежим к концертному залу, где должно состояться выступление, и видим — афиша с другой фамилией! Ищем главного режиссера, он объясняет: так как не было уверенности, что Дурян приедет, пригласили другого дирижера, но еще можно все исправить. Афишу заменили. Концерт состоялся. Успех был грандиозный.

Через несколько дней мы вернулись в Ереван».

— Слушая ваши рассказы о Екатерине Алексеевне, Нами, я все больше понимаю, что она была одержима делом, которым занималась, и ценила в других это качество…

— Да, это так. Но были у нее свои симпатии и свои антипатии. А если кого-то невзлюбила, или что-то не по ней, пиши пропало… Например, не захотела дать звание народной артистки СССР Серафиме Бирман — и все! Как ни молили ее об этом Завадский, Марецкая, Плятт, к которым она благоволила, — ни в какую!

Чем не угодила министру Серафима Германовна — интересный театральный режиссер, педагог, актриса — совершенно непонятно, но факт остается фактом.

— Мне рассказывала актриса Наталья Фатеева, что на фестивале в Каннах произошел случай, чуть было не стоивший дальнейшей карьеры Ларисе Лужиной. На приеме ее пригласили на танец… твист, который считался в СССР непристойным и был почти запрещен.

Когда Лариса вернулась в Советский Союз, на столе у министра культуры Фурцевой уже лежал французский журнал «Пари Матч» с фото Лужиной и заголовком «Сладкая жизнь советской студентки». Разгневанная Фурцева вычеркнула «неприличную» актрису из дальнейших поездок, и кто знает, как сложилась бы ее судьба, если бы не Герасимов, который спас молодую талантливую актрису от дальнейшего разноса. Сергей Аполлинариевич явился на прием к министру и нейтрализовал тот инцидент.

— Я уже подчеркивала, что Екатерина Алексеевна прежде всего исходила из партийных принципов, но при этом у нее была, как говорят, добрая душа. Многие отмечают простонародное происхождение Екатерины Алексеевны, говорят: что с нее взять — ткачиха! Но Станиславский, к примеру, был фабрикантом, а Шаляпину и Горькому доводилось ходить в бурлаках. Что с того?

Политик Александр Яковлев считал ее одним из сильнейших министров культуры. Виктор Розов отзывался о ней так: «Она была абсолютно интеллигентная, образованная женщина, за словом в карман не лезла. Но главное — внутренне свободная».

Кинорежиссер Владимир Наумов вспоминал, как Фурцева критиковала их с Аловым картину «Мир входящему», а потом… послала ее на фестиваль в Венецию. «У нее была интуиция, и было какое-то женское — даже не знание, а восприятие определенных вещей в искусстве. Она сделала много хорошего, несмотря на то, что проводила политику, естественно, контролирующую искусство. Фактически она выполняла роль

цензора в искусстве. Но при этом спасла картину Чухрая «Чистое небо». Как она критиковала нас на коллегии! Покрывалась пятнами. А когда кончалось заседание, вдруг приглашала: «Алов, Наумов! Зайдите ко мне, пожалуйста». Мы заходили к ней в кабинет, уже без всех. «Кофе хотите?» Мы были крайне удивлены! «Ну, да, — говорим, — хотим, Екатерина Алексеевна». Хотя уж не до кофе! И вот между нами и министром начинался доверительный разговор. «Где вы видели эти драные, вонючие, паршивые шинели, в которых у вас ходят солдаты на экране? Где вы видели всю эту вонь, грязь и так далее?» — горячилась она, в основном обращалась к Алову. И я видел, как у него потихонечку начинает белеть шрам. Он не выдержал и жестко произнес: «Екатерина Алексеевна! Вы видели шинели с Мавзолея, а я в этой шинели проходил всю войну и знаю, как она пахнет, насколько она жесткая. Посему по поводу шинели не надо делать нам замечаний». Екатерина Алексеевна обижалась, но быстро отходила. Когда мы вернулись из Венеции, получив три премии, в том числе за лучшую режиссуру, она пригласила нас к себе: «Ну, вот, видите, мы с вами победили!» Как будто мы втроем, вместе с ней, сняли эту картину. А если честно, так оно и есть. Ведь можно сказать, она спасла фильм».

О ее компетентности в искусстве спорят до сих пор. Драматург Иосиф Прут удивлялся: «В операторском искусстве, возможно, она ничего не понимала. Но в искусстве жизни, может быть, понимала. Во всяком случае, была очень доброжелательна».

Лидия Ильина делила руководителей на созидателей и разрушителей. Фурцеву относила к первому типу: «Вот это типичный представитель созидателя. Если посмотреть, что она оставила после своего пребывания в роли министра». О строительстве театра Натальи Сац она вспоминала так: «Фурцева собирала строителей — всегда с улыбкой: «Ну, миленькие мои, ну, как же? Ну, надо, поймите! Ведь первый в мире! А вы посмотрите на Наталью Ильиничну! Ведь она тоже первый в мире такой человек! Ведь в восемнадцать лет она уже руководила театром!» И начинала рассказывать, кто такая Сац. Наталья Ильинична, конечно, сидит, кивает. Фурцева продолжает: «Ну, дорогие, ну, пожалуйста! Мы вас очень просим!» Она умела использовать свое обаяние для дела, не для себя».

Театровед Вера Максимова считала, что до Фурцевой можно было докричаться, достучаться. Хотя были у нее и свои любимчики.

К примеру, одним из таких любимчиков Ролан Быков считал Сергея Бондарчука. А вот самому Ролану Быкову повезло гораздо меньше, на «звездную роль» Пушкина его не утвердили. Во

МХАТе готовился спектакль по пьесе Леонида Зорина «Медная бабушка». Ефремов объявил конкурс на роль Пушкина. Пробовались многие: Кайдановский, Даль, Всеволод Абдулов. Но в Быкове режиссер увидел то, что нужно. Автор пьесы считал, что в роли Пушкина Быков словно исповедуется. Исповедуется за свои прожитые 40 лет. Он очень прочувствовал пушкинский образ. И боль гения, и комплекс маленького человека.

Сам Ролан Быков считал, что эта роль могла стать одной из его лучших ролей, «а, может быть, и самой лучшей ролью». Но Фурцева Быкова не утвердила. Ее убеждали, что игра Ролана — редкостное попадание, что другого такого исполнителя не найти. Екатерина Алексеевна «уперлась», не уступила…

— Известно и другое. Галина Волчек любит вспоминать, как помогла им Екатерина Алексеевна с пьесой Шатрова…

— Да, спектакль «Современника» «Большевики» по пьесе Шатрова не понравился влиятельному институту марксизма-ленинизма. И это в тот момент, когда премьера стояла во всех праздничных афишах. Галина Волчек и Олег Ефремов ринулись к Фурцевой…

Вспоминает Галина Волчек:

«Вбегаем в приемную, и нам показалось, что министр отсутствует. Даже секретарши не было на месте. По-мальчишески решили подсунуть записку под дверь кабинета. Но чем писать? Никак не могли найти ни карандаша, ни ручки. Ефремов — совсем белый, Шатров дергается. И вдруг пронзило: губной помадой! Я написала: «Дорогая Екатерина Алексеевна, у нас катастрофа! Театр «Современник». Подсунули. Вдруг открывается дверь, вылетает Фурцева, а в кабинете у нее полно народу. Мы успели сказать о спектакле «Большевики» пару слов: «не имеет лита», «и лит не идет», «и они не хотят» и все такое… Она вошла в кабинет и объявила: «Извините, пожалуйста, короткий перерыв». Все вышли, Фурцева впускает нас к себе, хватает трубку, начинает звонить Романову — главному чиновнику по так называемому литу, именно он должен был дать «добро» на спектакль. Министр в накале повышает голос, срывается на крик: «Что такое? В чем дело? Почему отказываете? Ах, вы напишете! Пишите. Однажды ваша жалоба на меня не сработала, я все равно орден получила! Но что вас сдерживает? Я доверяю этому коллективу, этим артистам! И своей властью министра разрешаю играть спектакль «Большевики»! Да-да, завтра!»

Напряженная мизансцена длилась минуту. Наша защитница бросает трубку, встает из-за стола, и мы на пару, как бабы в деревне, едва не заголосили».

Не любила мужчин, которые видели в ней только столоначальника…

Драматург Виктор Розов рассказывал, как благодаря Фурцевой оказался в Японии, о чем не мог даже и мечтать в те дальние времена.

Однажды с утренней почтой он получил письмо с японской маркой. Удивился, распечатал. Написано было по-русски, абсолютно грамотно. Режиссер и руководитель молодежного театра в Токио приглашали посмотреть, как играют японские актеры его пьесу «В добрый час!». Подчеркивали при этом, что театр принимает на себя все расходы во время пребывания драматурга в их стране…

Поехать в Японию? Это почти все равно что полететь на Луну! Розов прекрасно понимал, что поездка в Страну восходящего солнца ему не «светит», и радовался уже тому, что его пьеса о жизни московских школьников оказалась близкой японскому зрителю и успешно идет в далекой Японии.

Однажды на одном из совещаний в Министерстве культуры на улице Куйбышева в перерыве Екатерина Алексеевна Фурцева подошла к группе драматургов, среди которых был Розов, и стала спрашивать у каждого, как идут дела. Неожиданно для себя Розов вскользь упомянул о японском варианте «В добрый час!» и о приглашении посмотреть спектакль. Екатерина Алексеевна наивно спросила: «Так почему же вы не съездите и не посмотрите?» Розов замялся: «С удовольствием бы, но это же не так просто…» — «Так в чем же дело, Виктор Сергеевич? — перебила Екатерина Алексеевна. — Поезжайте!»

Через несколько дней в квартире Розова раздался звонок:

— С вами говорят из иностранного отдела Министерства культуры СССР. С какого числа вы хотите ехать в Японию?

Екатерина Алексеевна запомнила их мимолетный разговор! Вскоре Виктор Розов получил заграничный паспорт и визу.

Однако авиабилет и паспорт есть, а японских йен-то нет! Как отправляться в столь дальний вояж без денег? Вдруг не встретят в аэропорту…

В Министерстве культуры, куда пришел Розов по этому вопросу, имелось жесткое мнение: в стране трудно с валютой.

— Не тратьте время, не откладывайте отъезд. Садитесь в самолет, и… — увещевал Розова работник министерства. Неожиданно открылась дверь, и вошла Екатерина Алексеевна.

— Вы еще не уехали?

— Валюты нет, Екатерина Алексеевна, ни гроша, — успел объяснить причину своей задержки драматург.

— Подождите меня, пожалуйста, я скоро вернусь. Я в аэропорт, встретить гостей из Пакистана…

Пока Виктор Сергеевич ждал Фурцеву, работник финансового отдела увещевал его, что и Фурцева не в состоянии решить его проблему:

— Езжайте, езжайте, поверьте мне, Екатерина Алексеевна, конечно, бог, но в данном случае и она бессильна сделать невозможное.

…Екатерина Алексеевна действительно вернулась крайне быстро и сразу же, с ходу, безапелляционным тоном:

— Ну, вы можете сделать Розову деньги?

И тут произошло чудо:

— Да! — воскликнул ее подчиненый чуть ли не с радостью.

— Счастливого пути! — улыбнулась Екатерина Алексеевна и скрылась за массивной дверью кабинета.

На следующий день Розов получил йены и улетел в Токио…

Кстати, Розову принадлежит и такое наблюдение: Фурцева не любила мужчин, которые видели в ней только чиновника. Бабьим чутьем ощущала, для кого она только руководящая единица, а для кого сверх того и женщина.

Рождение «Таганки»

— Не помню, в чьих мемуарах, я наткнулся на имя Анастаса Ивановича Микояна, который посетил спектакль Юрия Любимова «Добрый человек из Сезуана»…

— Поняла вас. Действительно, Микоян смотрел этот спектакль еще в Щукинском училище. Но я чувствую, о чем вы хотите спросить: о Фурцевой и «Таганке». Так вот, вы сейчас удивитесь, но именно этому посещению Анастаса Ивановича, как я считаю, театр на Таганке обязан своим рождением.

— Довольно неожиданно. А почему?

— Когда Екатерина Алексеевна узнала, что на Анастаса Ивановича Микояна произвел хорошее впечатление спектакль Любимова в Щукинском училище «Добрый человек из Сезуана», она написала записку своему начальнику Михаилу Суслову, заведующему идеологическим отделом ЦК, о том, что надо бы помочь выпускникам, которые поставили талантливый спектакль. Надо — обязательно! — чтобы у них был свой театр. Театр на Таганке появился благодаря именно этой ее записке Суслову.

Но отношения Екатерины Алексеевны Фурцевой с Юрием Петровичем Любимовым были далеко не безоблачными. Не все, что ставилось на Таганке, ее устраивало. Возможно, потому, что Фурцева не совсем понимала искусство условной формы. Ни одну постановку не допустили к зрителю без унижения коллектива. «Доброго человека из Сезуана» уже на первых сдачах ругали за формализм, трюкачество, осквернение знамени Станиславского и Вахтангова. «Десять дней, которые потрясли мир» — за грубый вкус и субъективное передергивание исторических фактов, за отсутствие в концепции руководящей роли партии. «Павших и живых» запрещали, перекраивали, сокращали… Скандал разразился и со спектаклем по пьесе Бориса Можаева «Живой». Министр увидела в этом вызов господствующей идеологии и запретила его сразу, после первого акта.

— То, что вы говорите, Нами, совпадает с тем, о чем рассказывал Юрий Любимов американскому публицисту Джону Гледу. Интервью было взято в 1989 году. С той поры прошла целая вечность, но, вчитываясь в разговор великого режиссера и журналиста, оглядываясь на прошлое, веришь этому диалогу, как документу.

Хрущева в Кремле уже нет, шел 65-й год: по Москве ходят слухи, что Сталин вот-вот будет реабилитирован. Юрий Петрович выпускает поэтический спектакль о молодых поэтах, убитых на войне. Его стали обвинять во всех смертных грехах и в том числе,

что взяты стихи не тех поэтов. Конечно же, имелось в виду, что авторы прекрасных стихов, написанных в годы войны, были евреями. Любимову предлагалось, например, убрать имя Михаила Кульчицкого, погибшего на фронте. И в это время в театр приехал Анастас Микоян, к которому подвели под светлы очи режиссера. Анастас Иванович спрашивает Любимова: «Как вы поживаете? Как ваши дела?» Любимов в ответ: «Плохо, Анастас Иванович. Вот закрывают спектакль, да и вообще все шатко и неизвестно». — «А что вы такого сделали, что у вас возникли осложнения?» Любимов в ответ, как бы идя напропалую: «Сам не знаю, но вы, Анастас Иванович, по должности, наверное, должны все знать». — «А вы поинтересуйтесь у тех, кто вас запрещает, — сказал Микоян. — Спросите, разве отменены резолюции XX съезда?» Любимов снова наступает: «Анастас Иванович, я, конечно, могу их спросить, но захотят ли они меня слушать». Президент страны впился глазами в режиссера. «До этого он меня почти не видел: как будто маска была на лице, а тут я понял, оценивая меня взглядом, он как бы был на моей стороне», — говорил Любимов.

На следующую репетицию приехал сын Микояна. И еще президент Академии наук Келдыш, Капица, Константин Симонов, многие члены ЦК. Любимов победил…

— Феликс, а при чем здесь министр культуры Фурцева?

— Фурцевой не понравился другой любимовский спектакль — «А зори здесь тихие». Во всех инстанциях сначала его одобрили, но вдруг опомнились…В ЦК спектакль объявили пацифистским. Чиновники от культуры пытались убедить режиссера в том, что старшину убить можно, а девушек никак нельзя, ну, в крайнем случае, только двух. Особенно рьяно настаивала на снятии постановки Екатерина Алексеевна. Но случилось так, что повесть Бориса Васильева, по которой был поставлен спектакль, вдруг неожиданно для всех получила первую премию ГЛАВПУРа — Главного политического управления армии. Ну, и тут уж никто, и даже сама Фурцева ничего не смогли поделать. Как мы знаем, этот спектакль вошел в историю театра.

Как Фурцева убила «Живого»

Вспоминает Валерий Золотухин:

«Объявили, что скоро просмотр «Живого». Нам сказали, что будут смотреть один раз. «Если до этого мы смотрели ваши спектакли по несколько раз, делали поправки, замечания, то здесь вопрос будет решен сразу: «да или нет»». Поэтому нас предупредили: «Уберите из спектакля все, что может вызвать малейшее раздражение». Ну, Любимов, естественно, ничего не убрал, потому что, если убирать, тогда весь спектакль надо убирать. И не показывать вообще.

Театр был объявлен «на режиме». Двери опечатали.

Приехал в театр, увидел на сцене одну только фигуру. Это был Любимов. Он держал в руках мой реквизит — костыль — и крестился. И что-то такое шептал. Я это запомнил на всю жизнь. Дело-то в том, что он коммунист, и в тот момент Юрий Петрович не предполагал, что рядом кто-то есть. Что он просил у Бога? Чтобы министр пропустил спектакль? Больше, как мне кажется, он просить ничего не мог. Когда закончился первый акт, возникла жуткая пауза. Екатерина Алексеевна спросила не глядя: «Автор, вам это нравится?» Можаев: «Да, и очень». «Позовите сюда секретаря партийной организации!» Его не оказалось. Но нашли. И начался разгром.

Фурцева: «Я ехала сюда, честное слово, с хорошими намерениями. Мне хотелось помочь вам уладить все. Но нет, я вижу, что у нас ничего не получается. Вы абсолютно ни с чем не согласны, совершенно не воспринимаете наши слова». Обращается к Можаеву: «Дорогой мой, вы еще ничего не сказали ни в литературе, ни в искусстве, чтобы так себя вести». Это она говорит Можаеву, известному писателю!

Любимов: «Зачем вы так говорите? Одному это нравится, другому — то. Зачем же так огульно говорить об одном из лучших наших писателей?»

Можаев: «Екатерина Алексеевна, я пишу комедию, а значит, по условию жанра, отрицательные персонажи должны быть карикатурными, смешными. Именно такими их играют актеры».

Фурцева: «Какая же это комедия?! Это самая настоящая трагедия».

В этой реплике вся Фурцева: даже в чем-то не разбираясь, она могла улавливать суть. Ведь можаевская вещь действительно была трагедией. «Нет, нет, нет! Спектакль этот не пойдет. Это очень вредный спектакль. Даю вам слово: куда бы вы ни обратились, вплоть до самых высоких инстанций, вы поддержки

нигде не найдете».

А Любимов говорит: «Спектакль смотрели уважаемые люди, академик Капица, например. У них иная точка зрения».

Фурцева: «Не академики отвечают за искусство, а я».

Юрий Любимов рассказывал, что на прогоне не разрешили присутствовать ни художнику спектакля Давиду Боровскому, ни композитору Эдисону Денисову. С трудом прорвался Андрей Вознесенский.

«После последней сцены первого акта, когда артист Джабраилов в роли ангела пролетал над Кузькиным, Фурцева прервала прогон, — рассказывал Юрий Петрович. — Обратившись к маленькому, лохматому Джабраилову, спросила: «И вам не стыдно участвовать во всем этом безобразии?!» Тот испуганно ответил: «Нет, не стыдно». «Вот видите, — обратилась она ко мне, — до чего вы всех довели». Вознесенский пытался что-то сказать: «Екатерина Алексеевна, все мы, как художники…» Она ему: «Да сядьте вы, ваша позиция давно всем ясна! И вообще как вы сюда пробрались? Одна компания. Ясно. Что это такое нам показывают! Ведь иностранцам никуда даже ездить не надо, а просто прийти сюда (а они любят сюда приходить) и посмотреть, вот они все увидят. Не надо ездить по стране. Здесь все показано. Можно сразу писать». Она очень разволновалась…

— Что вы можете сказать на все это? Вы что думаете: подняли «Новый мир» на березу и думаете, что далеко с ним ушагаете?»

На сцене висел на березках «Новый мир» с повестью Можаева. А я не подумал, и у меня с языка сорвалось:

— А вы думаете, что с вашим «Октябрем» далеко уйдете?

Она не поняла, что я имел в виду журнал «Октябрь», руководимый Кочетовым. Потому что тогда было такое противостояние: «Новый мир» Твардовского — и «Октябрь» Кочетова. А у нее сработало, что это я про Октябрьскую революцию сказал. И она сорвалась с места: «Ах вы так… Я сейчас же еду к Генеральному секретарю и буду с ним разговаривать о вашем поведении. Это что такое… это до чего мы дошли…» И побежала… С ее плеч упало красивое большое каракулевое манто. Кто-то из ее сопровождающих подхватил его, и они исчезли…»

— Андрей Вознесенский говорил, что Фурцева была не злым человеком, просто эпоха была такова… Он вспоминал, как на заре театра на Таганке Любимов вместе с министром и ее приближенными, обходя здание, ввел ее в свой кабинет и показал на только что оштукатуренные стены: «А здесь мы попросим расписываться известных людей…» Фурцева обернулась к Вознесенскому: «Ну, поэт, начните! Напишите нам экспромт!» И

он написал: «Все богини — как поганки перед бабами с “Таганки”!» Юрий Петрович усмехнулся, а Фурцева передернулась, молча развернулась и возмущенно удалилась. Надпись потом пытались смыть губкой, но она устояла…

Через некоторое время состоялся еще один прогон «Живого», на котором собрались два десятка человек, в том числе и союзный министр культуры Екатерина Фурцева. После спектакля в кабинете Юрия Любимова состоялось горячее обсуждение увиденного. Большинство собравшихся высказались за то, чтобы спектакль наконец появился в репертуаре театра, даже Фурцева в своей речи отметила, что по сравнению с предыдущим разом эта версия выглядит приемлемо. Пользуясь моментом, министр не преминула коснуться и присутствующего на обсуждении Высоцкого:

— Недавно слушала пленку с записями ваших песен. Много такого, от чего уши вянут, но есть и прекрасные песни. Например, «Штрафные батальоны» и еще некоторые…

Этот прогон был явно следствием каких-то движений «верхов» навстречу «Таганке». Но, хотя приход Фурцевой и вселил надежду, длилась она недолго. Потепление в верхах быстро сменилось на очередное похолодание, и решение о выпуске спектакля было вновь отложено до лучших времен. Наступили они не скоро — в самом конце 80-х.

А Высоцкий сам рассказывал о встрече с министром культуры Фурцевой…

Однажды они встретились в Театре на Таганке. Фурцева, рассказывал Высоцкий, была необычайно любезна.

— Володя, почему вы никогда ко мне не заходите? Как вы живете?

Высоцкий отвечал коротко:

— Живется трудно.

— Что так? — удивилась Фурцева. — Помочь не могу?

— Можете, наверное. Я прошу об одном — откройте шлагбаум между мной и теми, для кого я пою. Я пробовал говорить в разных инстанциях, просить, доказывать, но… Эту ватную стену пробить невозможно.

— Зачем же о таком серьезном деле вы разговариваете с разной мелкой сошкой? — улыбнулась Фурцева. — Приходите прямо ко мне. Разберемся. Вот вам мой телефон. Я, конечно, помогу.

Окрыленный этим разговором, Володя позвонил буквально на следующий день. Трубку снял референт. Высоцкий представился и попросил соединить его с Фурцевой.

— Подождите минутку, — любезно прозвучало в ответ.

Через некоторое время референт ответил:

— Вы знаете, буквально минуту назад Екатерина Алексеевна вышла. Позвоните, пожалуйста, попозже.

Позвонил попозже. Референт огорченно:

— Владимир Семенович, какая досада! Ее только что вызвали в ЦК. Попробуйте позвонить завтра.

Звонил. Звонил по несколько раз в день. Звонил утром, днем, вечером, но каждый раз получал подобные ответы. Фурцева явно избегала разговора с помощью такого нехитрого и проверенного способа. Высоцкий вспоминал об этом с горечью и болью. И только после смерти Фурцевой вопрос о выходе его первого диска-гиганта сдвинулся.

Когда Георгий Шахназаров, который работал при Фурцевой заместителем заведующего международным отделом ЦК КПСС, взял на себя хлопоты по «пробиванию» диска-гиганта Высоцкого, Фурцева довольно резко его осадила. Она лично позвонили Шахназарову и изрекла: «Не вмешивайтесь не в свои дела!»

— Кстати с именем Екатерины Алексеевны связан и еще один скандал в театральном мире — запрещение «Доходного места» в Театре сатиры. Об этом мне рассказывали Александр Ширвиндт и режиссер этого спектакля Марк Захаров.

В 1967 году спектакль стал сенсацией, вписавшись в настроения «оттепельной» поры, которая, кстати, уже близилась к закату. Андрей Миронов в роли Жадова выразил чувства молодого человека, который не хочет жить по старым законам. Зрители штурмовали кассы, критика ждала партийного окрика. И дождалась… В своей книге Марк Захаров подробно рассказывает о подоплеке этой истории, «подковерной борьбе», которая развернулась между двумя влиятельными властными дамами: секретарем МГК партии Шапошниковой и министром культуры Фурцевой. Их взаимная неприязнь выразилась в следующем. «Незадолго до появления «Доходного места» Е.А. Фурцева, которую знавшие ее люди относили к личностям вполне нормальным, по-своему неглупым, не чуждым определенной смелости и широты, — пишет Марк Анатольевич, — демонстративно и своевременно помогла театру «Современник» с его спектаклем «Большевики» Шатрова, который многим ее коллегам казался произведением исключительной вредности. Питая добрые и уважительные чувства к Олегу Ефремову, она взяла на себя ответственность за выпуск спектакля. Естественно, Шапошникова не преминула воспользоваться этим обстоятельством и развернула наступление по всему идеологическому фронту, всячески подчеркивая глубокую

порочность министерской позиции. В свою очередь Фурцева решила ответить ударом на удар и найти идеологические ошибки московского партийного секретаря. Оказывается, разрешение на «Доходное место» можно было при желании отнести к идейным просчетам МГК КПСС». Драматургию «подковерной борьбы» вокруг спектакля Захаров узнал много лет спустя от лиц, прямо причастных к разыгравшемуся дамскому сражению. Фурцева неожиданно посетила спектакль и уже в антракте разговаривала с дирекцией на повышенных тонах, всячески демонстрируя свое глубокое партийное возмущение. Помимо дамской подоплеки, были, конечно, и еще аспекты общественного характера, министр культуры назвала спектакль антисоветским…

Ну что ж, как говорят, не будем о грустном, зато известно, что Фурцева поставила на ноги «Современник», помогала Олегу Ефремову поддерживать рейтинг МХАТа…

— Да, она действительно очень помогала «Современнику», когда у них возникали серьезные проблемы. Сразу после ее прихода в министерство стало ясно: новый министр намерен отстаивать самостоятельность своего ведомства. Она не принимала горячность и поспешность в принятии решений, что было свойственно Хрущеву. На конференции в Министерстве культуры в июле 1963 года Фурцева сказала: «Должна быть уверенность, а не шараханье то в одну сторону, то в другую». Заметьте, эту фразу министр культуры произнесла после знаменитых встреч Хрущева с творческой интеллигенцией.

Олег Табаков: «Она прикрывала спину Ефремова»

«По тем временам женщина в верховных органах власти была нереальным явлением. В этом феномен Екатерины Алексеевны. А для меня она была, прежде всего, удивительно красивой и мудрой женщиной.

Екатерина Алексеевна неоднократно прикрывала спину Олега Ефремова. Он, будучи грешен, как все мы, иногда позволял себе отклонения от норм в употреблении алкоголя. Часто бывал просто на грани фола. Знаю, как дважды она отводила от него беду. А в 1970 году его назначили главным режиссером Московского художественного театра. При поддержке Фурцевой. Кто-то должен был за него поручиться, а это весьма не просто. Борьба между городским комитетом партии и Министерством культуры была очень жесткой. Одна деятельница Московского горкома даже предлагала мне сдать Олега, предъявив доказательства его «болезни». Я позвонил Екатерине Алексеевне, рассказал об этом, она спросила меня: «Ты послал ее?» Я говорю: «Да!» — «Вот так и надо!» И должен сказать, она успела увидеть правильность своего решения — первые десятилетия деятельности Олега были чрезвычайно активными, интересными, разнообразными. Он привлек по тем временам едва ли не самую лучшую труппу в Советском Союзе: Смоктуновский, Евстигнеев. И самая интересная, гонимая и преследуемая режиссура: Лев Додин, Кама Гинкас. Решиться на это надо было! Если бы у Олега не было поддержки Екатерины Алексеевны, вряд ли бы у МХАТа была такая история. Повторяю, делала все это — ЖЕНЩИНА!

Мне еще не было 35, когда меня назначили директором театра «Современник». Как? Не без ее ведения, конечно. Очень Фурцева симпатизировала и Галке Волчек. Она, еврейка, беспартийная, женщина, все-таки была утверждена на должность главного режиссера «Современника». Опять-таки не без помощи Екатерины Алексеевны. Если человек вызывал у нее доверие, его национальность, партийность не были важны. Екатерина Алексеевна довольно круто умела брать руль на себя. При этом она была веселым, лукавым человеком, но не хитрым. Знала, что красивая. Это сказывалось в том, как она одевалась: носила нейлоновые кофточки с черненьким башмачным шнурком — вроде бы строже не бывает, а все равно она была очень женственна. А уж это либо есть, либо нет — вне зависимости от должности».

«Разогнать в шею и отправить в Муром…»

— Когда я брал интервью у Олега Павловича Табакова в его «Табакерке» на Чистых прудах, он с юмором рассказал мне о скандале со спектаклем «Голый король», который вызвал, с одной стороны, высокую оценку в некоторых газетах, а с другой — недоброе отношение наверху. На «Голого короля» в «Современник» пожаловал министр культуры Михайлов, предшественник Фурцевой. После первого акта он обвинил театр в пошлости и вечером того же дня продиктовал приказ о закрытии театра. Но вот незадача, приказ оказался «липой», так как именно к часу его подписания Михайлов уже министром не был, а был назначен послом в Польшу. Такие синкопы там наверху бывали регулярно. Но на этом история не закончилась. «Новый министр культуры Фурцева, — рассказывал Олег Павлович, — заготовила два варианта расправы над театром: первый — часть труппы отдается Охлопкову (руководитель театра имени Маяковского), остальных — «разогнать в шею». Второй вариант — отправить всю труппу в город Муром, дескать, там пустует театральное здание. Артисты «Современника», которые к этому времени в некоторых эшелонах власти стали привечаться, разузнали, что накрутил Фурцеву первый секретарь ГК КПСС Москвы. Записались к нему на прием. Но как раз в день намечаемой встречи его тоже сняли с поста. Вот и считай, что нечистой силы не существует.

Однажды Михаил Шатров, Олег Ефремов и художник театра Кириллов, находясь в Болгарии по случаю постановки пьесы «Большевики» в Софийском театре, допустили якобы идеологически вредные высказывания. Ефремов что-то не очень лестное про тех, кто хотел пьесу зарезать в Москве, а Кириллов подлил масла в огонь, что, дескать, ему очень нравятся чехи, нравится их стремление к демократизации…

С этой «информацией» от бдительных болгарских «друзей» ознакомили Фурцеву. Мы думали, что нам пришел каюк… Через некоторое время в ЦК пришел весьма красноречивый ответ Екатерины Алексеевны: «В Министерстве культуры СССР с т.т. Шатровым М.Ф. и Ефремовым О.Н. проведена обстоятельная беседа, в которой было указано на необходимость более ответственного поведения за рубежом».

Но на самом деле никакой обстоятельной беседы не было, просто Фурцева, соблюдая правила партийной игры, сделала так, как ей хотелось сделать. Иногда Екатерина Алексеевна, о которой я не устаю говорить добрые слова, казалась непредсказуемой, но

мы чувствовали, что правда будет за нами».

«О чем думает Фурцева? «Современник» Ефремов уже развалил, теперь будет доразваливать МХАТ»

Конечно, МХАТ имени Горького всегда занимал особое положение. Никакому другому театру не уделялось столько внимания со стороны министерства и отдела культуры ЦК. Такое пристальное внимание объяснялось тем, что во всем мире систему Станиславского изучают как передовую и обсуждают проблемы нашего МХАТа. Это прекрасно, что советский театр служил примером для мирового театрального искусства. К тому же известно, что Сталин любил МХАТ и всячески ему покровительствовал. Отсюда и небывало высокие актерские ставки, и двухмесячный оплачиваемый отпуск, и государственные дачи, и бесконечные награды. Но все это не просто так, из любви к чистому искусству, а в обмен на послушание и верноподданничество. И театр, обладавший уникальной труппой, еще при Михайлове стал быстро чахнуть. Проблема состояла и в том, что после смерти Владимира Ивановича Немировича-Данченко в 1943 году в театре не осталось признанного артистами и зрителями лидера, руководителя с непререкаемым авторитетом. А в таком большом театре, каким был МХАТ, при таком количестве ведущих актеров с их амбициями МХАТу необходим был сильный главный режиссер.

Мешала и сложившаяся в коллективе атмосфера всеобщего недоверия. В 1963 году Фурцева обратилась в ЦК с предложениями об омоложении МХАТа, о перетарификации труппы, переводе на пенсию старых артистов, приглашении в театр новых режиссеров. А поскольку отдел культуры ЦК еще в 1957 году выступил с инициативой создания молодежно-театральной труппы одаренной артистической молодежи и студийцев МХАТа, это по сути дела явилось окончательным решением о создании «Современника».

Перемены во МХАТе начались в 70-м году с приходом в должность главного режиссера Олега Ефремова. Кстати, пригласить его решили «старики» театра, собравшись в доме Михаила Михайловича Яншина.

Екатерина Алексеевна поручила Кухарскому поговорить с Ефремовым. Василий Феодосьевич пригласил его к нам домой, они попили чайку. Я предложила мужчинам чего-нибудь покрепче. Поговорили, подискутировали. Но окончательного согласия Олег Николаевич в тот вечер не дал. Объяснил, что

«старики» настаивают, чтобы «Современник» в полном составе влился во МХАТ. А он этого не хотел бы. Говорил о студиях Художественного театра, существовавшего в десятые — двадцатые годы. Тогда их руководители не пошли на уговоры Станиславского и Немировича-Данченко и продолжали работать самостоятельно.

Через некоторое время решение в высоких инстанциях приняли без согласия Ефремова, но «Современник» он отстоял. А его контакты с Фурцевой не прерывались и после перехода во МХАТ. Она приходила на каждую премьеру, обсуждала вместе с труппой планы театра.

Помню, во время того разговора у нас дома Кухарский сообщил Олегу Николаевичу, о чем тот не знал: против его назначения во МХАТ был глава горкома партии Гришин. Уже после того как было принято окончательное решение, Гришин позвонил Василию Феодосьевичу и с возмущением произнес: «О чем думает Фурцева? «Современник» Ефремов уже развалил, теперь будет доразваливать МХАТ!»

Позже Олег Ефремов вспоминал о Фурцевой, как о руководителе, которая отличалась от многих других чиновников тех времен. Заместители писали ей тексты выступлений, но она демонстративно отодвигала их в сторону. Фурцевой важна была обратная связь, вовлечение людей в заинтересованный диалог. Такими были, по воспоминаниям Ефремова, все встречи с труппой «Современника». Он называл ее «человеком в процессе», с которым можно было спорить. Да, иногда она была несправедливой, в сердцах вспыхивала, но к возражениям прислушивалась, бывало, что признавала свою неправоту, но если была уверена в своей правоте, стояла на своем до конца. Побеждало в ней главное — творческое, человеческое, чисто женское. Ефремов говорил ей, что если министром культуры и должна быть женщина, то только такая, как она сама, — эмоциональная, воодушевленная, способная убеждать. «Мужики к этому делу не подходят, — шутил Олег Николаевич, — и еще у вас в генах “рабочая косточка”. Скажете что-нибудь по-народному простое, как обыкновенная русская женщина, а нам, поднаторевшим в театральных университетах, это и в голову не приходило».

Приподняв юбку, показала очаровательные ножки

Во время одной из встреч, по воспоминаниям Ефремова, они, чуть выпив, серьезно поговорили «за жизнь». Екатерина Алексеевна поведала ему о главном: чувствует себя одинокой, недолюбила, не заживает обида, что вывели из Президиума ЦК. Вздохнула: «Обиду скрываю, говорю только вам». Вообразила, что больна неизлечимой болезнью, и тут же, приподняв юбку, показала очаровательные ножки. Она всегда ощущала себя женщиной до мозга костей. Но при этом, когда однажды молодой Олег Ефремов, прощаясь, хотел поцеловать ей руку — Екатерина Алексеевна только-только вступила на министерский пост, — она отдернула ее, вспыхнула как маков цвет: «Что вы, товарищ Ефремов! Это ни к чему, ни к чему», и строго на него посмотрела. Это произошло, повторяю, в самом начале ее министерского статуса. Потом уже по Москве стали гулять слухи, что Фурцева-де благоволит к Олегу, что благодаря ей он только и держится.

Сам Олег Ефремов говорил по этому поводу такие слова: «Вы спрашиваете, почему она так активно, яростно защищала «Современник»? После долгих лет родился молодой театр, ищущий, с четкой творческой программой, с труппой талантливых актеров, смелым репертуаром. Все это увлекало Екатерину Алексеевну. Вначале она интуитивно почувствовала, а затем взвешенно, последовательно решила: театр заслуживает поддержки. Всего не расскажешь… Предшественник Екатерины Алексеевны в Министерстве культуры Николай Михайлов долгие годы вел дело к расформированию труппы, к закрытию «Современника». На этом настаивал горком партии. Направили в театр комиссию, все повисло на волоске. Последним толчком к решительному противодействию Фурцевой стала очень хорошая, доказательная статья критика Караганова в «Литературной газете». Помогала Фурцева и в осложнениях с выпуском «Обыкновенной истории» по Гончарову.

При Фурцевой мы после долгих мытарств обрели свое помещение на Маяковке. Она обратилась к Косыгину, и он с готовностью поддержал.

Не было в ней ни тени от монстра, живущего только ради карьеры. И в большей мере она была «белой вороной» на фоне высших партаппаратчиков. Смело кидалась в бой и пережила из-за этого большие невзгоды, особенно в последний период жизни».

«В нашей стране министром культуры должна быть женщина»

Отвечая на вопрос американского писателя Александра Минчина о Фурцевой, Олег Ефремов сказал: «Я глубоко убежден, что в то время, то есть в 60—70-х годах, в нашей стране должна была быть министром именно женщина. Все-таки женщина более эмоционально воспринимает искусство. В чем, например, беда нашей молодой театральной критики? Только в одном — что они неэмоционально воспринимают происходящее в театре. Фурцева относилась ко мне с уважением, шла на риск. Спектакль «Большевики» она взяла на себя, вопреки мнению цензуры и главного цензора Романова. При мне по телефону с ним ругалась. И я им звонил: «Как же так, братцы, вы, ЦК, находитесь на площади Ногина и требуете, чтобы я вымарал из спектакля Ногина за то, что он вышел из партии из-за несогласия с однопартийной системой».

Но я не устаю повторять, что она могла, по словам Симонова, сказать «да», но могла сказать и «нет». И за это могла ответить. Она мне многое не разрешила, но многое я сделал с ее помощью…

Если вы меня спросите про Фирюбина, то я отвечу, что это была весьма мрачная сила…»

Товстоногов: «Переехал бы в Москву, поближе к Фурцевой»

Из дневника Василия Кухарского:

«Не раз у Екатерины Алексеевны происходили трения с партаппаратчиками на заседаниях идеологической комиссии ЦК. Ее глава Ильичев прохаживался по поводу «самоуправства Фурцевой», отпуская не только ядовитые шпильки в ее адрес, но и ставя палки в колеса при осуществлении разумных и полезных инициатив оппонентки.

Подобных трений с выжиганием «искры» помню немало. Последний конфликт произошел в мае 1974 года. В Большом театре готовилась к постановке опера «Игрок» Сергея Прокофьева. В разгар репетиций стало известно, что секретарь ЦК по идеологии Демичев резко отрицательно оценивает само произведение, выступает против его постановки в Большом. Екатерина Алексеевна активно вмешалась в эту историю, протестами и уговорами добилась постановки, и опера имела колоссальный успех.

Конечно, все это нервировало Фурцеву, выбивало из рабочей колеи, но она старалась не обращать внимания на эмоции и переживания.

Екатерина Алексеевна никогда не доводила до конфликта отношения с руководителями театров. Если случались осложнения, немедленно ехала в театр, вырабатывала совместную позицию и просила проводить решение через художественный совет: «И, пожалуйста, без нажимов, худсовет наша опора, а окрик или формалистика выбьет опору из-под наших ног».

Поддерживала Товстоногова. Георгий Александрович как-то бросил мне в сердцах: «Переехал бы в Москву, поближе к Фурцевой. От деятелей Ленинградского обкома временами мне и Большому драматическому театру приходится нелегко: почти каждый день вызовы, втыки на грани ругани. Екатерина Алексеевна ухитряется помогать даже из Москвы, но я зажил бы спокойно, только уехав из Ленинграда».

«Уберите со сцены кровать!..»

Вспоминает Эдвард Радзинский:

«Я не спал всю ночь. И решился. В половине десятого я стоял у министерства, ждал. Наконец появился директор «Ленкома»… Он спросил меня: «А вы зачем пришли?»

У меня хватило ума ответить: «А меня пригласили».

— Да? — сказал он удивленно. — Ну, идемте.

Он был свой человек в министерстве. Так что, оживленно беседуя с ним, я прошел мимо охранника в святая святых. Не спросили ни пропуска, ни приглашения — идиллическое дотеррорное время…

Зал был полон. Все смотрели на дверь.

Наконец дверь распахнулась. Вошла (влетела!) она. Возможно, так медведица выбегает из берлоги после зимней спячки.

Екатерина Великая посмотрела на директора и сказала:

— Встаньте!

Он встал.

— Почему по городу развешены афиши «Сто четыре способа любви»? Молчите, — констатировала она трагически. — А знаете ли вы количество абортов среди несовершеннолетних?

Этого директор не знал.

— А я знаю… Я знаю количество абортов среди несовершеннолетних, — заговорила она каким-то плачущим голосом. — И вот в это время Театр имени Ленинского комсомола… Ленинского комсомола! — повторила она с надрывом, — …ставит пьесу про шлюшку, которая все время залезает в чужие постели…

Наступила тишина. И в этой тишине, не выдержав напряжения, я неожиданно для себя… встал. И сказал:

— Екатерина Алексеевна, там ничего этого нет. К сожалению, вы неправильно назвали пьесу. Она называется «Сто четыре страницы про любовь».

Потом я много раз думал, что такое тишина. Бывает тишина в лесу, тишина в горах… но такой тишины, как тогда, поверьте, не бывает. Это была какая-то сверхтишина, это было оцепенение, финал «Ревизора», остолбенение от страха…

Она спросила:

— Кто вы такой?

Я ответил:

— Я — автор пьесы.

Выглядел я тогда лет на шестнадцать, наверное. К тому же у

меня росли (для солидности) какие-то прозрачные усы, поэтому вид был отвратительный.

— Вы член партии? — спросила она грозно.

Я ответил:

— Я — комсомолец.

По залу пронесся легкий смех. Они никогда не видели в этом зале авторов-комсомольцев.

Тут она как-то сбилась. Я это почувствовал. Она сказала:

— Сядьте. Мы дадим вам слово.

И предоставила слово… своему заместителю.

Замминистра был не очень оригинален. Он сказал, что сейчас, когда среди несовершеннолетних такое количество абортов, в Театре имени Ленинского комсомола (!) появилась пьеса, где «шлюшка постоянно залезает в чужие постели»…

Я поднялся и сказал:

— Ничего этого в пьесе нет. Вы тоже не читали пьесу.

Она:

— Я поняла. Вы решили сорвать наше заседание. Идите и выступайте…

И я начал рассказывать.

Я рассказывал правду, потому что я не писал пьесу про «шлюшку». Я писал пьесу о любви. О том, как люди попадают в любовь, как под поезд. Потому что любовь — это бремя, такое счастливое… и такое несчастное… И это всегда обязательное пробуждение высокого, а если этого нет — это не любовь. Это страсть, сексуальный порыв и прочее. Именно прочее, а сама любовь неповторима…

Потом министрами культуры перебывает много тухлых мужчин с тухлыми глазами. Их никогда нельзя будет ни в чем переубедить. А вот она была женщиной. Прекрасной женщиной. В этом было все. В этом, думаю, была и ее гибель…

И буквально через три минуты она повернулась ко мне, и я понял — слушает. И не просто слушает. Уже на четвертой минуте она подала мне воду.

— Не волнуйтесь, — говорила она нежно. А я видел ее руки с рубцами от бритвы… И когда я окончил, она долго молчала. Потом сказала:

— Как нам всем должно быть сейчас стыдно…

Я подумал, она скажет: «…что мы с вами не читали пьесы». Она сделала паузу и сказала:

— …что мы с вами уже не умеем любить.

…Мы шли по улице со счастливейшим директором театра. Он сказал:

— Думаю, театров сто сейчас будут репетировать эту пьесу.

Он ошибся — их было сто двадцать.

Между тем приблизилась моя премьера во МХАТе.

…31 декабря должен был состояться художественный совет, на котором ждали Екатерину Великую… Она тут же оказалась в эпицентре мхатовских страстей. Ее посетили две делегации великих артистов. Первая объясняла ей, как ужасна пьеса, а вторая (столь же страстно), как она хороша.

…Когда я вошел на обсуждение, уже шел бой. Великий Грибов пытался толкнуть великого Ливанова. Они кричали одновременно. Меня встретили воплем:

— Пусть отправляется к своему Ефросу!

Екатерина Алексеевна всплескивала руками:

— Родные мои! Да плюньте вы на эту пьесу! Берегите ваше драгоценное здоровье! Оно нужно стране!

Наконец все утихли. И началось обсуждение. И они бросились друг на друга! Один перечень участников боя — это история театра. Топорков, Ливанов, Кедров, Станицын, Тарасова, Массальский, Георгиевская, Степанова, Грибов… Все эти бессмертные присутствовали и бились беспощадно!

Когда звуки сражения утихли, Екатерина Алексеевна поняла: ситуация страшная. Она не могла сказать ни «за», ни «против».

И тогда она посмотрела в зал. Взор ее был нежный, с поволокой.

Она стала совершенно обольстительной. И каким-то грудным голосом (можно представить, как она была обворожительна в иные моменты) сказала:

— Дорогие мои, любимые мои… вы мне доверяете?

На этот опасный вопрос требовался незамедлительный ответ.

— Да! — заторопилась Алла Константиновна Тарасова.

— Да! — дружно закричали вослед друзья и враги.

— Тогда я буду редактором этой пьесы, — сказала Екатерина Алексеевна. — Может быть, мне удастся помочь… Я отдаю свои выходные, мы будем работать.

И началась работа над пьесой. Точнее, все забыли про пьесу. Екатерина Алексеевна рассказывала про свою любовь к Клименту Ефремовичу Ворошилову, про то, как она была ткачихой, и как все они верили в победу коммунизма. Потом про дружбу с Надей Леже, великий муж которой тоже верил в победу коммунизма, как и наши ткачихи. А вот Надя верит не очень… Но с каждой встречей Екатерина Алексеевна ее убеждает все больше и больше… Короче, много было интересного. И в конце дня даже вспомнили про пьесу. Фурцева сказала:

— Родной, да неужели вы не можете ничего придумать? Ну не может же на сцене Московского художественного театра стоять

кровать! А у вас написано, что они лежат в кровати… Вы догадываетесь, что это невозможно?

…Убрали кровать. Убрали название «Чуть-чуть о женщине» (в этом мхатовцам почему-то мерещилось что-то неприличное). И еще что-то подобное и важное…

И вышел спектакль, где замечательно играла Доронина… И была премьера, и я был счастлив».

Одинаковые платья

В 1961 году во время Второго Московского международного кинофестиваля на заключительном приеме в Кремле гостей принимала Екатерина Алексеевна. Стоя посередине зала, она, как обычно, держалась подчеркнуто скромно. Первой пришла Джина Лоллобриджида в платье от Валентино с красным бархатным пояском и рубиновыми драгоценностями. Потом появилась Элизабет Тейлор — в таком же платье от Валентино, только с синим пояском и ее любимыми сапфировыми драгоценностями. Снимок с изображением двух кинозвезд мировой величины, одетых одинаково, как из одного пансиона, стал газетной сенсацией во всем мире!

Екатерина Алексеевна, будучи от природы воспитанной женщиной, обладала особым чувством такта. На лице у нее ничего не дрогнуло, она никак на это не отреагировала, не высказала никакого удивления, мило вела светскую беседу. Обе дамы тоже вели себя достойно. Публика же выглядела ошарашенной.

— Кстати, на тему «одинаковых платьев» у меня тоже есть история.

Недавно я оказался на юбилее одного известного писателя в Центральном доме литераторов. За столом напротив меня сидел мой знакомый, ученый-экономист Адриан Васильевич Рудомино, сын легендарной Маргариты Ивановны Рудомино, основательницы и первого директора знаменитой Всесоюзной библиотеки иностранной литературы. Я сказал Адриану Васильевичу, что работаю над книгой о Фурцевой, и вдруг слышу: «А вы знаете, Феликс, что эта кремлевская дама виновата в том, что мою маму изгнали с поста директора и выпроводили на пенсию? Хотите, поведаю?..

Ну, так вот, в 1973 году, когда эта история случилась, ей исполнилось 73 года. Мама была здорова, энергична, работоспособна, и, как говорили ее коллеги, у нее хватило бы сил на создание еще одной библиотеки. Конечно, она понимала, что ее годы совсем не молодые, но уходить на пенсию не собиралась. И вдруг узнает, что на «тепленькое местечко» директора библиотеки прочат не кого-нибудь, а Людмилу Гвишиани-Косыгину, дочь Председателя Совета Министров. Мама расстроилась, но уступать не хотела. Считала, что, отдав библиотеке 52 года жизни, имеет право остаться на посту директора ровно столько, сколько может выдержать ее здоровье.

В верхах, а точнее в Министерстве культуры СССР,

почувствовав, что мама добровольно не покинет пост, стали организовывать вокруг библиотеки странные провокации. К примеру, 7 ноября 1972 года, то есть в день годовщины революции, маму ночью вызвали на работу. Что же случилось? А случилось весьма серьезное по тем временам ЧП. По краю крыши библиотеки со стороны высотного дома (библиотека находилась на Ульяновской улице) был расположен светящийся лозунг «Да здравствует марксизм-ленинизм — вечно живое интернациональное учение!». Той ночью кем-то была вывернута часть электролампочек в слове «интернациональное», и лозунг получил уже «вредительскую» направленность: «Да здравствует марксизм-ленинизм — вечно живое национальное учение!» Об этом тут же сообщили во все инстанции — в МК партии, в ЦК партии, в КГБ. Конечно, сотрудники понимали, что это явная провокация.

Через некоторое время выяснилось, что лампочки выкрутил библиотечный плотник за две бутылки водки, полученные от начальника отдела кадров — ставленника Министерства культуры. Произошли и другие странного рода события, о которых сегодня не хочется вспоминать. Так обидно было за маму, которая всю жизнь прожила честно и отдала себя культуре, книжному делу.

Но «та» сторона продолжала атаковать. Чуть ли не каждый день звонили разные люди с требованием, чтобы Рудомино подала заявление об уходе. Мама ни в какую. Тогда начальница управления кадров министерства, подруга Фурцевой, стала ей угрожать: «Не хотите по-хорошему, снимем по-плохому. Найдем за что…»

Я чувствовал, что борьба неравная и маме не справиться. Через неделю у нее случился сильный сердечный приступ. Врач сказал, что, если я хочу, чтобы мама осталась в живых, она должна немедленно прекратить борьбу с сильными мира сего и не идти им наперекор.

И мама сдалась».

Я спросил Адриана Васильевича, что послужило причиной такого отношения к его маме, выдающемуся деятелю культуры?

«Прежде всего, — ответил Рудомино. — чиновников министерства, включая Фурцеву, раздражал дух интеллигентности всего коллектива библиотеки, куда культурная Москва приходила, как в свой дом. Гвишиани-Косыгина была просто чиновницей, имеющей отдаленное отношение к библиотечному делу, к иностранной литературе. С ее приходом духом библиотеки стала казенщина и партийность.

Но, вы удивитесь, началась эта драма много десятилетий

назад. Причина — чисто бабья. Как-то во время войны мама оказалась на приеме у Фурцевой, тогда первого секретаря Фрунзенского райкома партии. Вернувшись домой, мама рассказала, смеясь, что на ней и на хозяйке высокого кабинета были надеты одинаковые платья. Мама только улыбнулась, а Фурцева разозлилась. Такая реакция маму очень удивила. Конечно, вышло все чисто случайно из-за того, что их обшивала знаменитая тогда портниха Александра Сергеевна Лямина.

С тех пор райкомовский секретарь, а потом министр культуры относилась к маме почти враждебно».

«Сил больше нет…»

Сергей Михалков говорил, что Фурцева далеко не все понимала и, не понимая, выносила подчас нелепые решения. Он вспоминал, к примеру, ее выступление в Ленинградском театре комедии, где шел острый, очень смешной сатирический спектакль драматурга Даля «Опаснее врага». Ленинградские партийные власти были недовольны театром, хотели спектакль запретить. Послушная печать уже поспешила его осудить. Разгорелись страсти. Потребовалось вмешательство министра.

Приехала Екатерина Алексеевна, посмотрела спектакль, собрала театральный актив.

— Главная ошибка театра, — заявила она собравшимся, — состоит в том, что роли отрицательных персонажей в этом спектакле были поручены лучшим актерам. Этого не надо было делать. Надо заменить актеров!

Этот эпизод стоит в ряду аналогичных нелепостей вроде запрещения актеру, игравшему в кино роль Ленина, сниматься потом в фильме в роли Николая Второго.

«И все же, — отмечал Михалков, — Екатерина Алексеевна, учась на ходу «править» советской культурой, старалась прислушиваться к советам профессионалов. При этом могла отстоять и разрешить к показу тот или иной спектакль, вызывающий сомнения у цензуры и партийных инстанций, поддержать награждение творческого работника вопреки мнению партийного руководства его организации. Как член коллегии министерства я принимал участие в заседаниях коллегии и наблюдал разные ситуации».

Однажды в своем кабинете Екатерина Алексеевна со слезами на глазах по-человечески призналась:

— Понимаете, Михалков, сил больше нет! Ничего не могу «в верхах» пробить. Раньше могла, а теперь не могу! Не слушают! Не хотят понимать!

Портрет Гирингелли

— Я слышал, что в Екатерину Алексеевну долгие годы был влюблен далеко уже не молодой директор театра Ла Скала. Об этом служебно-дружеском романе до сих пор ходят разные толки. Светлана показывала мне портрет Фурцевой, который заказал итальянскому художнику ее воздыхатель. Несколько лет назад вышла книга, в которой муссируется тема их взаимоотношений. Что вы можете сказать по этому поводу?

— В 1964 году по приглашению Фурцевой в Москву впервые приехал театр Ла Скала. Директор театра Антонио Гирингелли был в восторге от гастролей в Москве, а также от советского министра культуры. В прошлом фармацевт, богатый человек, меломан, он долгие годы просто из любви к музыке помогал театру. Затем муниципалитет Милана предложил ему стать директором Ла Скала, и он оставался им до конца своих дней.

В Екатерине Алексеевне он разглядел ее истинное лицо, заметил редкое сочетание красоты, ума, решительности и мягкости. И конечно, желание сотрудничать: вскоре Большой театр отправился на гастроли в Италию, а на стажировку в Миланский театр стали ездить наши молодые талантливые певцы.

В течение десяти лет Гирингелли испытывал к Екатерине Алексеевне особые чувства. Наверное, он видел в ней прежде всего интересную и незаурядную женщину, а потом уже министра культуры. До конца жизни Фурцева получала от него знаки внимания — цветы, милые венецианские кукольные фигурки.

Вы правы, он так боготворил Екатерину Алексеевну, что заказал ее живописный портрет.

Только в четвертом варианте художнику удалось создать образ красивой, обаятельной женщины и государственного деятеля одновременно. Этот четвертый портрет и послали министру культуры СССР с сопроводительным письмом Людмилы Лонго, жены секретаря Коммунистической партии Италии Луиджи Лонго, переводчицы и помощника Гирингелли:

«Милан, 6/V-74 г.

Уважаемая Екатерина Алексеевна!

На сей раз доктор Гирингелли попросил меня быть посредником между ним и Вами.

Как Вы, может быть, помните, он давно мечтал заказать Ваш портрет. Он собирал Ваши фотографии, поручал различным художникам по ним написать портрет. И все ему не понравились. Только теперь, как ему кажется, что-то получилось.

Теперь он хотел бы поднести этот портрет Вам по случаю приезда Ла Скала в Москву в память о многолетнем сотрудничестве, о дружеских отношениях и о той любви и симпатии, которые он всегда испытывал к Вам. Но он очень боится, как бы Вы на него не рассердились за смелость, и поэтому поручил мне попытаться выяснить Ваше отношение.

Я попросила его сделать фотографию с портрета, которую посылаю Вам. Могу засвидетельствовать, что сам портрет лучше фотографии.

Дорогая Екатерина Алексеевна, если Вы согласитесь принять его портрет, то дайте мне, пожалуйста, знать об этом, и я обрадую старика.

Если можно, то ответьте, пожалуйста, мне сразу еще и потому, что доктор сомневается до сих пор, ехать ли ему в Москву со «Скалой» или нет. А как Вы считаете, его присутствие с театром было бы для нас желательно?

Сердечный привет от всей нашей семьи.

С уважением Люда Лонго».

Гирингелли при любой возможности посылал на могилу Фурцевой роскошную розу. Муслим Магомаев вспоминал, что один раз он выполнил эту трогательную просьбу директора Миланского театра.

Еврейский вопрос

— С «легкой» руки Сталина в 30—40-х годах в обществе стал муссироваться так называемый еврейский вопрос, а государственная идеология начала «попахивать» антисемитизмом. Среди наших знаменитых музыкантов, артистов и писателей было немало людей еврейской национальности. Любопытно, как Фурцева к этому относилась?

— Она к этому никак не относилась. Я думаю, ее этот вопрос совершенно не волновал. Екатерина Алексеевна прежде всего видела в человеке его талант. К примеру, обожала и Давида Ойстраха, и Эмиля Гилельса, много сделала для приезда на родину Марка Шагала, помогала в организации выставки художника.

— Хотите, Нами, на эту тему сюжет, о котором вы явно не слышали. Как говорится, это было бы смешно, если бы не было так грустно, а точнее, даже страшно.

Осенью 89-го года меня пригласили немного поработать на радио «Свобода» в Мюнхене. Там я познакомился со своим коллегой, бывшим москвичом Леонидом Махлисом, который был женат на дочери известнейшего в прошлом советского певца Михаила Александровича. Леонид поведал мне один из многочисленных устных рассказов своего остроумного тестя.

В январе 59-го года Александрович выступал в Куйбышеве, откуда его срочным порядком внезапно вызвали в Москву. Речь шла о важной заграничной командировке во Францию и Бельгию для участия в праздновании 100-летия со дня рождения еврейского классика Шолом-Алейхема. Мероприятие проводилось Всемирным Советом Мира. В нем принимали участие большинство стран, но СССР отказался посылать своих делегатов. И тут вышла загвоздка, о которой позже певцу рассказала сама Фурцева.

Дело в том, что приехавший на съезд КПСС секретарь компартии Франции обратился лично к Хрущеву с просьбой прислать-таки во Францию делегацию деятелей еврейской советской культуры. Хрущев пообещал, но сказать об этом Фурцевой то ли забыл, то ли не захотел…

Однако французы напомнили Никите Сергеевичу о его обещании и попросили назвать имена делегатов. Хрущев замялся, но тут же отчеканил: «Поедет Александрович. Остальных участников он сам подберет». По словам Фурцевой, она пыталась объяснить Хрущеву, что в связи с «рядом мер», проведенных в нашей стране в последние годы, она не сможет обеспечить

полноценную делегацию, ибо просто не знает, где взять этих еврейских деятелей.

Александрович считал, что Фурцева должна была сказать своему шефу примерно следующее: «Ты же, Никита Сергеевич, сам знаешь, что мы давно позаботились об уничтожении еврейской культуры вместе с ее деятелями. А коли нет еврейской культуры — где же взять делегатов?»

Конечно же, Александровичу этих слов Фурцева не говорила. Она лишь рассказала, что из-за нажима на нее со стороны французов снова беседовала с Хрущевым.

Но тот все отмахивался и отмахивался, твердя: «На то ты и министр культуры, чтобы решать такие вопросы самой, а у меня есть дела поважнее».

…Делегатов все же «наскребли». В группу вошли: Нехама Лифшиц — единственная в то время певица, добившаяся права исполнять в то время еврейские песни (кстати, она была членом КПСС); Эмиль Горовец — незадолго до того прекративший выступать в качестве еврейского певца и разработавший репертуар легкого жанра на русском языке;; чтец Эммануил Каминка, знавший несколько слов на идиш, но специально для этого важного визита подготовивший на еврейском языке небольшой рассказ Шолом-Алейхема; Наум Вальтер — пианист радиокомитета и автор этой трагико-юмористической были, напрочь позабывший весь свой еврейский репертуар, так как давно уже не имел возможности его исполнять.

За несколько дней до выезда Фурцева вызвала группу для инструктажа в ЦК. Все поняли, что будут «промывать мозги», то есть учить, как должен вести себя советский человек в капиталистическом враждебном окружении, избегая лишнего общения с иностранцами. Особенно всех поразила просьба Фурцевой не высказывать вслух восхищения увиденными в магазинах товарами и объяснять наше отставание в продуктовом и бытовом отношении необходимостью вооружаться, чтобы дать отпор недремлющему врагу.

«Но как оказалось, — продолжал Махлис пересказ курьезной истории, — главное было впереди: отъезжающим поручалось на высоком идейном уровне освещать за рубежом вопрос о положении еврейской культуры в СССР. Вот, дескать, смотрите, господа французы и бельгийцы, перед вами живые евреи, так что вы не верьте вражеским утверждениям, что в СССР их всех вывели…»

«Вы получаете, а мы — зарабатываем». Фурцева онемела…

Михаилу Александровичу принадлежит и следующий сюжет.

В Министерстве культуры вопрос о регулировании заработков артистов ставился неоднократно.

На одном таком совещании, рассказывал Михаил Александрович, Фурцева стала возмущаться «алчностью и стяжательством» некоторых артистов.

— Передо мной список заработков наших уважаемых мастеров, — говорила Екатерина Алексеевна. — Ну посудите сами, товарищи, разве это не безобразие? Я, министр культуры СССР, получаю семьсот рублей в месяц, а Александрович зарабатывает в два раза больше.

В этот момент встал Смирнов-Сокольский и хриплым голосом воскликнул:

— В том-то и дело, Екатерина Алексеевна, что вы — получаете, а Александрович — зарабатывает!

Эта реплика буквально сразила оратора, Фурцева онемела. У присутствовавших же она вызвала бурные аплодисменты и вскоре стала крылатой. В какой-то мере шутка Смирнова-Сокольского затормозила наступление министерства на артистов-миллионеров. Но ненадолго.

Через некоторое время в Москонцерт спустили приказ, запрещающий мне выступать более десяти раз в месяц.

Но и этого показалось мало. Еще через год министерство распорядилось ограничить лично мои выступления пятью концертами в месяц. Когда же я стал доказывать одному из замов министра, что дело не только в заработках, что мои концерты приносят государству прибыль и поднимают общую культуру народа, то увидел пустые глаза и услышал гневный окрик: «Наше государство достаточно богато и без вас! А вы только о том и думаете, чтобы загребать тысячи!»

Можно заметить, что с этой проблемой сталкивались многие артисты уже брежневской эпохи. Терпели, жаловались — безрезультатно. До тех пор, пока получившая уже всесоюзную известность Алла Пугачева обратилась в какой-то форме к самому Леониду Ильичу. После этого ее концертная ставка в 45 рублей была увеличена до 75.

Министерский улов

— Директор санатория «Марьино» Борис Ильич Ворович рассказывал мне о том, что в 60-е годы туда не раз приезжала Фурцева. Останавливалась всегда в одном и том же номере, потому что именно из него был выход в парк и на пруд. Рано утром Екатерина Алексеевна, взяв удочки, бежала рыбачить. Ловила не только с берега, но и с лодки. Когда рыбалка удавалась, она очень радовалась, хотя не раз подчеркивала, что важен процесс ловли, а не результат (кстати, в этом году, то есть в 2010-м, я снова провел три недели в прекрасном санатории, принадлежащем Управлению делами Президента. Заметил, что рядом с дверью одного из «люксов» теперь красуется мемориальная досочка в память о пребывании здесь Екатерины Фурцевой).

— Да. Могу подтвердить, что Екатерина Алексеевна увлекалась рыбалкой.

В семидесятых годах мы снова дважды отдыхали вместе в чудесном местечке Лидзава на мысе Пицунда между Гаграми и Сухуми. Там в реликтовой сосновой роще при Хрущеве были построены три государственные дачи, обнесенные бетонным забором, и великолепный бассейн. За этой территорией располагался дом отдыха Совета министров Грузии, где большинство отдыхающих было из Москвы: министры, ответственные работники ЦК, МИДа, Совмина. Только в это время я приезжала сюда с мужем Василием Кухарским, а Фурцева одна.

Екатерина Алексеевна останавливалась в люксе, каждый день в шесть утра спускалась к берегу — в это время за ней приходил катер — и уходила в море на рыбалку. Возвращалась через несколько часов всегда с уловом. По-хозяйски растапливала специальными дровами железный шкаф-печку — «коптильню», раскладывала там рыбу и уходила гулять в горы. Возвращалась к обеду, потом отдыхала, плавала, а к ужину уже была готова рыба, которой она всех угощала. Ее день был загружен полностью: то ли сказывалась привычка много работать, то ли это была попытка, сменив привычную обстановку, избавиться от груза невеселых мыслей.

В Лидзаве Фурцевой очень понравилось, и она приехала туда на следующий год. Отпуск омрачался тем, что она накануне сделала операцию на косточках, и теперь у нее очень болели ноги. Но, тем не менее, она все так же в шесть утра уходила в море, так же коптила рыбу, поднималась в горы. Однажды во время прогулки она сказала, что ей очень больно ходить, но она

старается не ныть. Возвращаясь, плавала, а вечером все снова собирались у коптильни, привлеченные аппетитным ароматом копченой рыбы.

У нее был особый дар общения: любого из собеседников она слушала с неподдельным вниманием и участием. Желание помогать было искренним, на просьбы она откликалась сразу, не отказывая.

Ее очень любили девушки, работавшие в доме отдыха. Простая и приветливая, она перед отъездом оставляла им в подарок свои летние наряды. Новые, модные, красивые платья были большой радостью для приморских жительниц.

Однажды, когда мы отдыхали с Фурцевой в доме отдыха в Пицунде, Екатерину Алексеевну приехал навестить композитор Отар Тактакишвили, министр культуры Грузии. Фурцевой захотелось посмотреть грузинскую деревню, и мы все вместе отправились в путешествие.

Как потом выяснилось, пока мы собирались, кого надо уже предупредили: едет министр культуры СССР.

Подъехали к большому крепкому деревенскому дому. Во дворе накрыт длинный стол, белая скатерть, красивые тарелки одинакового размера, вилки, ножи. Все очень чинно. Встретила нас какая-то патриархальная семья — дедушка с бородой, бабушка почтенная, мама, папа, маленькие дети в национальных костюмах — мальчик и девочка. Нас сопровождал кто-то из местных партийных руководителей и грузинские композиторы, отдыхавшие в доме отдыха. Все очень мило. Накормили вкусным обедом. Взрослые члены семьи исполнили грузинские песни, дети станцевали лезгинку.

Через некоторое время Екатерина Алексеевна, весьма довольная, уехала вместе с Тактакишвили. Мы же с мужем еще ненадолго остались. И вдруг замечаем, что «члены семьи» постепенно расходятся. Дедушка с бородой — куда-то в одну сторону, бабушка — в другую, детей появившаяся благообразная учительница вообще увезла.

Когда мы поинтересовались у сопровождавших нас партийных работников, что же это за семья, они объяснили: «Как же мы можем министра культуры СССР приглашать в обычный деревенский домик, в простую, деревенскую семью? Конечно, мы все приготовили, вызвали артистов из национальных ансамблей — взрослого и детского…»

Вечером после ужина, когда мы с Екатериной Алексеевной гуляли по берегу моря, она наивно восторгалась деревенской «семьей», их бытом, красивой посудой на столе, аккуратно разложенными обеденными приборами…

— Да, хороший спектакль…

А у меня есть дополнение к вашему портрету «Фурцева на отдыхе». Одна моя хорошая знакомая, неоднократно проводившая летнее время в доме отдыха «Валдай» (когда-то он принадлежал ЦК КПСС), рассказывала, что среди обслуги до сих пор ходят легенды о незамысловатом гастрономическом пристрастии министра культуры — простых деревенских щах на валдайской капусте, которые специально для нее готовили местные повара. Высокопоставленные отдыхающие узнавали о присутствии Екатерины Алексеевны в доме отдыха по густому приманивающему аромату.

Любите ли вы Брамса?

Несмотря на то что Фурцева родилась в провинциальном городке в простой семье, она обладала безусловной внутренней культурой. Давид Федорович Ойстрах, будучи у нас дома, в дружеском разговоре с Кухарским говорил о Фурцевой как о поразительном человеке, умнице из умниц, его поражали тактичность и логика ее поступков, а главное обезоруживающая женственность. И еще — ее интересы и познания. Он рассказал такую историю. Фурцева как-то поведала ему, что с увлечением прочла роман Франсуазы Саган «Любите ли вы Брамса?». «О какой симфонии Брамса в романе идет речь?» — поинтересовалась Екатерина Алексеевна. Тот ответил: «О Третьей». В фильме, созданном по роману, многократно звучит знаменитое соло валторны из этой симфонии». «К сожалению, никогда не слышала. Дайте знать, когда будет исполняться», — попросила она. Ойстрах выяснил, назвал число, сомневаясь, что министр придет на концерт. Пришла! Потом позвонила Давиду Федоровичу и выдала потрясающе интересный анализ — сопоставление книги и музыки. Далеко не каждый министр мог бы так!

— Значит, она успевала и книги читать…

— Да, она любила читать. И, надо сказать, она очень полюбила музыку, и музыку серьезную, классическую… Конечно, то, что рядом с ней был такой знаток, как Василий Феодосьевич Кухарский, дало ей очень много…

— Мне теперь тоже захотелось послушать эту Третью симфонию Брамса, а заодно и перечитать Франсуазу Саган…

«Приблизив лицо к зеркалу, Поль неторопливо пересчитывала, как пересчитывают поражения, пометы времени, накопившиеся к 39 годам, не испытывая ни ужаса, ни горечи, неизбежных в таких случаях, напротив — с каким-то полурассеянным спокойствием. Как будто это живая кожа, которую слегка оттягивают два пальца, чтобы обозначилась морщинка, чтобы проступила тень, принадлежала кому-то другому, другой Поль, страстно заботившейся о своей красоте и легко переходившей из категории молодых женщин в категорию женщин моложавых, — и эту Поль она узнавала с трудом. Она остановилась перед зеркалом, просто чтобы убить время, и вдруг ей открылось — при этой мысли она даже улыбнулась, — что именно время-то и сжигает ее на медленном огне, убивает исподволь, обрушиваясь на тот облик, который, как она знала, нравился многим…

…Проснувшись в воскресенье, она нашла под дверью послание… Оно показалось ей поэтичным, не потому ли, что на безоблачном ноябрьском небе вновь появилось солнце, заполнив всю спальню тенями и теплыми бликами. «В шесть часов в зале Плейель великолепный концерт, — писал Симон. — Любите ли вы Брамса? Простите за вчерашнее». Она улыбнулась. Улыбнулась второй фразе письма: «Любите ли вы Брамса?» Точно такие вопросы задавали ей мальчики, когда ей было 17, и конечно, позднее ей тоже задавали подобные вопросы, но ответа уже не слушали. Да и кто кого слушал в их кругу в те годы? Да, кстати, любит ли она Брамса?

Она включила проигрыватель, порылась в пластинках и обнаружила на обратной стороне увертюры Вагнера знакомой до последней ноты, концерт Брамса, которого ни разу еще не ставила… Она теряла себя, теряла свою тропу, и никогда ей уже ее не найти. «Любите ли вы Брамса?» Эта коротенькая фраза: «Любите ли вы Брамса?» — вдруг развернула перед ней необъятную пропасть забытого: все то, что она забыла, все вопросы, которые она сознательно избегала перед собой ставить. «Любите ли вы Брамса?» Любит ли она хоть что-нибудь, кроме самой себя и своего собственного существования?»

— Снять с полки томик Франсуазы Саган с романом «Любите ли вы Брамса?» легче легкого. Что я и сделал… Стал нетерпеливо перелистывать страницы, пробегать глазами строчки: что же взволновало Екатерину Алексеевну в этой книге, что заставило ее после напряженного, насыщенного государственными делами рабочего дня в «министерском присутствии» вчитываться в незамысловатый и такой далекий от тогдашних советских реалий текст? На какие вопросы хотела найти ответы министр культуры СССР у экстравагантной и легкомысленной француженки? Что заинтересовало ее в лирических коллизиях героя и героини романа? Думаю, что ответ прост — ведь она, как говорили многие, кто ее хорошо знал, была прежде всего Женщиной. И в этой книге она искала саму себя, молодую и любимую…

Кстати, жаль, что я не знал об этой истории в конце 80-х, когда встречался в Париже с Франсуазой Саган. Вот бы она удивилась и порадовалась, какие у нас в России министры с «загадочной русской душой».

«Уши, как пельмени, рисуете…»

— С 70-х годов я дружу с Ильей Сергеевичем Глазуновым, который рассказывал мне, как Сергей Михалков помог ему получить жилье в Москве. Однажды вальсируя с Фурцевой на новогоднем приеме в Кремле, Сергей Владимирович обратился к даме-министру: «Хочу попросить за хорошего человека, за художника Глазунова». Екатерина Алексеевна ответила: «Это тот, что наделал много шума на своей первой выставке? Слышала. Но сейчас Глазунов вроде бы где-то в Сибири, преподает там черчение?» Михалков мягко возразил: «Нет, в Москве, скитается без жилья и работы».

И вскоре молодой художник с женой перебрались в восемнадцатиметровые «хоромы» в Кунцево. В новом жилище он мог работать, хотя требовалась настоящая, полноценная мастерская. Об этом он при случае уже сам сказал Фурцевой.

А получилось так. Итальянцы хотели пригласить Глазунова для работы над портретами известных итальянских деятелей. Как рассказывал Илья Сергеевич, начали бомбить наше Министерство культуры. Бомбили через специальные органы, через посольство. Фурцева вызвала его к себе и начала издалека: дескать, против него весь Союз художников, потому что считают идеологическим диверсантом. «Как же вам помочь? — спросила Екатерина Алексеевна. — Понимаю, что вы не Достоевский в живописи, как писали итальянские газеты». Она как-то по-доброму засмеялась. Тогда он вспомнил анекдот, как царь обходил раненых. Кто-то дом у него попросил, кто-то корову, а один солдат попросил рюмку водки и соленый огурец, но только чтобы сразу. Когда царь ушел, над ним стали смеяться. Однако ему-то как раз принесли, что он просил. А другие ничего не получили. И Глазунов поступил, как тот солдат: знал, что в Союз художников его все равно не примут, сказал, что нуждается в мастерской… И выпросил… «водку и закуску» — в виде исключения получил персональную мастерскую в так называемой Моссельпромовской башне в Калашном переулке.

А потом, через какое-то время тоже с разрешения самой Фурцевой прошла на Кузнецком Мосту его первая большая выставка.

Следующая же встреча Ильи Сергеевича с министром культуры была менее приятная. В Москве выступала труппа знаменитого итальянского театра Ла Скала во главе с великим Гербертом фон Караяном. Гости из Италии, зная о талантливом московском художнике, решили заказать ему портреты солистов

миланской оперы: ни много ни мало — двадцать рисунков. Глазунов принес сделанные портреты на утверждение в министерство. Но с подачи официозных художников-соцреалистов Налбандяна, Шмаринова и других Фурцева устроила Глазунову разнос за то, что он якобы занимается саморекламой, а «сам уши, как пельмени, рисует!»

— Забирайте свою мазню, — сказала она Глазунову.

Но в этом случае Екатерина Алексеевна погорячилась. Те работы Ильи Глазунова теперь хранятся в музее Ла Скала…

Зато Илья Сергеевич уговорил Фурцеву записать звон ростовских колоколов. Сделать это было нелегко. Партийные и министерские чиновники приходили в мистический ужас, причитая: «Звон колоколов — это же музыкальный опиум!» Екатерина Алексеевна, однако же, была женщиной решительной и сказала: «От одной пластинки не отравитесь, а для Запада — свидетельство широты наших взглядов». И пластинка вышла. И сразу же стала раритетом.

— Что ж, она бывала разная. Могла взять ответственность на себя за то или иное решение. Была резка, высказывая министерскую точку зрения.

Я не знаю, как Фурцева относилась к творчеству Глазунова. Кухарский его не принимал, хотя в данном случае его отношение вряд ли могло повлиять на Фурцеву. Вопросами живописи в министерстве занимался другой зам — Попов. Но поскольку официальная критика обвиняла художника в формализме, чуть ли не в пропаганде религиозного мистицизма, думаю, что Фурцеву могло это пугать. Зато министр культуры РСФСР Юрий Мелентьев Глазунова любил. Помню, однажды он предложил мне пойти к Илье Сергеевичу. Я помнила работы Глазунова по его первой шумной выставке в 1957 году в ЦДРИ, особенно запомнились иллюстрации к Достоевскому. Поэтому я с большим интересом приняла приглашение Юрия Серафимовича, и мы отправились в Калашный переулок в знаменитый дом Моссельпрома. Разговаривали, Илья Сергеевич показывал нам свою коллекцию икон. Думаю, что отношение к Глазунову Мелентьева могло повлиять на отношение к нему Фурцевой.

Она всех называла на «Вы»

— Вы говорили, Нами, что близких друзей у Екатерины Алексеевны было немного. Но известно, что с Людмилой Зыкиной она дружила долгие годы…

— Когда я позвонила Людмиле Георгиевне и попросила ее поделиться воспоминаниями о Фурцевой, она сразу согласилась, хотя и недомогала. Приехав к ней на дачу в Архангельское, я была очень тронута теплым, дружеским приемом. Вспоминали наших общих, уже ушедших знакомых… Людмила Георгиевна рассказала, что познакомились они с Фурцевой на аэродроме: Екатерина Алексеевна провожала дочку и очень волновалась. Тогда Зыкина почувствовала, как сильно она любит дочь.

Рассказ Людмилы Зыкиной Нами Микоян на даче в Архангельском:

«Она всех называла на «вы». С нее хотелось брать пример — элегантна, говорила всегда только по делу. Когда мы с ней познакомились, она дружила с народной артисткой СССР Надеждой Аполлинариевной Казанцевой — прекрасным музыкантом и умным, добрым человеком. Казанцева предложила мне учиться у нее вокалу, и я с радостью согласилась.

Екатерина Алексеевна хотела, чтоб я росла творчески: «Люда, вы должны следить за собой и быть всегда на высоте». Я ей очень благодарна за такое внимание ко мне, за дружбу, за людей, которых я через нее узнала. Она познакомила меня с удивительной женщиной Надей Леже…

Екатерина Алексеевна приглашала меня на приемы. Однажды был очень долгий официальный прием во Дворце съездов, и она предложила поехать пообедать в министерстве. Приехали, сели за стол, и тут неожиданно подошел ее заместитель Попов, поставил на стол бутылку коньяка, налил в ее рюмку. Нам надо было возвращаться на прием, где Екатерине Алексеевне предстояло выступать, поэтому я взяла и как бы шутя выпила коньяк из ее рюмки. Она все поняла: «Людочка, это вы правильно поступили».

Как-то она пригласила меня на праздничный концерт в Баку. Фурцева и Гейдар Алиев, тогда первый секретарь ЦК компартии Азербайджана, сидели в первом ряду. Вдруг потух свет. Неожиданная заминка. Ведущий Борис Брунов попросил меня спасти положение и начать петь. Я спела несколько народных песен. Наконец свет зажегся, концерт продолжился. После концерта организовали банкет. Алиев предложил мне сказать несколько слов. Я начала говорить о себе, о своей жизни, о том, как я счастлива, что ко мне так внимательна Екатерина

Алексеевна, удивительный, незаурядный человек. После банкета Фурцева тепло меня поблагодарила. Я не ожидала, что мои слова так ее тронут.

Екатерина Алексеевна добивалась своего, чего бы это ей ни стоило, потому что заботилась и пеклась об отечественной культуре повседневно. Могла просить, спорить, убеждать, доказывать, находить решение в любых, самых сложных, порой тупиковых ситуациях.

Я очень стеснялась ее, особенно первое время, да и потом мы никогда не были в приятельских отношениях, как это представляется некоторым авторам — хулителям Фурцевой. Мы с ней женщины разного возраста, и она мне особо сокровенного никогда не доверяла. Я же с ней могла посоветоваться о чем-то, но никогда не просила о помощи. Всегда держала дистанцию во взаимоотношениях, поскольку она была для меня большим, государственного масштаба человеком.

В 1964 году Ростропович лежал в больнице. Фурцева буквально подняла на ноги всю столичную медицину в поисках каких-то дефицитных препаратов, чтобы ускорить процесс выздоровления музыканта, не раз ездила к нему, подбадривала, ежедневно справлялась у врачей о его состоянии здоровья.

Однажды она обратилась ко мне с просьбой поехать вместе с больницу, где лечились Алла Тарасова и Георг Отс, известнейшие всей стране артисты.

— Я с удовольствием поеду, только удобно ли?

— Удобно, удобно, — отвечала Екатерина Алексеевна.

— Надо за цветами заехать.

— У меня уже есть цветы.

Но я все равно купила еще два превосходных букета, и мы отправились в клинику. С какой теплотой говорила Фурцева обоим нужные, добрые, «вылечивающие» слова! Я слушала, и у меня слезы навертывались на глаза.

Однажды у танцовщиц из ансамбля «Березка» возникли трения с их руководителем — Надеждой Надеждиной. Они пришли в Министерство культуры жаловаться.

— Таких, как Надеждина, больше нет, — сказала им Фурцева, — таких, как вы, много. И давайте совместно искать пути выхода из создавшегося положения.

Она нашла такие точные слова, что посетительницы вышли из кабинета, вполне удовлетворенные оказанным приемом…

Фурцева высоко ценила мнение специалистов, профессионалов в том или ином вопросе культуры, хотя мне порой казалось, что она сама была эрудитом в любой сфере искусства. Однажды я не удержалась от вопроса:

— Неужели вы, Екатерина Алексеевна, во всем так хорошо разбираетесь? Например, в вокале, опере?

— Да вы что, Люда? Разве можно быть такой всезнайкой? Опера — жанр сложный, и я ничего не могу подсказать, скажем, Ирине Архиповой, как ей лучше исполнять какую-либо партию в спектакле и работать над ролью. Для этого есть Борис Александрович Покровский, которому в оперной режиссуре равных в мире нет.

— Ну, а в скульптуре, архитектуре?

— То же самое. Вот как раз сегодня у меня будут Кибальников и Вучетич, и вы, если хотите, послушайте нашу беседу.

Я пришла к назначенному времени. Разговор между Вучетичем и Кибальниковым походил больше на спор. Екатерина Алексеевна умело вставляла в него то одну реплику, то другую, словно угадывала мысль каждого из спорщиков, делая иногда какие-то пометки в блокноте. И, в конце концов, сказала, что настал момент, когда надо подвести итог и подойти к результату. Оба во всем согласились с ней, хотя мнения своего она ни одному из присутствующих не навязывала.

Когда Юлия Борисова играла в кинофильме роль посла Советского Союза, то какое-то время сидела в кабинете Фурцевой и наблюдала за тем, как та разговаривает, как себя ведет, как жестикулирует…

Судьбе было так угодно, что последняя наша встреча, накануне ее смерти, состоялась в бане. В половине седьмого мы разошлись. Екатерина Алексеевна в этот вечер должна была присутствовать на банкете в честь юбилея Малого театра. Я пошла домой готовиться к поездке в Горький, там мне предстояло выступать в концерте на открытии пленума Союза композиторов России. После банкета Фурцева позвонила, голос такой тихий, усталый. «Люда, — говорит, — я вам хочу сказать: вы же сами за рулем поедете. Пожалуйста, осторожней!» Узнав о том, что Фирюбин еще остался в Малом, я спросила, не приехать ли мне к ней. «Нет-нет, я сейчас ложусь спать», — ответила она. На этом наш разговор окончился.

В пять утра я уехала в Горький, а днем мне сообщили о ее смерти. Я тут же вернулась. До моего сознания случившееся не доходило, и спрашивать ни о чем я не стала. Мне сказали, что у нее что-то с сердцем… Я знала о том, что у них с мужем были нелады, в последнее время они постоянно ссорились… У гроба я пела песню-плач:

Ох, не по реченьке лебедушка все плывет.

Не ко мне ли с горя матушка моя идет?
Ты иди-ка, иди, мать родимая,
Ко мне, да посмотри-ка ты, мать,
На несчастную, на меня…
Все плакали…».

«Екатерина Алексеевна, послушайте песню…»

— Евгений Евтушенко говорил, что, если бы не энергия Екатерины Алексеевны, песня на его стихотворение «Хотят ли русские войны» никогда не увидела бы свет…

Рефрен «Хотят ли русские войны» принадлежал Марку Бернесу. Когда они с Евтушенко записали песню, Политическое Управление Армии (ПУР) встало стеной против нее. Военачальники решили, что она будет деморализовывать советских воинов, которым предстоит бороться против империализма. И песню не разрешили транслировать по радио, она не попала в репертуары. Несмотря на это, Бернес исполнял ее в своих концертах, из-за чего у него возникли неприятности.

Тогда Евгений Александрович пошел к министру культуры Екатерине Фурцевой. Он знал, что женщина она своеобразная, эмоциональная и если он начнет говорить абстрактно, то нужного результата не добьется. «Екатерина Алексеевна, я вас очень прошу — послушайте одну песню», — сказал поэт. До нее еще не дошло мнение ПУРа, она не знала, что происходило вокруг этой песни.

Как рассказывал Евтушенко, он поставил на стол магнитофон и проиграл их с Марком Бернесом запись. На глазах у Фурцевой выступили слезы, она обняла поэта и сказала: «Это изумительная песня». Тогда он поведал ей историю с ПУРом. «Конечно, — говорил Евгений Александрович, — Фурцева могла испугаться схватки с таким могущественным противником, как ПУР. Она тогда была уже в опале, ее выводили из Политбюро, она даже резала себе вены, насколько мне стало известно. Но все-таки она была сильной женщиной. При мне она сняла трубку и позвонила председателю радиокомитета. Ей ответили, что поскольку ПУР против, с песней ничего нельзя сделать. Тогда Фурцева сказала, что берет это под свою полную ответственность. Председатель спросил: «Вы можете дать нам письменное распоряжение?» Фурцева немедленно написала записку. Кто-то поехал на радио — и песня прозвучала на следующий день. Потом она обошла весь мир. Парадоксально, но ее с огромным успехом исполнял хор Советской Армии под управлением Александрова. Между прочим молодой тогда Муслим Магомаев ее исполнил, и с этого началось его восхождение».

Закрытый человек

— Есть такая книга «Закрытые люди» Зеньковича. Я обнаружил на ее страницах среди множества персон имя Екатерины Фурцевой. Первая реакция была вопросительной: в каком смысле автор считает нашего давнего министра культуры закрытым человеком? Сам я на этот вопрос ответить не могу, да, собственно говоря, такой взгляд на жизнь и биографию Фурцевой кажется мне парадоксальным… А как вы считаете?

— Ваши сомнения имеют основания. И довольно серьезные. Я думаю, что существовало как бы два образа Фурцевой. С одной стороны, как министр культуры, она должна была общаться со многими видными деятелями, смотреть спектакли, быть в курсе культурного процесса, руководить им. Кроме того, приходилось решать личные проблемы творческих людей и помогать им. Она умела слушать, это было ее замечательное качество. Знаменитая певица Ирина Архипова сказала, что за всю нашу историю лучшим министром культуры была именно Екатерина Фурцева, потому что она хорошо знала правила игры и цену компромиссу.

Но никто не задумывался о том, что в ней уживался принципиальный коммунист, когда она выступала на пленумах и совещаниях, и легко ранимая женщина, которая могла сомневаться, горячиться, плакать, другая Фурцева — одинокая, не чувствовавшая тепла и опоры мужа. Она говорила мне, что о ее личной жизни практически никто не знает. Никому не рассказывала, что после тяжелого рабочего дня, который иногда длился чуть ли не до полуночи, приходила в квартиру, где ее по сути никто не ждал. Дочь жила отдельно, а чинуша-муж Фирюбин стал ей фактически чужим. Не может же министр плакаться о своей судьбе каждому, кто переступает порог ее кабинета. Скажем, она дружила с Олегом Ефремовым, который нередко приходил в министерство со своими рабочими проблемами. Да, она с ним дружила, но дистанцию в выражении личных эмоций, выплескивании наболевшего никогда не переходила. Свои личные, женские тайны она могла поведать только ближайшей подруге Наде Леже, которой она доверяла. А Надя, любя Екатерину Алексеевну, по-женски ее очень жалела. Она говорила мне: «Кате очень тяжело, жизнь с Фирюбиным у нее не сложилась, она очень страдает».

Но сама Екатерина Алексеевна считала, что личная сторона ее жизни никоим образом не должна стать предметом сплетен и разговоров. Глядя на нее, всегда ухоженную (ходили слухи, что в 65-м году по примеру своей подруги Любови Орловой она

сделала пластическую операцию), веселую и жизнерадостную, все были уверены: у нее все в жизни хорошо.

— То есть в этом смысле она была закрытой.

— Да. Она была закрыта. И никто не знал, что на самом деле было у нее в душе. В одном из интервью Людмила Зыкина сказала: «О ней никто никогда не заботился. Она никому была не нужна». Фурцева хорошо знала цену одиночеству. Но такова плата за власть.

…Если не шла в театр или на концерт, оставалась до позднего вечера на работе. Иногда подолгу беседовала со своими заместителями, могла с ними выпить — снимали напряжение рабочего дня. Нередко к ней заезжала Зыкина.

— Наверное, у министра культуры в каждом театре была своя ложа?

— В Большом театре министерским местом считалась директорская ложа. Но когда она приезжала с гостями, они занимали места в так называемой царской ложе. А в других театрах располагалась в обычной директорской ложе.

— У меня возник такой гипотетический вопрос: умная, энергичная, схватывающая сущность Фурцева могла ли подняться еще выше по карьерной лестнице? Стать, скажем, во главе страны? Как говорится, карты могли лечь по-всякому…

— Думаю, что такой мысли у нее не возникало. Почему? Потому что вокруг были одни мужчины, и себя она считала как бы при них. Сама себя она не «двигала». Но товарищи в высших партийных кругах чувствовали ее возможности. Пример, может быть, не совсем удачный, но хочу заметить: Анастас Иванович Микоян не рвался на самую высокую должность, потому что понимал, что ее может занимать только Сталин.

— Ваше суждение на эту тему можно понять двояко. С одной стороны, женщина сделала оглушительную карьеру, с другой — она была не настолько честолюбива, чтобы думать о себе «лучше и выше».

— Да, конечно, не настолько. Я вообще не замечала в ней большого честолюбия. Даже при общении с подчиненными или, наоборот, с высокими зарубежными гостями она, как говорится, не заносилась, а думала о текущих проблемах.

Рок-музыку Фурцева не заметила…

Однажды, когда я беседовал с Нами, ее навестил сын Стас Намин, знаменитый музыкант, один из основателей отечественной рок-музыки, создатель и лидер группы «Цветы», культовая фигура в российской культуре. У меня возникла неожиданная мысль поговорить с ним о нашей героине.

— Стас, мы с вашей мамой трудимся над книгой о судьбе Екатерины Фурцевой, с которой Нами Артемьевна была знакома. Говорим о ее деятельности на ниве отечественной культуры. Насколько я помню, в годы ее правления вы уже были на виду как лидер популярного студенческого ансамбля «Цветы». Министерство культуры, его сотрудники каким-то образом соприкасались с вами, влияли на вашу деятельность?

— Никаких контактов не было. Мой ансамбль стал популярным в стране за два года до того, как она ушла из жизни. В 73-м году мы выпустили первую гибкую пластинку. И только в 1980 году — первый альбом.

— И все же, как вы существовали в те годы без общения с официальными органами культуры? Такое представить трудно.

— Кажется, в 72-м году в Доме культуры МГУ на улице Герцена должен был состояться наш концерт. В связи с тем, что желающих попасть на него было очень много, перекрыли движение по улице, фактически напротив Кремля. Сломали дверь, было много шума. Концерт отменили. Об этом скандале стало известно в Министерстве культуры. До этого на нас никто внимания не обращал. Мы были обычным студенческим ансамблем. Да и вообще в верхах на рок-музыку официально никто тогда не обращал внимания. Говорить, что она была под запретом — смешно, потому что ее просто как бы не было. Существовала только официальная советская эстрада, так называемая «советская песня». Рок-музыка тогда развивалась как не заметная для советского общества субкультура. На уровне студенческой или просто «некомсомольской» молодежи. До поры она не была конкурентна, ее намеренно не замечали в стране, где все контролировалось, в том числе идеологическими органами и средствами массовой информации. Так что на нас не обращали внимания до начала 70-х, то есть до скандала в клубе гуманитарных факультетов МГУ. Вы представляете, рядом с Кремлем остановилось движение! Это в те глухие брежневские времена!

— Могу предположить, что Фурцевой наверняка доложили об этом инциденте.

— Может быть, но я тогда не знал, где министерство вообще и находится-то. Там я никогда не был и ни с кем из сотрудников не общался, несмотря на то, что мой отчим был заместителем министра культуры. Он серьезно не воспринимал то, что мы с друзьями играли, — непонятную ему музыку. Конечно, я знал, что есть Министерство культуры, но мне представлялось, что оно имеет отношение к Большому театру, к опере и балету. Кухарский дружил со Свиридовым, с Шостаковичем, с другими серьезными музыкантами. А мы в подвале «дома на набережной» занимались рок-н-роллом, при чем тут Министерство культуры?

— А с кем вы общались в культурном истеблишменте?

— Ни с кем вообще. В 1973 году мы вместе с двумя другими ансамблями стали лауреатами студенческого фестиваля, и нам всем дали возможность записать гибкие пластинки. Для нас это был прорыв, мы сразу это почувствовали и готовились к записи очень серьезно.

— И все-таки, Стас, вы знали, что существует такая Екатерина Алексеевна Фурцева — министр культуры СССР?

— Фамилию, конечно, слышал. Но не более того. Как я говорил, к понятию «советская культура» я никакого отношения не имел. А то, чем я занимался, это была не «культура», это был мой личный кайф, который явно противоречил идеологическим установкам в стране… Ведь «Битлз» тоже к советскому пониманию культуры никакого отношения не имели. Это тоже был кайф… Мы тогда и представить не могли, что когда-нибудь и «Битлз», и нас, и миллионы других, начинающих тогда рок-музыкантов признают честной нормальной музыкой, которую будут слушать и любить даже президенты страны…

И когда мы уже выпустили несколько пластинок на «Мелодии», нас игнорировали и не воспринимали официальные худсоветы и критики. Мы фактически не существовали для центральных средств массовой информации до 80-го года, а потом, появившись на ТВ во время Олимпиады, опять попали под запрет после фестиваля в Ереване… Одну песню в 70-х однажды прокрутил Татарский, помните, была передача «Запишите на свой магнитофон». Потом, кажется, появилась статья в «Советской культуре» — «ругательная», но я ее не видел. В тот момент Министерство культуры и сказало свое веское слово: закрыло ансамбль «Цветы» и даже название запретили. А обвинили нас в «пропаганде западной идеологии и идей хиппи»… К тому времени у нас уже был конфликт с филармонией на другую тему. Нас заставляли работать по 3–4 концерта в день, а когда мы поставили ультиматум, то нас, музыкантов «Цветов»: меня, Костю Никольского и Сашу Слизунова — уволили, решив отобрать у нас

название — «Цветы» и эксплуатировать его в концертах. Так закончились наши первые серьезные конфликты с властью — идеологический и коммерческий. Мне удалось восстановить группу только в 1986–1987 годах, но уже без запрещенного названия. Но музыка наша оставалась запрещенной до перестройки.

— Эти запрещения начались при Демичеве?

— Да, тогда, наверное, уже Демичев был. При Фурцевой мы были моложе и хулиганили больше, да и музыка была бескомпромиссной, но идеологически никто на нас не наезжал.

Ф. Медведев. История ненаписанной книги

История ненаписанной книги

Светлана произвела на меня не лучшее впечатление…

В начале 1995 года моя знакомая, жена главы одного творческого союза, неожиданно предложила: «У Екатерины Алексеевны Фурцевой есть дочь Светлана, которая давно уже пребывает за границей — то ли в Германии, то ли в Испании. От мамы у нее осталось какое-то наследство. Время нынче тяжелое, и Светлана хочет кое с чем расстаться. Поскольку вы коллекционер, давайте я вас сведу».

Дочь Фурцевой — это любопытно!

Я слышал, что Светлана известна в московской богемной среде как фигура одиозная. Вокруг ее имени роились слухи, сплетни, домыслы. У нее было несколько небезынтересных замужеств. Регулярно бывая за рубежом в официальных поездках, Екатерина Алексеевна брала с собой доченьку-школьницу. Светлана была знакома со многими деятелями культуры хрущевско-брежневской эпохи: актерами, режиссерами, художниками, литераторами. Одним словом, мне в руки шел уникальный материал. И мы встретились.

Скажу сразу: при знакомстве Светлана произвела на меня не лучшее впечатление. Из «шестерки» энергично выпорхнула по-европейски одетая дама с безразлично-высокомерным выражением лица и, не поздоровавшись, деловито-прагматично приступила к предмету нашей возможной сделки. Все это происходило на улице, среди толпы, суетливо и рыночно. Я был разочарован. Расставаясь, решил представиться подробнее и как журналист попросил о рандеву. «Меня интересует судьба вашей мамы, ведь она великая женщина, а о ней не издано пока ни одной книги. Я предлагаю вам сотрудничество», — выпалил я, но не получил ободряющего ответа. «Позвоните, посмотрим», — бросила Светлана и села в машину.

Когда я рассказал о свидании с дочкой министра советской эпохи своему приятелю, который был в курсе кремлевских нравов, он предостерег: «Имей в виду, Светлана еще та штучка. Считают, что на ней лежит немалая доля вины в смерти матери. Расспроси ее, может, расскажет. И еще: хоть ты и не самый ярый поклонник футбола, но об Эдуарде Стрельцове, конечно, знаешь. Так вот, к его драматичной судьбе, говорят, причастна и Екатерина Фурцева».

Стрельцову и Пеле не довелось встретиться на поле

«Королеве представили графа де Кастильо в тот

момент, когда все ее помыслы были заняты дочерью на выданье. Летят весны и осени, а перезрелых девиц, да еще и не из красавиц, не ценят даже отставные гофмаршалы. Взглянув на кривоватую, рыхлую, со вспученной копной на голове, напомаженную куклу с длинным именем Матильда-Агнесса-Изольда де Бурбон, граф с трудом удержался от насмешливой гримасы. Но мамочка все поняла, и эта едва коснувшаяся его губ презрительная усмешка решила его судьбу. Через три месяца графа нашли мертвым в своей конюшне без видимых признаков насилия. Яды при дворе действовали безотказно».

(Из исторических хроник)

…Если бы кому-то пришло в голову выявить череду ста самых трагических фигур в русской истории XX века, то футболист Эдуард Стрельцов наверняка попал бы в этот скорбный реестр. Ведь и доныне, спустя много десятилетий после случившейся драмы, когда иные ее участники умерли, а другие здравствуют, когда страна пережила, как сказал поэт, «невиданные перемены и неслыханные мятежи», не исчезла память о талантливом российском пареньке, не зажила рана скорби и сожаления о банальном происшествии на станции Правда Ярославской железной дороги. Книги, фильмы, исследования, версии… Всех по-прежнему интересует, что же тогда произошло. Где ложь и где правда? Можно ли было, даже если Стрельцов и виноват, обойтись менее суровым наказанием?

Любопытно, жив ли, здоров ли тогдашний представитель государственного обвинения Выборнов, просивший суд дать «насильнику»… 15 лет?! Или следователь Э. Миронова, спроворившая летом 1958 года «дело об изнасиловании». Никакие попытки в течение долгого времени выйти с ней на связь через Генпрокуратуру не возымели успеха…

О великом русском футболисте я знал в основном лишь то, о чем твердила молва, — об «изнасиловании дочери французского посла на даче министра обороны», о его якобы скандальной натуре, о драках, им учиненных. Мало того, в своем архиве я нашел нашумевшую статью-фельетон «О звездной болезни», напечатанную аджубеевской «Комсомольской правдой» 22 июля 1958 года, в которой еще до суда Стрельцова назвали уголовным преступником.

В те годы это имя было одним из самых популярных. Еще не появились ни Окуджава, ни Высоцкий, ни Олег Даль. Еще не были оглушительно знаменитыми Михаил Таль и Евгений Евтушенко.

Еще никто не знал имени Юрия Гагарина.

…Миллионы болельщиков устремлялись на стадионы, когда играло «Торпедо», и прилипали к экранам маленьких телевизоров, когда шла трансляция футбольного матча с участием любимого игрока. Стрельцов был мифом, надеждой советского футбола, ибо часы отсчитывали приближение мирового футбольного чемпионата. Карьера Стрельцова прервалась как раз перед чемпионатом мира в Швеции, где могла бы состояться дуэль двух звезд — Стрельцова и Пеле. Но футболистам так и не довелось встретиться на поле. Пожалуй, в истории советского футбола, да и российского тоже, не было игрока, более любимого народом, чем Эдуард Стрельцов. Олимпийский чемпион Мельбурна, центрфорвард сборной и «Торпедо», чего стоил один только пас пяткой «по-стрельцовски». Трибуны аплодировали ему стоя…

…Заинтересовавшись судьбой талантливого футболиста, я прочитал множество материалов, обсудил произошедшее с людьми, которые его знали, и вот в порядке версии у меня сложилась банальная и одновременно роковая картина…

Екатерина Алексеевна очень любила свою единственную дочь, с отцом которой она рассталась вскоре после ее рождения. Так что отцовской ласки девочка не знала. И мама баловала ее, ни в чем не отказывая. Исполнялись любые ее прихоти. Характер у доченьки сложился не из легких. Но дочь есть дочь…

В 1956 году после возвращения наших спортсменов из Мельбурна с Олимпийских игр в честь футболистов-победителей в Кремле был устроен торжественный прием в духе казенной церемонии. Своим присутствием мероприятие почтила и кремлевская верхушка. Фурцева, пребывавшая тогда в должности первого секретаря МГК КПСС, также появилась на банкете. Взяла она в Кремль и свою дочь… Света оканчивала школу, проявляя интерес к балетному искусству, театру и кино. Но мама понимала: ничто не вечно под луной, не вечен и честно зарабатываемый ею кусок хлеба. Тем более с икрой и маслом. Она думала о будущем дочери. На приеме, конечно же, среди самых обращавших на себя внимание гостей был и 19-летний нападающий сборной Советского Союза, красавец Эдуард Стрельцов. Екатерина Алексеевна приказала подвести гостя пред свои светлые очи. Это исполнил самолично тогдашний министр физкультуры и спорта. Екатерина Алексеевна поздоровалась с Эдуардом, поблагодарила его «за успехи в спорте», поинтересовалась личными проблемами и неожиданно для парня предложила познакомить с дочерью Светланой. «Она так переживала за вас», — с пафосом произнесла руководительница

столичных большевиков. Стрельцов бросил взгляд на стоявшую за мамой худенькую, стриженую, неброской наружности девочку, которая не произвела на него никакого впечатления, и по душевной простоте и провинциальной рабоче-крестьянской наивности после только что перед этим пропущенной стопки водки брякнул… А вот что брякнул, на этот счет есть три версии. Первая: «Я свою Алку ни на кого не променяю. Спасибо». Вторая: «У меня невеста, я собираюсь жениться». И третья, совершенно идиотская, абсурдная, но тоже отвечающая стрельцовской натуре: «У меня нет телефона, некуда будет звонить». Любой вариант становился роковым для великого спортсмена. Екатерина Алексеевна не всегда была добродетельна.

Прошло два года…

1 июня 1958 года на стол первого секретаря МГК КПСС Е.А. Фурцевой ложится докладная записка с приложением документов об изнасиловании футболистом команды «Торпедо» Э.Стрельцовым «несовершеннолетней девушки». Вспомнив о разговоре с юношей на олимпийском приеме, Екатерина Алексеевна наверняка злорадно улыбнулась. Нет, она не собиралась мстить отказавшему ее дочери в руке и сердце дерзкому, неотесанному, зазнавшемуся мальчишке, она могла просто подумать: «Как хорошо, что они не познакомились, ведь он насильник и хулиган». Но, с другой стороны, — известный спортсмен, олимпийский чемпион, орденоносец. И на всякий случай она несет бумаги наверх. На самый верх. К Никите Хрущеву — всесильному хозяину страны. Поговаривали, что между ними были не просто дружески-служебные отношения. Фурцева преподносит своему шефу дело соответствующим образом, да еще и напоминает о свежем Указе Президиума Верховного Совета «Об усилении ответственности за изнасилование». Культ личности Хрущева набирал силу. Один за другим следовали «ударные» методы руководства: «Валютчика к расстрелу!» (о деле Рокотова), «Я вам покажу кузькину мать!» (с трибуны ООН), «Нам не нужны свиньи в чистом советском огороде» (о Б. Пастернаке), «Товарищ Семичастный, выдайте ему заграничный паспорт, пусть уезжает!» (об А. Вознесенском), «Пидарас!» (об Эрнсте Неизвестном и некоторых других художниках)…

Екатерина Алексеевна не стала сдерживать гнева первого секретаря ЦК. «Посадить и надолго!» — приказал Никита Сергеевич Генеральному прокурору Роману Руденко. Тот, может, и понимал, что обвинение трещит по швам, но это же приказ Самого и Самой… Закон в нашей стране всегда сильно буксовал.

…Когда на суде прокурор потребовал 15 лет, мать

Стрельцова упала в обморок…

До сих пор миллионы поклонников таланта гениального спортсмена, равного которому так и не было в нашем футболе, пребывают в обморочном состоянии: «Виноват? — «Да, возможно. Мальчишка малость подзазнался, выпил. Да и девчонка сама хотела». — «Хотела? Сама? Тогда в чем его вина? Ах да, избил женщину. Конечно, нельзя бить женщин! Но такой срок?! Тьма египетская. Конец света!» Ничего не учли: ни молодости, ни ордена, ни оставшегося без отца полугодовалого ребенка, ни престарелости родителей, ни характеристики, ни… ни… ни… Ничего не пожалели, даже мировой репутации советского спорта, а ведь Стрельцов был бриллиантом в его короне… Эдуарда Стрельцова приговорили к 12 годам…

Мне виделся настоящий роман о Великой Екатерине

…Как ни странно, со Светланой мы подружились. Ничто не сближает так, как общее дело. А этим делом стало для нас собирание материалов для будущей книги о самобытной русской женщине, сумевшей из простой ткачихи стать не только министром, но и одной из самых влиятельных персон в стране.

Мы общались со Светланой в течение 1995–1996 годов. Встречались довольно регулярно. В номере санатория «Сосны» Управления делами Президента РФ, на ее даче недалеко от знаменитого Троице-Лыкова, в пустовавшей почему-то квартире на Кутузовском проспекте, в московских кафе… Вместе с ней мы побывали в домах известнейших деятелей культуры, которые уважительно относились к памяти Екатерины Алексеевны, знали ее лично, в частности, у Муслима Магомаева и Тамары Синявской.

На даче Светлана показывала мне книги, картины, вазы, другие подарки, преподнесенные министру культуры. Запомнились портреты Екатерины Алексеевны, написанные художниками в разные годы. С особым трепетом я перекладывал сотни и сотни редкостных фотографий — свидетелей большого периода истории советского государства. Ведь Фурцева стала партийным функционером еще в начале войны, а пост министра культуры занимала целых четырнадцать лет.

«А здесь что-то из архива Вышинского… Если вам интересно, возьмите себе», — брезгливо бросила Светлана, протянув мне ветхую папку с какими-то бумагами, записями, газетными вырезками. (Замечу, что для меня, собирателя всякого бумажного старья, это стало неожиданным подарком-сюрпризом. Дома, раскрыв папку, среди «правдинских» отчетов с заседаний Организации Объединенных Наций, каких-то статей из английских и французских газет я с жуткой дрожью обнаружил

блокноты-ежедневники Вышинского и стал вчитываться в отрывочные фразы, касающиеся самых разных тем. Особенно меня поразила такая запись: «суд Линча». Что имел в виду бывший сталинский прокурор-расстрельщик? Может быть, его преследовали фантомы страшных московских процессов, участником которых он был в 30-е годы?) Как попала эта папка в архив ее матери, Светлана не знала.

— Чья это дача? — поинтересовался я.

— Была мамина, позже мы ее достроили. Но сейчас я больше живу в Испании у дочери.

Самыми, пожалуй, ценными для меня были часы наших разговоров в номере санатория «Сосны», когда Светлана подробно рассказывала о своей жизни. Возможно, впервые кремлевская принцесса так откровенно делилась воспоминаниями с чужим человеком. О свадьбе с сыном члена Политбюро Фрола Козлова, на которой присутствовали Хрущев и Брежнев, о встречах за рубежом с мировыми знаменитостями. О смерти мамы. Хотя я чувствовал, воспоминания на эту тяжелую тему Светлане даются нелегко…

Светлана рассказывала мне обо всем в мельчайших деталях. Я чувствовал, что она ничего не хочет скрывать. Даже, как бы это страшно и странно ни звучало, возможную вину мужа Фурцевой Николая Фирюбина в ее смерти. Дипломат Фирюбин, ставший вторым мужем Фурцевой, стал заместителем министра иностранных дел явно не без протекции Екатерины Алексеевны. Светлана называла его «карьеристом, трусом и служакой» и очень сожалела, что мать не ушла от этого «страшного человека», хотя и подумывала об этом.

Во время моих встреч со Светланой она как-то заговорила о том, что в доме хранилась крамольная по тем временам книга Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Я страшно удивился:

— И мама видела эту книгу?!

— Да. — Светлана разъяснила, что мама, увидев «Архипелаг», не отобрала крамолу, хотя, конечно, понимала, что она наверняка попадет в руки однокурсников Светланы, а это уже серьезно…

Этот эпизод не остановил Екатерину Алексеевну в выговоре Ростроповичу, зачем он поселил у себя на даче автора скандальной книги. Музыкант только отшучивался: «Не всякий может похвастаться, что у него в дворниках лауреат Нобелевской премии».

Еще об Александре Исаевиче. Фурцева, доложив Политбюро ЦК КПСС о письме Солженицына съезду писателей в 1967 году, назвала его «умным и властным» человеком, способным оказать идеологически вредное воздействие на шатких и неустойчивых

людей и просила применить к нему строгие меры вплоть до выдворения из страны. При этом добавляла, что отдельные представители художественной интеллигенции, полагая, что Солженицыну все сходит с рук, сами начинают утрачивать чувство ответственности за творчество и за свое общественное поведение.

О выходках, капризах и стяжательских инстинктах самой Светланы говорили по всей Москве. Говорили также, что это во многом и послужило причиной ухода из жизни Екатерины Алексеевны. Именно дочь настояла, чтобы при строительстве дачи в Барвихе использовали казенный паркет. По слухам, паркет из Большого театра. И мама исполнила прихоть ненаглядной дочурки. Паркет настелили. А на Фурцеву по доносу недоброжелателей из того же Политбюро «наехали» сначала товарищ Пельше (партгосконтроль), а затем Кириленко, взлетевший к тому времени на вершину власти и не любивший Фурцеву, и, наконец, сам Леонид Ильич.

25 октября 1974 года в ванной комнате цековской квартиры на улице Алексея Толстого Екатерину Алексеевну находят без признаков жизни. Инфаркт? Самоубийство? Или?.. Загадка до сих пор.

Екатерина Алексеевна Фурцева была любима многими. Она сделала немало добра отечественной культуре. Среди бумаг из архива, переданных мне Светланой, находится и реестр венков от различных организаций. Я посчитал: память Фурцевой почтили более двухсот самых высоких партийных и государственных учреждений и ведомств столицы. Как вспоминала Светлана, люди плакали навзрыд. Константин Симонов назвал Фурцеву светлой личностью.

Светлана рассказывала о том, какой красивой, умной, заботливой, талантливой была ее мать. Во всем — в своей партийной деятельности, будучи членом Политбюро ЦК, пребывая на посту министра культуры СССР, в проявлении своих чувств к дочери и внучке. Я уже сам понял, что характер Светланы далеко не сахар. И, возможно, своими капризами она регулярно портила матери настроение. Но все это было уже в прошлом. Теперь Светлана хотела одного — увековечить память о матери, видном деятеле времен Сталина, Хрущева и Брежнева в биографической книге. И я тоже загорелся этой книгой. Мне виделся настоящий роман о Великой Екатерине советской эпохи. Вот почему, с головой погрузившись в интереснейшую работу, я стал встречаться с людьми, близкими Екатерине Фурцевой, с теми, с кем она работала, дружила, кому помогала, и с теми, кто до сих пор вспоминает о ней с любовью и уважением. Десятки

имен, телефоны, адреса. Но успел я, к сожалению, не много. Надиктованные Светланой пленки отдал на распечатку в машбюро одной газеты и, когда через полторы недели пришел за материалом, узнал, что Светлана его забрала. Судьба этих, несомненно любопытных текстов о Е.Фурцевой, мне неизвестна. Чуть позже я узнал, что Светлана снова уехала за границу. Больше мы с ней не виделись.

Дочь Екатерины Фурцевой Светлана умерла в Москве в октябре 2005 года.

«Лановой, держи министершу за но́ги…»

Воспоминания народного артиста СССР Василия Ланового, поведанные мне и сохранившиеся в моем архиве

— Нам, актерам, не подобает оценивать государственных деятелей. При жизни их еще можно и должно оценивать, а после ухода вряд ли стоит. Тем более что все последующие министры культуры, которых я наблюдал, не явили собой светлого пятна.

Она, конечно, была державным министром. Именно державным. Может быть, предыдущая деятельность определила стиль ее работы, но это был действительно очень крупный человек, крупная личность. И культуру она вела державно. Она могла решить по тем временам колоссальные вопросы, не прибегая ни к чьей помощи. Ни с кем не согласовывая. Так было, когда она назначала художественным руководителем нашего театра Евгения Рубеновича Симонова, тогда молодого еще режиссера. И целый ряд таких вот основополагающих назначений с ее стороны делались легко и в то же время очень ответственно. То, что мы потом наблюдали многие годы, я имею в виду министерские уровни, лишено было этой державности. Большой государственности.

И наряду с этим Екатерина Алексеевна прежде всего чувствовала себя женщиной. И вела себя так, как ведут себя женщины в той или иной ситуации. Это замечательно, на мой взгляд. Обаятельно, прекрасно. Вспоминаю день похорон Рубена Николаевича Симонова. Гроб с его телом стоял в театре. Съехались многие деятели, члены правительства, актеры. На улице декабрь, мороз. Меня поставили дежурить, я должен был принимать самых почетных гостей.

Приехала и Екатерина Алексеевна. Она вошла в администраторскую комнату и что, вы думаете, стала делать? Искать зеркало! Как любая женщина. А зеркала все вынесены, их нет. Я смотрю, как она заволновалась, раздевшись, стала смотреть по сторонам, посмотрела на меня. Нужно сказать, что она ко мне всегда относилась нежно.

И тут она говорит: «Лановой, достань зеркало». Лановой: «Слушаюсь!». А я знал, что одно из зеркал было спрятано на шкафу. Я сам его туда поставил. Екатерина Алексеевна: «И как я буду туда подниматься?!» С укоризной в мой адрес: «Нет никакой лестницы». Я говорю: «Минуточку, товарищ министр». Ставлю ей стул около шкафчика. Нужно сказать, что Екатерина Алексеевна была не грузной женщиной, но и не худой. Стою. Она примеривается к этому стулу, я протягиваю ей руку, она с легкой укоризной: «Догадался, наконец». Встала на стул, который, надо сказать, был хлипковат. Вдруг под Екатериной Алексеевной он как-то завибрировал, и юмор, который всегда был при ней, тут тоже проявился: она наклонилась надо мной и говорит: «Ну, Лановой, держи министершу за ноги, а то ведь приложится». И вот когда она там, наверху, привела себя в порядок, произнесла: «Давай руку, я что, так и буду тут стоять?» Я помог ей спуститься, и она пошла в зал.

В Фурцевой чувствовались живые человеческие черты, краски.

Еще один эпизод. В Молдавии проходили дни русской культуры. А меня часто посылали в чтецкие вояжи читать Маяковского. Концерт прошел замечательно, Фурцева сидела в правительственной ложе. Похлопывая по плечу первого секретаря ЦК компартии Молдавии, который, как казалось Екатерине Алексеевне, в чем-то не номенклатурно себя вел, она как бы указывала на это. Когда концерт кончился, нас всех собрали, чтобы поблагодарить, порассуждать, кому дать заслуженного…

Стоим, рядом со мной Штоколов, получивший дня три назад звание народного артиста СССР. По тем временам такое звание давали нечасто. Надо сказать, что в тот вечер Штоколов пел хреново, пустил петуха. Фурцева подошла к нам, пожала мне руку, потом посмотрела на Бориса Тимофеевича и говорит: «Ну, ляпнулся, а ведь два дня назад звание дали, черт знает что…» И удалилась. Вот вам еще одна живая краска.

Был и такой случай, который раскрыл еще одно ее качество — ответственность. Мы собирались за границу, и нас собрали в кабинете министра для напутствия. А в то время вышел какой-то фильм, где Михаил Ульянов играл роль предателя. Кажется, Володя Власов его снял. До этого же Ульянов сыграл Ленина. Фурцева, приблизившись к нам, подошла к Михаилу Александровичу и говорит: «После Ленина, товарищ Ульянов, на эту мерзость можно было и не соглашаться». Ульянов: «Я актер и должен играть все, все, все…» А она в ответ: «Да и голову еще надо иметь». И пошла дальше.

Такие вот выразительные зарисовки. Фурцева очень любила красивых актеров: и женщин, и мужчин. Она была неравнодушна

к красоте. Однажды в Малом театре я наблюдал, как она смотрела на красавцев, которые проходили перед ней, со стороны восхищался тем, как она восхищалась нами, актерами. В ее глазах я видел нескрываемый восторг. Для нее это был праздник души.

Что же касается деятельности на посту министра культуры огромной державы, то Екатерина Алексеевна несла на своих женских плечах тяжелую ношу. Сотни музеев, библиотек, кинокультура — все это было в ее ведении. Мы не знали, что такое задержки с зарплатой, унижение, ущемленность культуры, которые мы сейчас наблюдаем. Все, что выделялось на культуру, до последней копейки доходило до нее. Я бы сказал, еще и больше доходило. Почему? Потому что сказывалась ее близость к высшим эшелонам власти. И при Фурцевой культура занимала почетнейшее место. Именно при ней.

Она успевала просматривать важнейшие пробы актеров на Мосфильме. Например, на князя Андрея посоветовала назначить Славу Тихонова, потому что были какие-то проблемы с Олегом Стриженовым. Она ни к чему не была равнодушной и по-хорошему во все влезала. Без ее ведома не проходили никакие крупные проекты.

Фурцева была настоящим державным министром. Таким, каких нынче весьма не хватает.

…Я был на ее похоронах. Видел ее мучительно-страдальческое выражение лица. Меня это поразило, потому что, бывая на похоронах, замечал, как у усопших, как правило, на лике проступает блаженность.

На похоронах мои коллеги говорили: «Лучшие времена, ребята, позади». Известно, как Сталин стращал проштрафившихся: «На культуру посажу!», и те падали в обморок.

При Фурцевой был взлет культуры, мировой взлет. Если бы она была на своем посту и сегодня, сколько бы полезного, хорошего, доброго она сделала для культуры. Как бы мужественно за нее боролась…

1995

Не исключено, что ее могли убрать…

Главный режиссер Театра сатиры (1957–2002) народный артист СССР Валентин Плучек

* * *

— Екатерину Алексеевну Фурцеву я вспоминаю с чувством глубокого уважения и симпатии. В моей творческой жизни она сыграла чрезвычайно положительную роль.

Фурцева являла собой натуру неравнодушную, активную. И ее большой, я бы сказал, коммунистический пафос тоже был искренним. Считаю, что полной противоположностью ей была секретарь МК партии Алла Петровна Шапошникова. Вроде бы тоже партийная женщина, носившая строгие костюмы, белые кофточки, хорошо причесанная, ухоженная. Но при этом внутри — лед, спокойствие, стремление к карьере, холодная оценка любой ситуации, любой шаг просчитывался с точки зрения идеологического момента.

Фурцева же часто сразу шла на риск. Например, когда защищала тех деятелей культуры, которые были не в фаворе. Некоторые этим пользовались, в частности Олег Ефремов, нашедший путь к ее сердцу. Регулярно по утрам ефремовцы всей компанией прибегали к ней в кабинет, и она их постепенно полюбила. Потом стала защищать правого и неправого, а Ефремова протежировала в течение всей своей жизни. Ко мне же она относилась вначале настороженно, дескать, беспартийный, еврей, интеллигент, не замеченный в проявлениях страстных патриотических чувств… Хотя биография моя, если справедливо судить, была весьма примечательной с точки зрения идеологии: добровольно служил во флоте, после войны с потрясающей характеристикой партийного управления (сам удивляюсь!) представили к ордену, отметив: «предан делу партии, Ленина, Сталина». Из-за этой-то характеристики меня более или менее терпели, хотя я позволял себе весьма вольные выступления и несколько раз мое имя полоскали на Политбюро.

Фурцева не была догматиком. Она могла очень искренне загореться, воспылать какой-то идеей, обладала настоящим талантом отстаивать свою точку зрения. Ее выступления на худсоветах убеждали нас, деятелей театра, в том, что перед страной, перед культурой стоят великие задачи и что мы эти задачи должны решить.

Выступая против чего-либо или кого-либо, она, беря на себя ответственность, нередко рисковала.

В последний период своей деятельности Екатерина Алексеевна пребывала в опале. Но с Леонидом Ильичом сохранила хорошие отношения. Когда Театр сатиры праздновал пятидесятилетие, нам хотелось, чтобы ведущим актерам присвоили более высокие звания. Я ломал голову, что мне делать, куда с этим пойти. Как раз в это время Фурцеву понизили в статусе. И я знал, что она чувствовала себя очень одиноко, переживала. Я решил воспользоваться этой ситуацией и, как бы ничего не зная о ее сложном положении, пришел к ней за помощью и советом. Мой приход и моя просьба ее очень тронули,

и она взялась со всей горячностью и искренностью хлопотать за наших актеров.

Хочу заметить, что в то же время Марк Захаров за свой спектакль по пьесе А.Островского «Доходное место» подвергся критике в прессе. Фурцева вызвала меня (очевидно, в ЦК ей указали, кого надо повоспитывать) и резко сделала мне замечание, что, дескать, я тенденциозен в выборе друзей-соратников. «Зачем вы опекаете Марка Захарова, который поставил безыдейный спектакль?» — разделывала меня Фурцева. Я парирую: «Екатерина Алексеевна, ведь еще недавно вы относились к Ефремову весьма прохладно, а теперь Олега Николаевича вы очень цените. Так почему же вы считаете Марка Захарова конченым человеком? Ведь он только начинает свою жизнь в искусстве, он очень талантливый режиссер. Он еще себя покажет».

Когда я упрекнул ее, она сбавила свой гнев. Быть может, поняла, что немного перегнула. Приведу еще один пример. Наш театр давно приглашали на гастроли в Париж. Особенно настойчивыми приглашения стали после представленного французской публике спектакля «Баня» по Маяковскому. Луи Арагон, Эльза Триоле, сестра Лили Брик, и все левое крыло Франции настоятельно хотели нашего приезда в Париж. Но нас не пускали. Целых три года не пускали! Я все пробивал и пробивал эти гастроли, но увы… Преграда была снята, когда из Парижа в Москву приехал один крупный деятель компартии Франции. Власти пошли на компромисс: «Сатиру» отпускаем, но тогда другой театр не поедет… При этом провели идеологическую проверку всех наших спектаклей. На одной из них министр культуры устроила страшный скандал. Она была красная от гнева, покрылась пятнами. Но я чувствовал, что гнев ее был искренним, не напускным. Ее горячая, неравнодушная, стремящаяся к справедливости натура в этом эпизоде очень себя показала.

Неожиданно мне позвонил заместитель Фурцевой. Я с ним встречался раньше, такой здоровый, плотный мужчина. Приказывает: «Немедленно приезжайте ко мне». Я примчался и увидел трясущегося человека. Он потащил меня в кабинет Фурцевой, а по дороге дрожащим голосом инструктировал: «Если Фурцева спросит, смотрела ли спектакль комиссия, скажи, что смотрела». Но интрига провалилась, потому что Екатерина Алексеевна сказала, как отрезала: «Я хочу все посмотреть сама». Зам отвечает, что декорации уже отправлены. «Нет, я должна посмотреть спектакль, пусть играют без декораций», — настаивает министр.

Но, понимаете, ведь это была «Баня» — спектакль, построенный на контрастах, на сложных проекциях. Это все равно что кино, снятое без натуры. Но на все мои доводы она твердила одно: «Хочу посмотреть, как есть». И вот назначили просмотр — импровизационно, без декораций. Мы очень волновались. Но ей, видно, все понравилось, что-то ее тронуло. Присела с нами, очень дружелюбно поговорила, произнесла добрые, напутственные слова: все-таки в капстрану провожала. И получилось так, что без всяких комиссий пропустила «Баню» и, в конце концов, подружилась с нашим театром.

Все это дает мне основание говорить о Фурцевой как о человеке прямом, искреннем. Она могла пойти на рискованные для карьеры поступки, если была уверена в своей правоте. В этом проявился ее настоящий талант руководителя, умеющего убеждать и творчески мыслить.

Могла ли ее смерть быть убийством? Вы знаете, сейчас время раскрывает такое количество тайн… Полагаю, что в ее смерти есть загадка. Не исключаю, что ее могли убрать. Все могло быть — мы жили во времена, когда, если человек мешал, его убирали.

1996

«Она относилась ко мне, как к сыну…»

Народный артист СССР Муслим Магомаев

* * *

Посещение легендарного певца Муслима Магомаева, который сразу же откликнулся на просьбу Светланы о встрече, запомнилось мне какой-то праздничной атмосферой. Встреча происходила вечером в квартире Магомаева и его супруги народной артистки СССР Тамары Синявской в центре столицы. Тамара Ильинична была на гастролях, и нас встретил сам хозяин. Он предложил чай, кофе, но мы от всего отказались — было неловко, что нас будет обслуживать такой знаменитый человек. Надо сказать, что Муслим принял нас очень тепло, чувствовалось, что свое расположение и уважение к Фурцевой он переносит на ее дочь. Сразу приступили к воспоминаниям о Екатерине Алексеевне.

— Так вышло, что с Екатериной Алексеевной я общался довольно регулярно, — начал Магомаев. — В самых разных аудиториях, при самых разных ситуациях. Поэтому не погрешу, если скажу: Фурцеву я знал хорошо. И нисколько не преувеличу: более искреннего, заботливого и, надо отметить, чувствующего талант, чем Фурцева, руководителя по ведомству культуры в

стране не было. Я уверен, со мной согласилась бы и Тамара.

Магомаев вспомнил о том, как в первый раз оказался в Париже на гастролях.

Было это при Хрущеве в 1966 году. Дело в том, что власти Азербайджана были недовольны тем, что молодой артист слишком отдает себя Москве, забывая, откуда он родом.

И вот секретарь ЦК компартии Азербайджана, курировавший вопросы культуры, да и глава республики решили его проучить. «Мы против поездки певца за рубеж», — заявили они. Дескать, молод еще.

— Я был страшно расстроен, — рассказывал Муслим. — Что делать? И я пошел к Фурцевой. Мой визит начался вечером, и только поздно ночью, не удивляйтесь, моя проблема решилась положительно. Какой ценой? Все инстанции, с которыми соединяли Фурцеву, говорили: «Нет, мы против». Оставался глава республики, с которым Фурцеву соединили в последнюю очередь. Не помню точно, что говорила моя защитница, но помню, что ее доводы меня ошарашили. Запомнилась решающая фраза: «У нас единая страна, и все наши интересы должны совпадать». И Ахундов сдался.

Эта поездка принесла молодому певцу всенародную славу, он поднялся на европейский музыкальный пьедестал.

В своих воспоминаниях Муслим отметил, что Фурцева относилась к нему, как к сыну. Такими словами не бросаются.

Советский певец из Азербайджана стал явлением в музыкальном мире. А для человека творческого, да вообще для человека, занятого серьезным делом, очень важно начало его карьеры. Поэтому Магомаев с особой теплотой вспоминал о Фурцевой, которая поставила его на ноги, понимала и поддерживала в трудных ситуациях.

1995

От нее пахло французскими духами

Разговор с патриархом советской карикатуры Борисом Ефимовым в женский день о Женщине

* * *

— Дорогой Борис Ефимович, что и говорить, у вас за плечами совершенно фантастическая жизнь! Невозможно представить, со сколькими выдающимися людьми двадцатого века вы общались и дружили. Большинство из них — возможно, представители мужского пола. Но сегодня, когда мы с вами беседуем, так называемый женский день — 8 Марта. Вы — известный

острослов, ценитель юмора. Хочу поинтересоваться: с Кларой-то Цеткин не общались?

— Вы напрасно меня подкалываете, конечно, встречался. В «Правде», на демонстрациях… Но карикатуры на нее у меня нет.

— А теперь, Борис Ефимович, серьезно: я собираю материал о Екатерине Алексеевне Фурцевой, с которой вы, как я знаю, встречались. Какой она вам видится как женщина и министр на фоне разного рода разломных событий второй половины двадцатого века? Ведь о ее жизни и судьбе разное говорят.

— Я бы назвал Екатерину Алексеевну Фурцеву в числе таких моих великих современниц, как Вера Мухина, Анна Ахматова, Галина Уланова, Фаина Раневская, а из зарубежных представительниц слабого сильного пола — «железная леди» Маргарет Тэтчер. Без колебаний поставлю рядом с ней нашу «ткачиху» Екатерину Фурцеву.

Волевая, целеустремленная, обладавшая недюжинным умом и властным мужским характером, она — это чудо! — за какие-то двадцать лет поднялась на самую вершину пирамиды власти. Но она в этой власти не только сама продержалась десятки лет, но и, как известно, спасла Хрущева, политическая карьера которого могла бы закатиться раньше. И «воевала» за Никиту Сергеевича на мужском поле, рука об руку с самим маршалом Жуковым.

Но при этом, находясь внутри партноменклатуры, она не выглядела серой, безликой партийкой. Всякий раз, когда я ее наблюдал, она являла собой вызов всем женщинам, которые не придают своей сущности особого внимания. От этой элегантной дамы всегда пахло французскими духами.

Чувствуя ее твердость в каком-то принятом решении, мало кто осмеливался ей возражать. Не забуду такой случай. Реконструировали одну из улиц, решали вопрос: сносить или не сносить старинный особняк. У проектировщиков не поднималась рука ломать добротное красивое здание. Решили дождаться мнения Фурцевой, тогда первого секретаря Московского горкома партии, которая вот-вот должна была приехать на место дискуссии. Приехала, энергично выпорхнула из машины, поправила волосы, попросила документы и через минуту веско бросила:

— Дом сносите!

Села в машину, и след ее простыл.

* * *

Не забуду еще один эпизод, тем более что он связан со мной

лично. Праздновался юбилей известного скульптора Екатерины Белашовой. Фурцева пришла на торжества в добром расположении духа. В интеллектуальном кругу министр, поднявшись на возвышение, сказала в адрес именинницы приветственные слова. Хочу заметить, слова не банальные, а теплые, шедшие из глубины души и сердца.

И вдруг Екатерина Алексеевна обращается к стоящему рядом Ивану Семеновичу Козловскому с банальной дамской просьбой:

— Иван Семенович! Помогите-ка мне спуститься…

Знаменитый певец, не растерявшись, подхватил Екатерину Алексеевну на руки и… передал ее мне. Я бережно принял на себя приятную, важную ношу и осторожно поставил на ноги.

И тут услышал:

— Ей наливать больше нельзя.

Хочу заметить, что, по слухам, Фурцева, бывая на разного рода торжествах, банкетах, не отказывалась от спиртного. Да и куда ей было деваться, кругом были мужчины, и ей надо было играть по мужским правилам.

Но, в общем, все было в норме. И в тот раз ее хорошее настроение не было связано со спиртным.

Я могу еще много интересного о ней рассказать, ведь среди моих друзей были и ее друзья. С гордостью добавлю, что у меня хранится телеграмма министра культуры СССР, которую она прислала мне 10 ноября 1972 года:

«От имени Коллегии Министерства культуры СССР и себя лично сердечно поздравляю вас с присуждением Государственной премии СССР. Созданные вами на протяжении многих лет творческой деятельности произведения сатиры, политической карикатуры, агитационного плаката получили заслуженное признание советского народа. Желаю вам, дорогой Борис Ефимович, здоровья и новых творческих достижений. Министр культуры Союза Фурцева».

1996

Вникала в дела, умела власть употребить…

Из интервью и статей разных лет

За более чем пятьдесят лет работы в журналистике я взял у своих знаменитых современников — актеров, писателей, музыкантов, художников, общественных деятелей неисчислимое количество интервью. Они были опубликованы в «Огоньке», «Литературной газете», «Литературной России», «Книжном обозрении», «Версии — Совершенно секретно», «Мире новостей» и в других изданиях, а также в моих книгах.

Работая над этой книгой, я заглянул в свой архив и обнаружил, что во многих беседах мы с моими собеседниками касались фигуры яркой, самобытной женщины — министра культуры СССР Екатерины Алексеевны Фурцевой. Это было не специально, как бы на ходу, но каждое касание, фрагмент, мазок раскрывали яркую, противоречивую личность, которая до сих пор вызывает интерес и споры у современников. И я решил дополнить книгу главой, составленной из этих фрагментов.

«По Ее распоряжению рисовать Индиру Ганди я полетел с женой…»

— Вас, Илья Сергеевич, всегда считали придворным живописцем, то Брежнева рисовали, то короля Испании, то королеву Швеции… Нынче-то в Кремль зовут?

— Насчет Брежнева — легенда. Портрет писал по фотографии. А насчет вызова в Кремль скажу так… Леонид Ильич собирался лететь в Индию, и к этому историческому визиту решили сделать Индире Ганди подарок, поручив народному художнику СССР Дмитрию Налбандяну изобразить индийского лидера во всей красе. Тот честно работал, но Ганди картина не понравилась, она вернула ее со словами: «Я не армянка». Тогда в Министерство культуры вызвали меня. Фурцева сказала: «Немедленно собирайтесь в Индию!» Я нагло объявляю, что без жены никуда не полечу. «Хорошо, я распоряжусь…» — сказала она, и действительно, нас вдвоем с Ниной выпустили в Индию. Встретился, нарисовал. Ганди портрет очень понравился. Я был доволен. Вроде бы его осмотрела и Фурцева и отозвалась хорошо… А потом мне передали, что Леонид Ильич заявил: «Как это так, Глазунов рисует только зарубежных лидеров! Вот у меня скоро юбилей…»

(Из интервью с художником Ильей Глазуновым, 1989)

* * *

Самоубийство или…

— Правда ли, что смерть Фурцевой была насильственной?

— В этой истории мне разбираться не приходилось. Все знавшие ее товарищи утверждали, что она покончила жизнь самоубийством в ванной комнате собственной квартиры.

(Из интервью с председателем КГБ СССР В.А. Крючковым, май 2001)

* * *

Помогала, конечно, помогала…

— Я слышал, что к вам благоволили два министра культуры — Фурцева и Демичев, пришедший вслед за ней? Якобы кто-то из них подарил вам рояль «Стейнвэй»…

— Петр Нилович и впрямь ко мне хорошо относился, ценил мой голос, помогал. Наверное, с его подачи мне и подарили «Стейнвэй», роскошный белого цвета рояль. А потом министра сменили. Пришел некий Захаров. Он ничего в искусстве не соображал, зато сразу отобрал у меня рояль, подаренный его предшественником. Знаете, как в 17-м году: пришли матросы и экспроприировали. Не рояля было жалко, обидно из-за хамского отношения и несправедливости.

У меня тогда случился нервный криз, изменился голос… Все думала: сколько же я валюты им привезла, всем этим министрам, «стейнвэями» всю дорогу от моего дома на Патриарших до Кремля можно заставить. И так со мной поступить!

Екатерина Алексеевна была совсем другой, помогала мне, конечно, помогала. Иногда продляла заграничные командировки, разговоры с ней всегда были человеческими, теплыми. Что и говорить, женщина и министр в ней сочетались, я бы сказала, по довольно высокому счету. И сегодня вспоминаю ее с самыми добрыми чувствами. Что бы о ней ни говорили, она была совершенно неординарной личностью. Главное, Феликс, личностью. Я восхищаюсь ею: как она с мужиками расправлялась, с подчиненными, с известными деятелями культуры. Расправлялась — я имею в виду в том смысле, что вникала в дела и умела власть употребить.

Конечно, было в ней много детского, смешного, ведь из простых попала на такую вершину. Но училась, схватывала. Вот этот трогательный наив поступков в поведении рядом с решениями государственного общекультурного масштаба меня всегда восхищал. А нынче мы никому не нужны.

(Из интервью с Еленой Образцовой, февраль 1999)

* * *

Она любила красивых мужчин

— Василий Лановой говорил мне, что на похороны Рубена Симонова приезжала сама Екатерина Фурцева. Вы хоронили своего главного, видели министра?

— Когда умер Симонов, мы, молодые, были потрясены. Не только смертью нашего учителя, но и всем, что творилось вокруг похорон. Помню морг, больницу, привоз тела в театр… Вся труппа всю ночь исповедовалась перед Рубеном Николаевичем. Мы рассказывали друг другу легенды, вспоминали случаи из жизни театра, и даже… шутили. А утром и впрямь приехала Екатерина Алексеевна. Мрачная, даже угрюмая, но держалась… Стояла у гроба, долго смотрела, что-то говорила стоявшим рядом актерам. В театре ее сопровождал Василий Лановой. Это, наверное, неспроста: она любила красивых мужчин и всегда при любых обстоятельствах оставалась женщиной. Потом Василий рассказывал, что, войдя в театр, она чуть ли не сразу стала искать зеркало, чтобы посмотреться, а зеркала-то все были закрыты, траур. В общем, Лановой помог ей и зеркало найти, и был все время рядом с ней. Вот какой свойский был у нас министр культуры в былые времена.

(Из интервью с Вячеславом Шалевичем, январь 2001)

* * *

«…Бабуля была невыездной»

— Вы спрашиваете, почему Клавдия Ивановна не устраивала заграничных концертов? Это не так, в некоторых соцстранах она побывала, но на Запад ни разу не ездила, хотя и хотела. По нашим предположениям, бабуля была невыездной. Все мотивы запрета на посещение капстран мы не знаем, но, к сожалению, у нее не сложились отношения с Екатериной Алексеевной Фурцевой. Может быть, не из-за министра, а из-за того, что характер Клавдии Ивановны был не из легких.

Сама Шульженко никого ни о чем не просила. Ну, только если уж совсем невмоготу. А ее аккомпаниатор хотел купить машину. И он попросил Шульженко обратиться к Фурцевой. Она записалась к ней на прием. Сказали, что Екатерина Алексеевна ждет ее в 11 часов. Она пришла чуть пораньше. Сидит в приемной 10 минут, 20, 30, 40… Спрашивает секретаршу, в чем дело. А Клавдию Ивановну предупредили, что если Фурцева вовремя не примет, то, значит, она не в форме. Это был как раз период, когда

она пила. Секретарь сказала, что придется еще подождать. И тогда Клавдия Ивановна вспылила и сказала: «Передайте министру культуры, что она не владеет элементарными правилами культурного поведения!» Встала и ушла. Но вот что произошло буквально через три дня, на юбилейном вечере Колмановского в Колонном зале. Справа полукругом сидели композиторы, друзья и Екатерина Алексеевна. В центре стоял рояль. Пели песни. Эдуард Савельевич попросил Клавдию Ивановну, чтобы она спела три его песни. Ведущий объявляет: «Выступает Клавдия Шульженко». Екатерина Алексеевна демонстративно встает и уходит. Шульженко поет свои песни, принимают ее прекрасно, уходит. В тот же момент Екатерина Алексеевна возвращается. Немножко по-бабски вела себя министр культуры.

(Из интервью с внучками Клавдии Шульженко, ноябрь 1998)

* * *

Все-таки ее смерть — загадка до сих пор

— А к похоронам Екатерины Фурцевой в 1974 году Виктор Васильевич имел какое-то отношение?

Александр Викторович, сын В.В.Гришина:

— Конечно, он хорошо знал Екатерину Алексеевну, ведь когда-то они вместе работали. Фурцева была первым секретарем горкома, а отец — вторым. Но поскольку Фурцеву в 1961 году вывели из состава ЦК, отец с ней общался уже мало.

Ирина Михайловна, вдова В.В. Гришина:

— Вы знаете, в связи с Фурцевой я могу поведать весьма любопытный штрих. Все-таки ее смерть — загадка до сих пор, покончила она с собой или умерла естественной смертью. Так вот, буквально за день до ее кончины мы встретились с ней в кремлевской больнице. Там лежала в очень тяжелом состоянии мама Виктора Васильевича, и я ее навещала. В коридоре встретились с Екатериной Алексеевной. Мы были знакомы, одно время даже вместе жили на даче. Она меня спросила, по какому поводу я здесь, а я ее спросила о том же. «У меня что-то с сердцем плохо, болит…» Повторяю, это было сказано за день до смерти. Так вот, мне кажется, что Фурцева все-таки умерла своей смертью.

(Из разговоров с сыном и вдовой первого секретаря МК компартии В.В. Гришина Александром Викторовичем и Ириной Михайловной Гришиными, ноябрь 2000)

* * *

«А что это за сиськи и ляжки?!..»

— Рассказывают, что однажды, когда возводимое по решению Президиума ЦК КПСС сооружение нового здания МХАТа подходило к концу, на стройку неожиданно нагрянула министр культуры Екатерина Фурцева. Остановившись у главного входа в театр, она подняла голову и недовольно спросила: «А это еще что за (простите меня, Татьяна Васильевна, но будто бы именно так выразилась Екатерины Алексеевны) сиськи и ляжки?» «Это кронштейны, поддерживающие фонари над парадным входом, выполненные в виде порхающих амурчиков», — объяснил архитектор, присутствовавший здесь же. «Убрать!» — дала указание министр.

Вот почему теперь мы созерцаем те самые кронштейны только уже в виде большой буквы «Г», очень напоминающие… виселицы. Да и вообще вы, наверное, слышали, что это здание зовут то тюрьмой, то Бастилией. Как вам здесь работается? Какова в помещении аура?

— Да, ну и вопросик. Своеобразная архитектура этого здания кому-то нравится, кому-то нет. А что касается ауры, то мы ее сами и создаем, и аура для зрителей весьма благоприятная, если они нас любят и постоянно к нам приходят. Вот и сегодня почти аншлаг.

Мне трудно ответить на ваш вопрос об осмотре ею нашего здания много лет назад. Скажу только, что она говорила так, как понимала архитектуру того времени. Если она, конечно, разбиралась в ней. Но ее визит был нам приятен. Помимо кронштейна она сказала добрые слова и пожелала успехов у зрителей на всех наших спектаклях.

(Из интервью с Татьяной Дорониной, декабрь 1998)

* * *

Могла извиниться, поняв ошибку

— Опекать ленту «Битва в пути» взялась сама Фурцева. После каждого ее приезда на студию картину без конца переделывали. В итоге вся вторая часть книги, в художественном плане самая интересная, из фильма ушла. От многих сцен с моим участием во второй половине фильма остался один монолог, да и тот я потом четыре раза переозвучивала, и все четыре раза — с абсолютно разным текстом…

Она терзала и Михаила Ромма за фильм «Обыкновенный

фашизм», могла позволить себе поднять крик, зная, что никто не посмеет ей возразить. Но могла и извиниться, поняв свою ошибку, как это было после выхода на экран фильма Андрея Смирнова «Белорусский вокзал», в котором вместо назначенной Фурцевой актрисы Макаровой все же снялась Нина Ургант.

(Из интервью с Натальей Фатеевой, 1999)

* * *

У нас своя Каренина

— Как к вам относилась Екатерина Алексеевна Фурцева, тогдашний министр культуры? Пришлась ли ей по душе Вероника?

— Сразу же после Канн меня позвали в министерство, и я встретилась с Фурцевой. Я сказала, что немного устала, что переболела болезнью Боткина и хочу немного отдохнуть. И Фурцева вызвала моих папу с мамой и предложила им в пользование в качестве дара участок земли в Переделкино площадью двадцать восемь соток. Ну, конечно же, на всю нашу семью.

— И эта земля ваша по сей день?

— Да, в разросшемся саду мы собираем урожаи и очень любим там бывать.

— Скажите, а как же так вышло, что вы не снялись в Голливуде, ведь вас туда звали на съемки «Анны Карениной» вместе с Жераром Филипом?

— Да, я очень переживала, когда сорвалась эта затея и я не смогла ответить на приглашение. Тут несколько причин. Одна из них — та, что я, снимаясь в «Альба Регия» и изучая венгерский язык, стала забывать английский. Но главная причина в том, что наши чиновники из Госкино, конечно, не хотели отпускать меня на съемки в США.

Будто бы Фурцева жестко заявила: «Какая Америка? Самойлова — советское достояние. У нас будет своя “Анна Каренина”!»

К сожалению, снялась я у Зархи в «Анне Карениной» лишь через десять лет.

(Из интервью с Татьяной Самойловой, 2001)

* * *

40 секунд с Фурцевой

В 1999 году для газеты «Вечерний клуб» я брал интервью у известного актера, главного режиссера Малого театра Юрия Соломина. Спросил его и об отношениях с родным братом, также известным актером Виталием Соломиным (тогда он был жив).

— Отношения нормальные. Брат есть брат. Ни ревности, ни зависти друг к другу…

И словно для финальной сцены в спектакле после длительного интервью вырвался у меня неожиданный вопрос о бывшей коллеге бывшего министра культуры (Юрий Соломин пребывал в должности министра Российской Федерации с 1990 по 1992 год) Екатерине Фурцевой. Были ли контакты со столь колоритной личностью?

Неожиданный ответ Соломина лишний раз подтверждает легенды о самобытно-сумасбродной личности Екатерины Третьей:

— В начале сентября 1972 года после съемок «Адъютанта его превосходительства» я заработал сильный радикулит. Стал ходить с палочкой. Приковылял на какой-то важный сбор труппы. По лестнице подниматься тяжело, доковылял до «начальственного» лифта. Вошел, уже почти дверь захлопнул, как до меня донеслось: «Стой!» Бежит администратор: «Стой! Фурцева приехала в театр». В лифт вошла Екатерина Алексеевна, поздоровалась. Спросила, что это со мной. «Да вот, — говорю, — радикулит». Ехали секунд сорок, еще парой фраз перемолвились. А через неделю получаю того самого «заслуженного», которого ждал несколько лет! Так случайные сорок секунд в лифте с Фурцевой дали мне творческий толчок «вперед и выше».

— Вот что значит, Юрий Мефодьевич, в нужный момент оказаться в нужном месте. Да еще и рядом с министром.

«Добрая была баба …»

Я вышел из машины, огляделся. Улица Щусева. Район, что называется, центрее некуда.

— Неплохо устроились, Владимир Абрамович, слева жил товарищ Суслов, справа товарищ Брежнев, а прямо — товарищ Фурцева.

— Это моя, кажется, уже пятая квартира. Сейчас вспомню. Яузские ворота, Чистые пруды, гостиница «Украина»…

— А в гостиницу-то как занесло?

— Да с легкой руки Екатерины Алексеевны, о которой, кстати, у меня остались светлые воспоминания. Хорошая и добрая была баба. Конечно, она принадлежала к той партийной элите, но человеком была. Так вот, жил я в то время в общей квартире: мама, папа, бабушка, тетка и я, только что женившийся. Отчаянное положение. И вот спектакль в театре Вахтангова «Два веронца» Шекспира посещает министр культуры Фурцева. И как я

прослышал, моя игра ей понравилась. Друзья подзуживают: «Иди к Фурцевой и под фарт проси квартиру». Я не будь дураком на другое же утро звоню. Секретарша интересуется: по какому вопросу. Молчу как рыба. Месяц названивал. Наверное, надоел этой секретарше хуже горькой редьки. Но вдруг она извещает: «Поскольку вы не сообщаете о цели разговора, я вас сейчас соединю». А я не люблю телефонных переговоров, считаю, что личное общение намного плодотворнее. Но делать нечего, набрал воздух в легкие и выпалил Екатерине Алексеевне свою заботу. И, как в сказке, через два дня въехал в жилой корпус гостиницы «Украина». Оказался соседом Бориса Бабочкина, Сергея Герасимова, писателя Леонида Соболева, циркача Миляева.

Еще один эпизод, связанный с Фурцевой. Под конец съемок «Кавказской пленницы» чуть не пришлось переозвучивать половину ленты. Дело в том, что секретарь партийной организации «Мосфильма» носил фамилию Сааков. А в фильме, если помните, был товарищ Саахов. Реальный Сааков посчитал, что появление в картине Саахова — скрытая издевка. И повелел фамилию заменить. Ситуацию спас Юрий Никулин. Он добрался до министра культуры Екатерины Фурцевой и пожаловался, что по прихоти одного-единственного человека придется тратить громадные государственные деньги. Фурцева решила проблему одним звонком на студию: «Прекратите этот идиотизм!»

(Из интервью с Владимиром Этушем, 2000)

* * *

«Доходное место» не приглянулось

— Скажите, уважаемый Александр Анатольевич, главный режиссер Театра сатиры, а сатира-то нынче есть?

— Лет пятнадцать-двадцать назад она была, потому что была цензура, репертком, которые не давали жизни театру. Раньше и впрямь в этих стенах такие трагедии с драмами разыгрывались с закрыванием спектаклей. Один «Теркин на том свете» чего стоит, или вся эта эпопея с эрдмановским «Самоубийцей», или захаровское «Доходное место», которое не приглянулось Фурцевой… Сейчас какая сатира?! Сейчас гуляй — не хочу. Да и как можно нынче переострить Жириновского. Так что наш театр мне видится театром имени Сатиры, театром памяти Сатиры.

(Из интервью с А.Ширвиндтом, 2000)

* * *

«Лифаря в Большой не пускать!»

Знавшие Фурцеву считали, что во вверенном ей культурном пространстве она действовала то кнутом, то пряником. Эпизод, о котором я хочу рассказать, не подходит ни под то, ни под другое. К сожалению, нередко Екатерина Алексеевна руководствовалась чистой идеологией. Естественно, сама она не могла вникнуть во все проблемы Министерства культуры, а иными ее советниками, и в первую очередь цековскими начальниками, двигали прежде всего партийные принципы.

Драматическую историю на эту тему поведал в 1980 году на заседании Клуба книголюбов (руководителем которого я был) в Центральном доме архитекторов известный искусствовед, коллекционер Илья Самойлович Зильберштейн. Многие годы он разыскивал по всему свету картины русских художников, автографы великих писателей, их архивы с благородной миссией — вернуть России ее духовные ценности. Для этого он начал переписку с видными представителями русской диаспоры во Франции. В 1964 году опубликовал в парижской русскоязычной газете «Голос родины» обращение на эту тему к русской эмиграции. Одним из первых откликнулся на его призыв знаменитый танцовщик и балетмейстер Серж Лифарь, который в течение четверти века был художественным руководителем Гранд-опера. Именно он сумел выкупить на аукционе «Сотбис» архив Сергея Дягилева. Главной ценностью этого архива были письма Пушкина Наталье Николаевне Гончаровой. Отдать раритеты России Лифарь соглашался при условии, что советское правительство даст ему возможность поставить несколько балетов на сцене Большого театра. Главный балетмейстер Большого Юрий Григорович воодушевился прекрасной возможностью предоставить сцену всемирно известному великому балетмейстеру. Ему очень хотелось, чтобы Лифарь поставил три одноактных балета для прославленных московских балерин: Майи Плисецкой, Натальи Бессмертновой и Екатерины Максимовой.

Решить вопрос о приглашении балетмейстера из Франции можно было только на уровне министра культуры СССР. Однако все попытки Григоровича попасть на прием к Фурцевой не увенчались успехом. Видимо, Екатерине Алексеевне внушили, что гениальный Лифарь может развенчать миф о том, что СССР «в области балета впереди планеты всей». Григоровича принял ее заместитель по международным связям Попов. Он цинично заявил, что первая сцена СССР навсегда закрыта для эмигранта.

Балетмейстеру отказали, а много лет спустя автографы Пушкина выкупили за миллион долларов у наследников Лифаря.

P.S. Нами Микоян, прочитав мою зарисовку, решила ее прокомментировать. Вот что она рассказала.

— Работая над книгой о Фурцевой, я, конечно же, знакомилась с ее архивом. Среди множества книг и документов находятся книги и Сержа Лифаря с теплыми надписями Екатерине Алексеевне. На одной из них, «Дягилев и с Дягилевым», изданной в Париже в 39-м году, написано: «Прошу Вас прочесть мое сказание о Русской культуре на Родине и в Зарубежье, о «Чуде» Дягилева и его «Русских балетах», переродивших театральную эстетику Запада». Книги для Фурцевой Лифарь передал с Ольгой Лепешинской. Ольга Васильевна рассказывала, что он написал короткую записку, в которой просил Лепешинскую бережно отнестись к книгам, предназначенным Екатерине Алексеевне. Балерина до конца жизни хранила автограф великого танцовщика в медальоне.

Фурцева, бывая в Париже, встречалась с известным балетмейстером, можно предположить, что они обсуждали и приезд Лифаря в Москву, ведь Екатерина Алексеевна старалась, чтобы русские эмигранты участвовали в культурной жизни своей родины, тем более такие мировые звезды, как Серж Лифарь. Поэтому я не думаю, что лично Фурцева не пустила Лифаря в Москву. Наверняка этот вопрос обсуждался выше, в ЦК. А решение спустили уже в министерство.

Что ж, до слез обидно, что порыв нашего соотечественника, чье имя и талант признавали во всем мире, не нашел ответной реакции у него на родине. И теперь-то уж не так важно, кто именно сказал: «Не пущать!» Важно другое: страной правили необразованные, малокультурные, идеологически зомбированные чиновники, из-за которых наша страна на многие годы отстала от мировой цивилизации.

«Почему на вашем лице не видно косметики?»

Министр культуры СССР позирует английскому художнику

Фигура Фурцевой, особенно в последние два десятилетия, стала почти мифической. О ее жизни и трагической судьбе созданы кино— и телефильмы, пишутся романы и воспоминания. Но при этом открываются все новые и новые факты ее интересной и насыщенной жизни. В 2008 году, получив на рецензию в одном издательстве книгу о советском разведчике, я обнаружил довольно яркий сюжет, связанный с Екатериной Алексеевной. Речь шла о художнике-портретисте по фамилии Уард, который был весьма известен в Лондоне, но о котором мало кто знал в Москве. Этот Уард и впрямь слыл не бездарным художником. Его заказчиками были, среди прочих, премьер-министр Великобритании Гарольд Макмиллан и сэр Уинстон Черчилль.

Летом 1961 года в Англию с кратким рабочим визитом прибыла министр культуры СССР Екатерина Фурцева. Прослышав об этом, господин Уард упросил своих высокопоставленных друзей устроить ему встречу с советским министром. «Мне необходимо написать ее портрет, — твердил он. — Русский министр-женщина позирует мне!»

В те далекие годы о личной жизни советских руководителей писать было не принято. А уж тем более рисовать их портреты с натуры.

Надо сказать, что другом рисовальщика был сотрудник советского посольства. Он-то и пообещал Уарду аудиенцию с Фурцевой. Для того чтобы осуществить эту полуфантастическую затею, дружок, забыв о протоколе, пробрался в апартаменты Фурцевой. Такого нахальства и бесцеремонности министр не ожидала. Не дожидаясь разноса за нарушение субординации, гость выложил Фурцевой аргументы в пользу приема ею «известнейшего английского художника». Одним из аргументов было его заверение, что руководство советского посольства в лице посла Солдатова активно поддерживает эту идею, хотя все это было блефом.

Фурцева сдалась: «Хорошо, приводите своего англичанина. Пусть рисует. Только я смогу уделить ему не более пятнадцати минут».

В назначенный час Уард появился в здании посольства СССР. Его провели в апартаменты Фурцевой, которая, расположившись в кресле у окна, разрешила художнику начать сеанс.

Уард рисовал на бумаге, время от времени задавая Екатерине Алексеевне вопросы типа: «вы первый раз в Лондоне?», «как вам здесь нравится?», «вы любите живопись?», «как вы относитесь к модерну?», «вы прекрасно выглядите — как вам это удается?», «занимаетесь ли вы теннисом?», «почему на вашем лице не видно косметики, а на шее драгоценностей?..»

Фурцева кратко отвечала, а через четверть часа повелела: «Ну-ка, дайте мне взглянуть. Недурно. Мне кажется, я похожа».

— Не забудьте прислать публикацию моего портрета в газете ближайшей почтой, — сказала Екатерина Алексеевна. — И приезжайте в Москву, я буду рада продолжить знакомство. Кстати, возможно, и Никита Сергеевич согласится вам позировать, — бросила она на прощание то ли в шутку, то ли всерьез.

На другое утро свежий номер «Дейли телеграф» мгновенно разлетелся в киосках.

Фурцева: Pro et Contra

Марецкая или Орлова? Кто «первее» — рассудила Фурцева

В театральном мире известна коллизия между народными артистками СССР Верой Марецкой и Любовью Орловой, работавшими в Театре имени Моссовета. Последняя работа Орловой в театре в заглавной роли в пьесе Джона Патрика «Странная миссис Сэвидж» вызвала огромный интерес зрителей. Эту же роль играла и Вера Марецкая, вошедшая в роль довольно неожиданно, но быстро ее освоила. Марецкая играла с упоением, с блеском.

Эта роль оказалась тоже ее последней ролью. Но в театре существует неукоснительный закон: строгая очередность участия в представлениях. Это вопрос дисциплины и этики. Марецкая — «хозяйка театра» — при ее особых отношениях с главрежем, сыграла… семь раз подряд.

Это было беспрецедентно. Перед Орловой, которая как бы была «задвинута» Марецкой, даже не сочли нужным извиниться. Встревоженная, она звонила в театр, но никакого вразумительного объяснения не получала. Наконец, чувствуя себя глубоко оскорбленной, она заявила, что вынуждена будет обратиться на самый верх. «К кому это, на самый верх?» — спросили ее коллеги. «Я позвоню министру культуры Фурцевой».

Но далее загадка — позвонила или не позвонила, встречалась с министром или нет, но угроза подействовала, ее снова выпустили на сцену в роли миссис Сэвидж.

Кстати, вскоре две знаменитые «конкурентки» оказались в Кунцевской больнице, правда, в разных отделениях, и Марецкая через медсестер передавала Орловой приветы. Орлова не отвечала. Вскоре она умерла. В день ее похорон, в холодный январский день 1975 года, Марецкая была тяжело больна, но с высокой температурой приехала в театр до начала панихиды и долго стояла перед открытым гробом. О чем думала она тогда — о ревности, о вечности, о том, как трудно выживать и быть всегда первой в искусстве, а, может быть, она все же вспоминала Екатерину Алексеевну, которая, быть может, не всегда, но искренне старалась быть, а не казаться справедливой.

(Из книги И.Фролова «Любовь Орлова»)

* * *

Смешно о детстве, романтически — о юности

Многие знавшие Фурцеву считают, что она довольно быстро освоила роль трибуна. Откуда в ней прорезался ораторский темперамент, умение достойно держаться на сцене или на трибуне, трудно сказать, но скорее всего она и здесь очень старалась. Недаром ходит легенда о том, что дикции она училась у Веры Марецкой. Так вот, одно из первых заметных выступлений Екатерины Алексеевны было в Академии общественных наук в 1955 году. Тогда она работала секретарем Фрунзенского райкома партии. Вот свидетельство очевидца: «На сцену вышла стройная, красивая, молодая женщина. Все обратили внимание на то, что она не разложила на столе листки бумаги, а сразу стала говорить, импровизировать. Начала просто: немного о себе, смешно о детстве, романтически о юности. О том, что не думала, что будет когда-нибудь выступать в этом красивом зале перед серьезной аудиторией. Потом перешла к обсуждению работы райкома. Вроде бы сменила тему, но опять говорила естественно, без занудства, с юмором. А ведь разговор серьезный — о том, как жить дальше. Перешла на разговор о стране, о послевоенном периоде, о промышленности, строительстве, об образовании, о многом другом. И во всем выступлении рефреном звучали слова о том, что нам надо сделать страну самой сильной, самой передовой.

Когда Фурцева закончила свою речь, зал едва ли не встал, долгие аплодисменты наградили оратора. А потом в кулуарах к ней многие подходили и не стесняясь поздравляли с красивой речью».

(Из воспоминаний Д. Квока, работника Фрунзенского райкома партии)

* * *

Регулярно посещала Сандуны

Шаляпинскую традицию в Сандунах в наш век поддержали Екатерина Фурцева и ее подруга, которую автор книги «Сандуны» Анатолий Рубинов представляет словами: «певица, поющая зычным голосом». Кто она? Сейчас отвечу. Но сначала скажу о ее подруге, бывшей ткачихе, увлекавшейся в молодости авиацией, окончившей институт тонкой химической технологии и волею партии ставшей в конце карьеры министром культуры великой державы, регулярно посещавшей бани. «Зычным голосом», еще и красивым, пела в номерах Зыкина, Людмила Георгиевна, народная артистка СССР, дружившая со страдавшей одиночеством (несмотря на замужество и высокую должность)

министром культуры СССР. Фурцева прошла путь в партии от секретаря райкома до секретаря ЦК. Не обижена была природой ни красотой, ни умом. Но дважды накладывала на себя руки. Не от несчастной любви. Первый раз резала вены и впадала в депрессию после того, как товарищи по Политбюро вывели ее из состава этой всемогущей компании и освободили от должности секретаря ЦК и первого секретаря Московского горкома партии. То была, скажу молодым, старые и так знают, должность губернатора, главнокомандующего Москвы. Ее славно исполнял как раз князь Долгоруков, первый помывшийся в Сандунах из серебряной шайки.

Второй раз Екатерина Алексеевна не выдержала унижения, когда все те же товарищи из Политбюро и ЦК партии нашли криминал в постройке подмосковной дачи… В свете нынешних дачных сюжетов эта давняя история кажется не стоящей выеденного яйца. Но тогда представлялась позором. Его гордая Екатерина пережить не смогла.

…Я видел ее на лестнице Колонного зала, где, накинув на светлую голову косынку, вообразив себя, как в молодости, ткачихой, она рассаживала на ступенях смущавшихся делегатов городской партконференции от Краснопресненского района и Трехгорки. В центре разношерстной группы, сколоченной по принципам партдемократии, Фурцева выглядела яркой, веселой кинозвездой. О ней когда-нибудь напишут…

(Из книги Л. Колодного «Москва в улицах и лицах»)

* * *

Она входит в десятку…

Фурцева полна энергии и творческих замыслов и, как всегда, продуманно и быстро решает все вопросы.

Я знаю Екатерину Алексеевну уже 22 года (секретарь МК, секретарь ЦК, министр культуры), у нас с ней были десятки деловых встреч, и всегда я восхищался ее уменьем быстро находить правильные решения самых непростых вопросов.

Е.А.Фурцева — единственный министр-женщина в правительстве Советского Союза, но она, бесспорно, входит в десятку лучших наших министров и даже в десятку лучших государственных деятелей…

(Из воспоминаний генерал-полковника авиации Героя Советского Союза Н.П. Каманина)

* * *

Еще раз про «еврейский вопрос»…

При Хрущеве не было проведено осуждения готовившегося выселения всех евреев на Колыму, не состоявшегося чудом из-за смерти Сталина…

Были проведены расстрелы евреев по обвинению в экономических преступлениях именно при Хрущеве. Тогда же были ограничения на число евреев в вузах.

«Количество евреев в институтах должно равняться количеству евреев-шахтеров», — говорила министр культуры Фурцева.

(Краткая Еврейская Энциклопедия, статья «Антисемитизм»)

* * *

КГБ… отстранили

Андропов согласился с инициативой министра культуры СССР Е.А. Фурцевой о том, что к решению вопросов о выезде за границу деятелей культуры КГБ отношения иметь не будет.

(Из статьи Филиппа Бобкова «Российский кто есть кто», № 1, 2004)

* * *

«А там как народ скажет…»

С ней можно было разговаривать — она прислушивалась к собеседнику…

Не успел я закончить картину, как директор «Мосфильма» Сурин потребовал немедленно показать материал…Прихожу и вижу Фурцеву со всем синклитом. Говорю: «Фильм не закончен, показать не могу». — «Но я уже пришла!.. Вы же не можете отправить женщину восвояси!» — «Для меня вы сейчас не женщина, вы министр. А министрам полработы не показывают». Она побагровела… Не знаю, что она подумала, но предложила пройти с ней в суринский кабинет, достала из сумочки бумагу и протянула мне. Это был донос бухгалтера моей съемочной группы, в котором он сообщал, что я снимаю антисоветское кино. И я показал ей фильм. После просмотра — молчание. Наконец, Фурцева говорит: «Да…» Все на разные голоса: «Да…» — «Да-а» — «Да-а-а…» Фурцева: «Крепко вы тут завернули». Все: «Крепко это он завернул…» — «Это он крепко завернул…» — «Завернул он это крепко…» Фурцева: «Но ведь все это — правда…» Синклит: «Конечно, Екатерина Алексеевна, это все правда!» Словом,

одобрила меня. Попросила только сделать водораздел между старым и новым временем, между сталинским и хрущевским, то есть. «А там как народ скажет».

(Григорий Чухрай, журнал «Кинопроцесс», 2000, № 3).

* * *

Фурцева не любила рок-н-ролл

Мы всегда мечтали приехать в вашу страну и делали все, чтобы попасть в Москву. Но в те времена министром культуры Советского Союза была мадам Фурцева. Она негативно относилась к любой рок-музыке и, естественно, сделала все, чтобы не допустить гастроли «Роллинг стоунз» в СССР.

(Мик Джаггер, «Аргументы и факты», 1999)

* * *

Билет на «Норму» для врача

— Меня предупредили, — рассказывал искусствовед Борис Поюровский, — что хирург, который сделал операцию моему близкому человеку, никаких подарков от пациентов не принимает, даже цветы и конфеты. (Это было давно, когда мы еще не вступили в эпоху рыночных отношений.) Вот если бы удалось достать два билета на гастроли Ла Скала, тогда, возможно, он бы дрогнул: очень уж любит музыку. Но как это сделать? Звоню в дирекцию Большого театра Калеватову, объясняю ситуацию, а он отсылает к Фурцевой — вся бронь в ее распоряжении. Делать нечего, отправляюсь на улицу Куйбышева. В приемной министра вижу много знакомых лиц: Марецкая, Штраух, Гиацинтова, Менакер… Образовался какой-то стихийный клуб меломанов, составленный из живой истории советского искусства и литературы. Наконец настал и мой черед. На мое: «Здравствуйте!» Екатерина Алексеевна отреагировала вопросом: «Вам, конечно, тоже для врача?» От этой неожиданной проницательности я лишился дара речи.

— Хотите на «Норму»? — спросила Фурцева и тут же протянула бронь.

От радости я, кажется, даже забыл сказать «спасибо» и поспешил восвояси.

— Стойте, стойте, а вы сами не хотите послушать итальянцев? — спросила Екатерина Алексеевна.

— Конечно, хочу, но не смею больше просить…

— Вы все какие-то странные люди. У меня такое впечатление, что гастроли Ла Скала устраивает Министерство здравоохранения.

(Из воспоминаний журналиста, театроведа Б.Поюровского)

* * *

Сбор ветеранов екатерининских времен

«В Москве в Центральном доме актера им. А.А.Яблочкиной состоялся вечер, посвященный 90-летию со дня рождения Екатерины Фурцевой. Кстати, в этом году 90 лет исполнилось бы и Александру Твардовскому. Их уже нет с нами, но остается память — и о тех, кто творил, и о тех, кто травил.

Деятели культуры в России слишком уж зависимы от власти. Любят, чтобы их по головке гладили, а еще лучше — чтобы как следует пожурили, а потом простили. Власти уже давно это просекли и снарядили для нехитрого дела специальных людей.

Фурцева была как раз таким специалистом по расковыриванию ран. Очень любила, например, Ростроповича: от большой любви и выгнала из страны. Для художников выстроила гигантское здание ЦДХ — а на что оно им, если они все равно «пидарасы», абстракционисты недостойные. Любимов ей понравился как актер — она было поощрила появление Театра на Таганке, а понять, что сделала, все равно не смогла.

Но кто такие Ростропович и Любимов, мы не забываем и на пороге XXI века. А вот о Фурцевой приходится напомнить…

Устроители провели в Доме актера урок по искусству реставрации. В лице реставраторов выступили Михаил Швыдкой, сказавший про «замечательный день для российской культуры» и «благородное светлое имя»; Игорь Моисеев, вспомнивший о золотом правиле Фурцевой и любого «культурного человека»: внимательно относиться к любой информации, показывать, что ты очень эрудирован, чтобы никто не заподозрил обратного; Элина Быстрицкая, трепетавшая от одного фурцевского взора; Иосиф Кобзон, который рассказал, как министр легко сменяла гнев на милость; Тамара Синявская и Муслим Магомаев, вспомнившие, как Фурцева пригнала для актеров Большого театра, когда те на Новый год гастролировали в Париже, вагон водки…

На фотовернисаже Фурцева — колоритная фигура советской политики. Любила красиво одеться и красиво выпить. Явила собой пример того, что и ткачихи могут управлять государством. Дама со сталинской закалкой и собственной внутренней

трагедией: в 50-е годы она все же не смогла дореализовать свои политические амбиции. Назначение на пост министра культуры трактовалось тогда как понижение. Однако и здесь она сумела найти выход нерастраченному советскому задору: как следует орудовала в культурной вотчине кнутом, не забывая и о мешках с пряниками. Управляя, она и сама оставалась рычагом власти. Фурцева вполне потянет на героиню голливудского фильма. Если в нем будет поменьше пафоса».

(«Коммерсант», № 232, 9 декабря 2000)

* * *

Строгий выговор главному архитектору

Шпиль колокольни храма Успения на Сенной был вторым по высоте после шпиля Петропавловской крепости, являясь одной из важнейших архитектурных доминант столицы. Фантастически богатой была утварь храма и коллекция икон. Однако все это не остановило власти Ленинграда, считавшие, что эта церковь «не имеет архитектурной ценности». В сентябре 1961 года «Вечерний Ленинград» сообщил, что скоро «позорное пятно на облике Сенной площади» будет снесено и на его месте появится наземный павильон станции метро «из стекла и бетона». Архитекторы Ленинграда переполошились и направили письмо к тогдашнему министру культуры Екатерине Фурцевой, умоляя сохранить памятник архитектуры. Та прислала в город комиссию, а потом направила письмо с запрещением сноса шедевра архитектуры. Но в управлении Ленметростроя, спешившего быстрее закончить сооружение станции на Сенной и не желавшего ничего переделывать, умышленно не стали его вскрывать, а переправили назад отправителю. На другой день церковь взорвали. Разгневанная Фурцева объявила главному архитектору города строгий выговор, но было поздно — на месте храма уже дымилась груда битого кирпича…

(«Петербургский дневник», издание правительства С.-Петербурга)

* * *

И сделала фуэте…

Две работы известного художника Дмитрия Жилинского собирались отправить на выставку в Японию. На одной из них были изображены два его друга-художника в свитерах. А на

другой — его жена Нина рисовала полную натурщицу. Про художников Екатерина Алексеевна Фурцева сказала: «Разве советские люди такие худые?» А про натурщицу: «Разве советские женщины такие толстые? Посмотрите на меня…» И сделала перед Жилинским что-то вроде фуэте.

(Из рассказов художника Д. Жилинского)

Собран материал, закончена книга, поставлена точка…

Разогретый впечатлениями об удивительной судьбе и жизненной драме Е.А.Ф., читатель может задуматься: счастливо ли она провела отпущенные Богом годы? Было ли это счастье в семье: в дочери, во внучке, в мужьях? Пожалуй, вряд ли. Почему? См. все вышеизложенное.

Скорее всего, радость жизни, удовлетворение приносили ей работа, служение системе, строю, партии, культуре, на посту главнокомандующей которой она пробыла целых четырнадцать лет. Служила честно, искренне, можно сказать вдохновенно, насколько могла, исходя из своих способностей, знаний, черт характера и натуры.

Абсолютное большинство мемуаристов-вспоминателей свидетельствуют о Фурцевой тепло, благодарно, душевно, с юмором. Вчерашняя ткачиха, познавшая законы партийного руководства, она за короткий срок стала легендой, первостатейной персоной на кремлевском Олимпе. Сделанное на ниве ее ведомства значимо и сегодня, спустя 36 лет после смерти. Сотворенные по ее распоряжению театры, филармонические залы, художественные выставки, музеи и даже стадионы дают людям отдохновение, эстетически развивают. Но есть и другие свидетельства. Фурцева весьма неоднозначная фигура, и те, кто пострадал от ее своеволия, нетерпимости, недопонимания, говорят о ней резко, хуля и издеваясь. Хорошо это или плохо, что «Pro et Contra»? Да, наверное, так и должно быть, когда человек отдается своему делу истово, подчас рискуя карьерой и даже жизнью. Только такие люди и вызывают интерес у потомков. О таких пишут книги, делают фильмы, таким ставят памятники… Вот почему Екатерина Алексеевна Фурцева становится все более и более… актуальной. О многих, стоявших рядом с ней на кремлевской трибуне, давно забыли. Ни лиц, ни имен, ни деяний. Будто бы и не было вовсе. Потому что о них нечего сказать. А о ней продолжают говорить, писать и спорить…

Можно предположить, что Екатерина Алексеевна, доживи она до векового юбилея, не все бы поняла в том, что творится вокруг, и куда родное ее министерство ведет народ. Как она в свое время не понимала и не принимала постановки Любимова и Захарова, книги Солженицына и Пастернака, вольнолюбивый нрав и независимость Ростроповича и Вишневской, картины художников-авангардистов, музыку разных «роллингов»… Ну, что же, не

ошибается только тот, кто ничего не может и не хочет, кому все безразлично. А она-то, слабая женщина с мужским характером, сражалась с такими монстрами, как отдел культуры и идеологический отдел ЦК КПСС, а то и с самими генсеками. И ведь нередко побеждала… Потому что искренне, самозабвенно старалась сделать счастливым и «культурным» весь советский народ.

Фурцева и сегодня человек-женщина-министр — загадка. Из банальной обыденщины: врачи считают, чтобы женщине стать еще красивее, ей надо много спать. Фурцева в 9 часов уже распахивала двери рабочего кабинета, а домой возвращалась за полночь. Но какой прекрасной Екатериной выглядела она в глазах мужчин! Ее звали и круче — Екатерина Третья, Екатерина Великая. И ведь не напрасно: именно она оказалась в одном строю с жестоким и жестким стальным маршалом Жуковым, когда пошла против железобетонных мужиков…

Правда и вымысел о ней переплелись настолько, что уже невозможно отделить одно от другого. Но важно не это. О Фурцевой не забывали и не забыли. Телевидение подготовило к 100-летнему юбилею фильм о ее жизни и смерти, вышли книги о бывшем министре культуры, в Москве создана библиотека ее имени… На Новодевичьем кладбище — женский профиль на белом мраморе. И надпись: «Екатерина Алексеевна Фурцева». Без званий и должностей. У памятника работы скульптора Л. Кербеля останавливаются люди: «Фурцева, та самая?»

Чувствуешь, ощущаешь: чем дальше уходит время, тем менее сурово судят ее грехи, тем с большей благодарностью вспоминаются ее благие дела… А уж на фоне всех нынешних культуртрегеров Фурцева и впрямь выглядит Великой императрицей русской культуры.

Она сделала карьеру «в мире мужчин». Астрологический портрет Екатерины Фурцевой

Как считают в народе, астрологи знают все: и про твое сегодняшнее, и про твое завтрашнее, и про твое… стоп, а как со вчерашним, с прошедшим? С тем, о чем, как нам кажется, мы все знаем?

Авторы книги решили выверить драматическую судьбу Екатерины Фурцевой с точки зрения астрологии и обратились с таким нестандартным предложением к Вадиму Левину — известному астропсихологу, «кремлевскому провидцу», как окрестили его журналисты, создателю целой галереи астрологических портретов российских лидеров: В. Путина, Е. Примакова, М. Касьянова, Ю. Лужкова, В. Жириновского (В. Левин — автор книг: «Политический зоопарк», «Зверь-хранитель», «Чудеса Зодиака». Его статьи и комментарии регулярно публикуются на страницах газет и журналов).

Екатерина Алексеевна появилась на свет седьмого декабря 1910 года, то есть в год Собаки, под знаком Стрельца. Доведись ей родиться мужчиной, она, возможно, стала бы военачальником (сочетание Собака — Стрелец было, к примеру, у Суворова). Но и на мирном поприще судьба уготовила ей немало борений и побед.

По китайской традиции люди-Собаки принадлежат к группе власти, а по своей натуре они являются защитниками несправедливо обиженных. Девиз данного тотема: «Я служу» следует понимать максимально широко, в смысле служения общественному благу. Такие люди выходят на авансцену, как правило, на переломе эпох, что и подтверждает биография Фурцевой, которая «взлетела» (обратите внимание на последнее слово) в момент перехода страны от сталинизма к хрущевской оттепели. Рожденные в год Собаки по натуре идеалисты, материальные блага интересуют их совсем мало. Это относится и к героине данной книги.

Что касается зодиакального знака Стрельца, то он характеризуется как «водительствующий», иначе — прокладывающий путь. Подобные люди прирожденные начальники. И действительно, Фурцева не раз возглавляла различные партийно-государственные структуры: от московского горкома партии до союзного Министерства культуры. Более того, она стала единственной в советской истории женщиной —

членом Президиума ЦК КПСС.

Стрелец, как известно, происходит от слова «стрелять». Свою главную (хотя и мирную битву) Екатерина Алексеевна выиграла в 1957 году, когда исключительно благодаря ее смелости и находчивости было предотвращено незаконное смещение тогдашнего руководителя страны — Н.С. Хрущева с его поста. Без преувеличения можно сказать, что тот день определил вектор развития нашей страны на десятилетия вперед, предотвратив откат к сталинизму.

Вернемся теперь к выделенному выше слову «взлетела». Дело в том, что согласно другому календарю животных — 32-летнему зороастрийскому — Фурцева родилась в год Аиста. Подобные люди имеют высокие идеалы, при этом стараются заглянуть в будущее на годы вперед, однако в повседневных делах их отличает четкость и конкретность. И в самом деле, Фурцева на разных должностях зарекомендовала себя отменным администратором. Но главная отличительная особенность людей-Аистов — их способность прийти на помощь в трудную минуту (о чем было сказано выше). Несмотря на тенденцию находится в гуще жизни, подобные люди обычно внутренне одиноки (примером служит судьба Лермонтова, также родившегося в год Аиста, к тому же совпавший с годом Собаки). Именно состояние внутреннего одиночества и предопределило ранний уход Екатерины Алексеевной из жизни. Об этом говорит и сам порядковый номер года — 64-й, когда согласно зороастрийскому календарю подводятся главные итоги активной фазы жизни.

Кроме прочего, люди-Аисты под влиянием своего тотема тяготеют к полетам. Стоит вспомнить, что первым мужем Фурцевой был летчик. Женщины-Аисты нередко хороши собой, к тому же в пожилом возрасте сохраняют стройность, ибо так «велит» их тотем. Продолжим наши изыскания. Согласно древнекитайской системе фэн-шуй Фурцева принадлежит к стихии металла (поскольку год ее рождения оканчивается на «ноль»). Причем здесь проявилась мужская ипостась этой стихии, которую символизирует оружие. Опять мы видим проявление бойцовских качеств вкупе с силой характера, а также определенной независимостью суждений, ведь металл трудно согнуть. К данной стихии приписан белый цвет, поэтому получается Белая Собака или Белый Аист (правда красиво?). Как известно, данный цвет символизирует два начала: чистоту помыслов и власть. Оба ярко проявились в характере нашей героини.

И, наконец, несколько слов об имени — Екатерина. Катя — это типичная горожанка, может быть, поэтому молодая

провинциальная ткачиха сумела не только не затеряться в большом городе, но и в сорок с небольшим возглавить громадную столичную парторганизацию. Тотемом данного имени является Лебедь (чем не пара Аисту?). Лебедь благороден и красив, однако его не погладишь. Поэтому любая Екатерина избегает панибратства, держась с окружающими на корректной дистанции. Возможно, это качество помогло Фурцевой сделать карьеру «в мире мужчин».

Не секрет, что своим возвышением она обязана Хрущеву, который был старше ее на 16 лет. Именно подобный интервал в зороастризме считается идеальным, как для деловых, так и для личных отношений. И хотя Никита Сергеевич, в конечном счете, предал свою верную сподвижницу, без его содействия эта незаурядная женщина могла бы и не проявить себя столь ярко.

Биография, деятельность Е.А.Фурцевой

Екатерина Алексеевна Фурцева родилась в 1910 году в городе Вышний Волочок Тверской губернии в семье рабочего.

В 1924 году вступила в комсомол.

1928–1930 — работа на фабрике.

1930–1933 и 1935–1937 гг. — на комсомольской работе: секретарь Кореневского райкома ВЛКСМ Курской области, секретарь Феодосийского горкома комсомола, в аппарате ЦК ВЛКСМ.

В 1930 году принята в члены ВКП(б).

1933–1935 и 1937–1941 гг. — студентка Московского института тонкой химической технологии имени М. В. Ломоносова, избиралась секретарем партийной организации института.

С 1942 года секретарь, второй секретарь, первый секретарь Фрунзенского райкома партии города Москвы.

Знакомство с Н. С. Хрущевым.

С 1950 года — второй, а с 1954 по 1957 год — первый секретарь Московского городского комитета КПСС.

25 февраля 1956 года была избрана кандидатом в члены Президиума и секретарем ЦК КПСС

С 29 июня 1957 по 31 октября 1961 года — член Президиума ЦК КПСС.

В 1957 году семь членов Президиума ЦК, в том числе Молотов, Каганович, Маленков, Булганин и Ворошилов, позднее объявленные «антипартийной группой», делают попытку сместить Хрущева с поста Первого секретаря ЦК. Вопрос об этом поставили Молотов и Маленков на очередном заседании Президиума. Их поддержало большинство членов Президиума, а также примкнувший к ним Шепилов, кандидат в члены Президиума. В защиту Хрущева выступили лишь Микоян, Суслов и Кириченко, а также кандидаты в члены Президиума Брежнев, Жуков, Мухитдинов, Шверник и Фурцева.

На XIX съезде КПСС (1952) Е. А. Фурцева была избрана кандидатом в члены ЦК КПСС, на XX (1956), XXII (1961), XXIII (1966) и XXIV (1971) съездах КПСС избиралась членом ЦК КПСС.

В 1950–1962 и 1966–1974 годах являлась депутатом Верховного Совета СССР третьего, четвертого, пятого, седьмого и восьмого созывов.

С 1960 года — министр культуры СССР.

Скоропостижно скончалась в ночь с 24-го на 25 октября 1974 года. В медицинском заключении, подписанном начальником Четвертого управления Минздрава СССР академиком Чазовым, причиной смерти была названа острая сердечная недостаточность.

Похоронена на Новодевичьем кладбище в Москве (скульптор надгробия — Лев Кербель, архитектор — Михаил Барщ).

Мать — Матрена Николаевна (1890–1972).

Первый муж (с 1931 по 1942) — летчик Петр Иванович Битков.

Дочь — Светлана.

Второй муж (с 1956 по 1974) — дипломат Николай Фирюбин.

Деятельность на посту первого секретаря Московского горкома партии и министра культуры СССР

В 1954–1960 гг. в ее ведении был контроль за:

1954 — установкой памятника Юрию Долгорукому на Тверской

1954–1956 — строительством спортивного комплекса «Лужники»

1956–1958 — жилищным строительством — так называемых «хрущевок»

1954–1957 — проектированием и строительством «Детского мира»

1954–1959 — реконструкции комплекса ВСХВ (ВДНХ)

1957 — проведением Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве

Везде Екатерина Алексеевна принимала активное участие

По инициативе и стараниями Фурцевой впервые проведены:

1958 — Международный конкурс имени П. И. Чайковского — именно благодаря настойчивости Фурцевой и Эмиля Гилельса Первая премия была вручена Вану Клиберну

1959 — Московский международный кинофестиваль — именно благодаря настойчивости Фурцевой Большой приз 1963 был вручен Федерико Феллини за фильм «8 1/2»

1969 — Международный конкурс артистов балета. Первый председатель жюри — Галина Уланова

По инициативе Фурцевой были созданы и построены:

5 июня 1954 — создан Театр Эстрады во главе с Николаем Павловичем Смирновым-Сокольским, который позже, в 1961 году, переехал по новому адресу

1958 — на Тверской улице открылся книжный магазин

«Москва»

25 мая 1960 — создано новое учебное заведение «Высшие сценарные курсы»

1962 — открылся Московский городской Дворец пионеров и школьников на Ленинских горах

1964 — родился и обосновался в нынешнем помещении Театр на Таганке

1965 — создан Детский музыкальный театр под управлением Наталии Сац

1967 — открыт Мемориальный музей-квартира народного художника СССР П. Д. Корина

1968 — организован художественный музей в доме-мастерской П. Д. Корина на Малой Пироговской

1971 — построен цирк на проспекте Вернадского

1971 — построен и оснащен Государственный концертный зал «Россия»

1973 — воздвигнуто новое здание МХАТ (Тверской бульвар) (в котором с ней и прощались)

— новое здание Московского хореографического училища

— монумент в честь победы России в Отечественной войне 1812 года

Новые помещения получили:

Театр оперетты

Театр им. Моссовета

Театр «Современник» устоял и получил культовое здание на Маяковке

Назначения:

1960 — Театр Пушкина — Борис Равенских

1964 — Главным балетмейстером Большого театра — Юрий Григорович

1967 — Театр на Малой Бронной — Анатолий Эфрос

1968 — Московский академический театр им. Вл. Маяковского — Андрей Гончаров

1970 — Главным дирижером Большого театра — Юрий Симонов

1970 — МХАТ возглавил Олег Ефремов

1970 — Малый театр — Борис Равенских,

в штат Малого театра принят Леонид Хейфец

1973 — Театр Ленинского Комсомола — Марк Захаров

1974 — успела дать жизнь театру-студии Олега Табакова

Необходимо помнить о неусыпном контроле идеологического отдела ЦК КПСС (М. Суслов), а также отдела культуры ЦК КПСС

(В. Шауро). Несмотря на это и благодаря решительности, личному вкусу, советам специалистов, которым доверялась Фурцева, за 14 лет ее «правления» проведено:

1960-е — недели французского, итальянского и др. кино

1956, 1963 — приезд и концерт Ива Монтана и Симоны Синьоре

1955 — выставка из собрания Дрезденской галереи

1960 — выставка работ С. Н. Рериха (ГМИИ имени Пушкина, Эрмитаж)

1961 — гастроли оркестра Бенни Гудмена (Москва, Ленинград, Киев, Минск)

1963 — выставка-продажа моделей поездов производства ГДР («Детский мир»)

1964 — выставка Фернана Леже (ГМИИ имени Пушкина)

1964 — гастроли Ла Скала в Большом театре

1971 — гастроли оркестра Дюка Эллингтона (Москва, Ленинград, Киев, Тбилиси)

1973 — «Сокровища гробницы Тутанхамона» (ГМИИ имени Пушкина, Эрмитаж, в Киеве)

1973 — выставка Марка Шагала в «Третьяковке»

1974 — выставка из Нью-Йоркского музея «Метрополитен», выставка французских импрессионистов

1974 — гастроли Ла Скала в Большом театре

1974 — выставка одной картины — «Мона Лиза» Леонардо да Винчи (в ГМИИ имени Пушкина)

Гастроли Большого театра в Соединенных Штатах

Выставки ГМИИ имени Пушкина, Третьяковской галереи в Японии

Благодаря Фурцевой в Советский Союз возвращены:

наследие Рерихов

наследие Савелия Сорина

получены в дар произведения Марка Шагала, Фернана и Нади Леже

Награды:

четыре ордена Ленина

орден Трудового Красного Знамени

орден «Знак Почета»

медали

2004 — в Москве на доме № 9 по Тверской улице открыта мемориальная доска.

7 декабря 2006—во Фрунзенском районе столицы (Фрунзенская набережная, 50) при поддержке правительства Москвы открылась Библиотека имени Екатерины Фурцевой,

парадный вход которой украшает переданная Международным Фондом развития русского искусства имени Екатерины Фурцевой всемирно известная мозаика, выполненная Надей Леже.

Использованная литература

Ф. Раззаков. Владимир Высоцкий: козырь в тайной войне. «Эксмо», 2009

М. Плисецкая. Я — Майя, М., «Новости», 1994

Н. Молева. Когда отшумела оттепель. М., издательство МПИ, 1991

Г. Вишневская. Галина. История жизни. «La Presse Libre» и «Континент», Париж, 1985

М. Захаров. Контакты на разных уровнях. М., Центрполиграф, 2000

Т. Доронина. Дневник актрисы. М., «Молодая гвардия»

Э. Радзинский. Любовь на 104 страницах // «Аргументы и факты», 24 декабря, 2003

Об авторах книги

Нами Артемьевна Микоян в силу принадлежности к большому семейному клану была свидетелем повседневной жизни многих известных политиков: И. Сталина, Л. Берии, Н. Хрущева, Л. Брежнева… Неоднократно встречалась с министром культуры СССР Е.А. Фурцевой, заместителем которой работал муж Н.Микоян В.Ф. Кухарский.

Как пианистка и музыковед, она поддерживала творческие отношения с классиками мировой музыкальной культуры XX века Д. Шостаковичем, Г. Свиридовым, А. Хачатуряном, Р. Щедриным. Автор книг «С любовью и печалью» (1998), «Своими глазами» (2003).

Сын Н. Микоян, Стас Намин, — знаменитый музыкант, один из основателей отечественной рок-музыки, создатель и лидер группы «Цветы».

Медведев Феликс Николаевич — известный российский журналист, лауреат премии Союза журналистов СССР, многих литературных премий. Еще школьником начал печататься в прессе, его стихи с предисловием Андрея Вознесенского были напечатаны в «Литературной России» в 1967 году. Работал спецкором журнала «Огонек» (1975–1990), на радио «Свобода» в Мюнхене (1988), был автором и ведущим телевизионной передачи «Зеленая лампа» (1987–1991), телецикла «Парижские диалоги», «Избранницы». Автор многих книг-интервью, среди героев которых такие яркие личности XX века, как Габриэль Гарсиа Маркес, Артур Миллер, Грета Гарбо, Курт Воннегут, маршал Кирил Мерецков, Михаил Горбачев, Чингиз Айтматов, Илья Глазунов, Галина Вишневская, Иосиф Бродский…

В 1988 году Ярослав Голованов назвал его в числе лучших интервьюеров нашей прессы.